

Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

№ 4 (34) 2020

МОСКОВСКИЙ BAZAR

МОСКВА, 2020

Об идолах, прошлом и настоящем

Время от времени мир меняется, иногда неожиданно, иногда ожидаемо. Все вдруг становится не таким, как виделось раньше, и из-под ног уплывает опора. Кажется, что ты плывешь на плоту и вдруг поднялись волны. Плот качается и подпрыгивает, а ты едва можешь устоять, всячески пытаешься удержать равновесие. Это трудно. А ведь еще каких-то пару месяцев назад был полный штиль и уверенность, что так будет вечно. Наверное, это не мир меняется, а мы. Или наше отношение к миру. Заканчивается один цикл развития и начинается следующий. Приходится сбрасывать кожу и обрывать новую – болезненный и трудный этап. И вот тогда мы цепляемся за прошлое, заглядываем в его запасники, рассматриваем особенно

внимательно события давно минувших дней, ностальгируем, все нам кажется в этом прошлом прекрасным и правильным, не то что сейчас. А иногда пытаемся подцепить это прошлое на крючок и втащить в настоящее. Так было и у меня.

Решила позвонить бывшему другу, с которым мы когда-то мы неожиданно расстались. Так уж получилось. Немного нелепо и даже глупо, причем по моей инициативе, и меня всегда это тяготило. Это случилось давно, но он продолжал существовать в моей жизни. Между нами осталось что-то недосказанное, вот мне и захотелось перевернуть эту страницу. Как говорится, закрыть *гештальт*.

Отыскала (надо же, не выбросила за ненадобностью!) старую записную книжку, в которую по привычке (бумага казалась более надежным хранителем информации) продолжала записывать телефоны, хотя в мобильных давно уже существовала удобная клавиша «Контакты», нашла нужную букву и долго смотрела на цифры. Раньше, когда телефоны еще были стационарными, я запоминала номера. А вот мобильные стала записывать. Подумала: прошло так много времени, телефон наверняка поменялся, да и жив ли мой бывший друг? Узнает ли меня? Вспомнит ли? Впрочем, не слишком ли много вопросов для такого простого дела – и я набрала давно забытый номер.

Мой друг ответил. Телефон не изменился, да и голос тоже.

– Привет.

– Привет... Простите, кто это? – Он все так же вежлив. – Ты?

– Я...

Молчание. Через тысячи километров, разделяющих нас, я слышу его дыхание. Слышит ли он мое?

– Я рад, что ты позвонила!

Кажется, не врет. Впрочем, он всегда был до неприличия галантен. Я немного жалею, что позвонила, потому что не знаю, о чем говорить. Между нами бездонная пропасть времени, вместившая миллион больших и маленьких событий, значительных и не очень: семью, рождение дочери, переезд в Австрию, творчество, новых друзей. Он ничего об этом не знает, кажется. А может, слышал. Что лежит в его пропасти времени, я понятия не имею. Когда-то решила забыть раз и навсегда. Но телефон почему-то не вычеркнула...

Мы начинаем говорить о том о сем. О важных и очень важных мелочах, ведь из них скроена наша жизнь. Он рассказывает о жене, о детях, о том, что каждую осень они привыкли отдыхать в Таиланде, а в этом году не получится, а летом любили путешествовать с большой компанией на яхте вдоль побережья Средиземного моря. Передо мной мелькают прозрачные волны и портовые городки, которые они так любят с друзьями – я не знаю этих людей, – а в этом году не получилось. Он говорит быстро, перескакивая с темы на тему. Словно боится, что если замолчит, то заполнить паузу станет нечем. А может, ему хочется рассказать мне как можно больше. И вот я узнаю, где он работал и где работает сейчас, все его перипетии и трудности, говорит, что в прошлом году умерла мама... Я молча слушаю. Я всегда умела молча слушать. Наверное, за это он меня любил особенно.

– А как ты? – вдруг спрашивает. – Я слышал, ты пишешь.

Откуда, изумляюсь я. Когда мы расстались, я еще не писала. Просто работала в маленькой юридической фирме.

– Да все нормально, – отвечаю. И вдруг ловлю себя на мысли, что мне невыносимо скучно. Что этот человек остался в далеком прошлом. Он отчаянно цеплялся за мою память, а может, это я не хотела его отпускать? Иногда я думала о нем, пыталась угадать, как сложилась его жизнь, домысливала, допридумывала. Представляла, какой была бы наша жизнь, если бы мы остались вместе. И вот вся эта временная пропасть неизвестности заполнялась информацией, которая, как оказалось, совершенно не важна. И чем больше он говорил, тем мне становилось скучнее, и уже не терпелось завершить разговор.

– А знаешь, я читаю твой журнал, – снова удивляет он меня.

– Мне приятно, – отвечаю. Мне действительно приятно. – И как?

– Кое-что покритиковал бы, – смеется он. – А ты хорошо выглядишь.

– Ты тоже, – вру я. Я даже не представляю, как он выглядит. Хотя по теории пяти рукопожатий его наверняка можно найти в какой-нибудь из соцсетей: он же меня нашел.

– Спасибо.

И вот зависает та самая пауза, которой мы оба боялись. Мы молчим. Но в этом молчании вся прожитая жизнь. Необратимые процессы, в лабиринтах которых мы когда-то разжали руки и потерялись.

– Когда приедешь, давай выпьем где-нибудь кофе, – говорит он. – Так хочется встретиться!

А мне – нет. И я вдруг отчетливо понимаю, что вот сейчас отключусь и уже никогда не буду ему звонить. Становится тоскливо от мысли, что я совершила что-то ненужное. Я ясно поняла, что этот человек уже давно мне неинтересен. Он остался в прошлом, как и многие другие. Это был неверный шаг. Нет, *гештальт* завершать не нужно, пусть он остается в жизни как некий недопроеденный путь. Не все пути ведут к цели, нужно позволять им иногда обрываться. Пусть они висят в пропасти времени тонкими нитями и теряются в лабиринте событий. Пусть они остаются отправными точками благодаря которым мы вышли на правильную дорогу. Одной сказкой в моей жизни стало меньше, я сама от нее избавилась.

Все-таки прав был Гюстав Флобер: не стоит прикасаться к идолам. Пусть они остаются золотыми в прошлом. Их место обитания там. Я молча стираю с пальцев позолоту и иду пить кофе...

Дорогие друзья! Живите настоящим. Не вытягивайте призраков из их темных углов, пусть они с грустью смотрят на вас оттуда. Живите сегодня. Создавайте новых кумиров, творите, созидайте, не упускайте ни одной возможности для радости, ведь завтра всего этого может не быть. А прошлое... А прошлое храните в фотоальбомах. Там идолы настоящие, те, которыми они были тогда.

СОДЕРЖАНИЕ

BazArt

ВОЛШЕБНЫЕ МИРЫ КАДРИИ ГАЛЕЕВОЙ

Интервью с художником Кадрией Галеевой ведет Светлана Куликова, член Союза журналистов РФ, член МГО писателей России

6

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ВАЛЕРИЙ РОГУЛИН (Москва)

- «СПАСИБО, СЕРДЦЕ, ЧТО ТЫ УМЕЕШЬ ТАК ЛЮБИТЬ!».

Отрывок из книги «Внуково. "Московский писатель". В тени больших деревьев»

15

ПРОЗА

ИВАН ГАБОВ (Новоуральск, Свердловская обл.)

- ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ ТРЕТЬЕГО РОДА
- ИЗГИБ ГИТАРЫ ЖЕЛТОЙ

ТАТЬЯНА ЯРЦЕВА (Липецк)

- ЧЕРНАЯ ПТИЦА
- ВО ЧТО ПРЕВРАЩАЮТСЯ СНЕЖИНКИ

27

33

38

41

ПОЭЗИЯ

АНАСТАСИЯ СМИРНОВА (Череповец, Вологодская обл.)

НАДЕЖДА КОГАН (Сергиев Посад, Московская обл.)

ОЛЬГА УВАРКИНА (МОССАЛИТ, Москва)

СЕРГЕЙ СКЛОВСКИЙ (Москва)

ЮРИЙ БЕРИДЗЕ (Москва)

43

46

49

53

56

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОЛНЫ ФЕСТИВАЛЯ

О крупнейшем в культурном русскоязычном пространстве фестивале «Славянские традиции» рассказывает его основатель и бессменный руководитель заслуженная артистка России, музыкант и писатель Ирина Силецкая

59

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

АНАТОЛИЙ ХРЕБТЮГОВ (Любимов). Скороговорки

ВИКТОР ПЛЕШАКОВ (ЁЖ) (Щелково, Московская обл.)

ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Королёв)

СВЕТЛАНА МАКАРЕНКО (Семипалатинск)

- ШОКОЛАДНОЕ ВОСПИТАНИЕ

69

72

75

77

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

ЕЛЕНА ГАЛУСТОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *СЕВЕРНЫЙ РЕЧНОЙ ВОКЗАЛ. Альтернативный путеводитель*

83

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?

93

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

НАТАЛЬЯ ПУНИНА-ОРЛОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА. Пьеса в семи действиях*

95

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД С БОЛЬШОЙ ИСТОРИЕЙ. МЕЛЬК*

122

В оформлении журнала использованы репродукции картин М. Эшера, К. Галеевой, Н. Виллон, фотографии из семейных и авторских архивов В. Роголина, И. Силецкой, Е. Галустовой, С. Судариковой

На обложке: К. Галеева. Энергия цветов. 1986 г. Картон, темпера 500x400 мм

Журнал выходит в рамках проекта творческой мастерской «МОССАЛИТ»

Руководитель проекта *Ольга Грушевская*

Главный редактор *Светлана Сударикова*

Редактор-корректор *Ирина Чижова*

Художественный редактор *Ольга Грушевская*

Кураторы рубрик:

«Проза» – Светлана Сударикова, Всеволод Круж

«Поэзия» – Евгений Агуф, Ольга Уваркина, Алексей Казарновский

«Культурное наследие» – Светлана Сударикова, Ольга Грушевская

«Частная территория» – Наталья Пунина-Орлова

«Городской альбом» – Елена Галустова

«VazArt» – Ольга Грушевская

«Записки на манжете» – Ольга Рыбакова, Ирина Чижова

«Детское чтение» – Зинаида Кокорина, Ольга Уваркина

BazArt

Светлана Куликова

(МОССАЛИТ, Москва)

ВОЛШЕБНЫЕ МИРЫ КАДРИИ ГАЛЕЕВОЙ

Интервью с художником

Беседу ведет С. Куликова,
член Союза журналистов РФ, член МГО Союза писателей России

По-настоящему ее знают только самые близкие люди. Для прочих эта маленькая скромная женщина всегда в тени своего спутника... Так, стоп! Принимая от редактора «Московского BAZARa» Светланы Судариковой задание взять интервью у живописца – автора самобытных картин Кадрии Галеевой, я получила строгое ограничение: ее мужа – известного математика, философа, литератора и художника Игоря Бурдонова – в нашем разговоре не будет. И это справедливо: невзирая на крепкие узы брака (в 2021 году семейному союзу Бурдонов-Галеева исполнится 50 лет!), в творчестве каждый из супругов идет своим путем.

Определить художественное направление работ Кадрии одним словом сложно. Они очень добрые, искренние, в них есть индивидуальный авторский стиль, но – разные: можно отметить признаки наив-арта, импрессионизма, экспрессионизма, реализма... Если верно утверждение, что в картинах художника отражается его душа, то понять человека «до донышка» просто – нужно лишь разглядеть и разгадать это отражение.

Наиболее полно живопись Кадрии Галеевой представляли персональные выставки: в библиотеках Москвы – № 99 СВАО («Фрезия», 2008 г.) и № 42 им. Платонова («Окно», 2015 г.), в триоцком Доме ученых (г.Троицк, 2010 г.). Отдельные работы экспонировались в Московском Дворце молодежи (выставка «Лабиринт», 1988 г.), в Музее наивного искусства в рамках Московского международного фестиваля наивного искусства и творчества аутсайдеров «Фестнаив» (2017 г.), на итоговом вернисаже сербско-российского пленэра в г. Шед (Сербия, 2018 г.).

Однако свои работы Кадрия Абдулвалеевна на всеобщее обозрение выставляет неохотно. Почему? Потому что... Впрочем, пусть она отвечает на вопросы сама.

– Не люблю публичность. Может, смелости мне не хватает... Ведь если человек честный, я имею в виду, в творчестве своем честный – не важно, чем он занимается, пишет или рисует, – он обнажается и становится беззащитным! Каждый может его обсудить и при этом осудить, раскритиковать – не всегда по делу. Пусть даже не по злобе, а просто от непонимания. Я не профессионал, мне важнее что-то открыть не для всех, а в себе для себя. И потом... Я думаю, каждому, кто занимается хоть каким-то видом творчества, не так важна известность, как сам процесс. Я получаю удовольствие от работы с красками, от созерцания природы или городского пейзажа и своих попыток перенести личное впечатление на холст, пусть даже эти попытки не всегда удачные.

Художник Кадрия Галеева

– В какой семье ты росла? Твои родители были творческими людьми?

– Нет. Мама из семьи священника. Ее отец, мой дедушка, был муллой, а она стала инженером-химиком. Папа был военным, потом вышел в отставку. Двое детей: я – старшая и брат, на три года младше.

– Ты всерьез и глубоко интересуешься не только живописью, но и музыкой. Неужели не было в роду ни художников, ни музыкантов?

– Один мамин брат учился в авиационном институте и одновременно посещал художественное училище, да еще и пел неплохо, но не стал ни художником, ни певцом. Папин брат играл в оркестре

оперного театра на гобое, а жена его была там же примой. Я очень любила ходить с ними в театр. Дядя меня водил туда в зимние и весенние каникулы, я переслушала все оперы с огромным интересом и удовольствием...

– ...а стала почему-то металлургом.

– Все мои старшие родственники считали: если человек выбирает гуманитарное направление, у него не все дома! Несмотря на то что и мамини братья, и она сама неплохо рисовали, все они были убеждены, что художник – несерьезная профессия. Видимо, это как-то мне понемногу внушалось. К тому же в те годы самыми крутыми лириками были

**Ручей близ Абрамцева.
1976 г.**

**Река Яхрома.
1976 г.**

**Река Лопасня.
1976 г.**

К. Галеева. Около деревни Липовки. 2001–2008 гг. Холст, масло

физики – они писали стихи, пели песни, путешествовали. Стать математиком, физиком, химиком было престижно. Учителя наши по этим предметам очень гордились учениками, которые шли по их стопам. Было даже что-то вроде соревнования среди них, кто больше выпустит последователей. Уже студенткой я встретила свою учительницу химии Нонну Петровну, и она мне сказала: «Спасибо, Кадрия, не подвела!»

– У меня в голове не укладывается: девочка, маленькая, хрупкая, с очевидно гуманитарным складом натуры, одна отправилась из Казани в Москву поступать в институт стали и сплавов! И родители тебя отпустили без сопротивления?

– Как ни странно, отпустили. Потому что они понимали: сопротивляться бесполезно, все равно сделаю по-своему. Я не то чтобы упрямая была, скорее настойчивая, с характером.

– Не пожалела?

– Нет! Я и училась с удовольствием, и работала после института на авиационном заводе инженером с огромным интересом. Мне моя профессия нравилась.

– И все-таки живопись пришла в твою жизнь. Как?

– Это случилось уже после того, как мы с Игорем поженились. Каждый выходной мы ходили в походы с ночевками. С друзьями, позже – с сыном. Уезжали в пятницу вечером, возвращались в воскресенье вечером и в понедельник с утра шли на работу. Мы оба любим путешествия, природу. И вот однажды у меня возникла мысль: а не купить ли нам акварельные краски, не попытаться ли перенести свои впечатления на бумагу.

– А до этого ни ты, ни Игорь за кисти не брались?

К. Галеева. Уходящие в танце. Вторая половина 1980-х гг. Картон, масло

– Нет. Мы вместе начали заниматься живописью. Каждый по-своему. Вот удивительно: смотрим на одно и то же место, но изображаем его по-разному. А потом как-то само собой получилось, что мы подружился с художниками. Здесь, у нас, в Лианозове. Тогда еще был жив Витя Николаев. Мы к нему приходили спонтанно, он музыку включал... Такие были замечательные встречи и посиделки! В общем, постепенно как-то втянулись.

– И увлеклись Китаем тоже вместе?

– Нет, это только Игоря увлекло, но не без моего участия. Был 1982 год. Я тогда работала на авиационном заводе, где часто продавали всякий дефицит, и купила книгу с картинками Ци Бай Ши. Роскошный альбом! Игорь стал изучать его, других мастеров китайской графики и работать дальше акварелью. А мне ближе оказалось масло. На мой взгляд, у масляных красок больше возможностей. Если получилось что-то неудачно, акварель уже нельзя исправить, а масляную живопись можно.

– Часто это делаешь?

– У меня крайне мало работ, которые мне однозначно нравятся, и я не хочу ничего в них изменить. Чаще смотрю на уже готовую картину и думаю, что вот здесь и здесь, и здесь надо было сделать по-другому.

– Словом, увлечение живописью началось сразу после института, вместе с началом работы и семейной жизни? Потом ребенок, друзья... Ваш дом всегда был и остается чрезвычайно гостеприимным.

К. Галеева. Желтая трава (из цикла «Лианозово»). 1987 г. Картон, масло

– Да, у нас постоянно народ толпился. Некоторые даже жили неделями. Сейчас тоже постоянно с нами друзья, и в СНТ, и в Липовке.

– Ты ведь и готовишь превосходно.

– Это, я думаю, врожденное. Мама и папа прекрасно готовили, но меня специально никто не учил. Наверное, генетика.

– Верю. Я когда впервые сварила украинский борщ, страшно удивилась: получилось отлично. Точно, гены мамы-украинки. Но как тебе удалось не свалиться в быт? Как тебя на все хватало?

– Сама удивляюсь. Молодые были, энергичные... Не только работа, гости постоянно и походы – это летом, в основном, еще мы любили ходить в театры, на концерты и выставки...

– Плюс живопись?

– И это тоже. Мы подружались с Сашей Белугиным; с Валерой Красильниковым – прекрасный был художник, к сожалению, его работы куда-то исчезли; с Витей Николаевым и его женой Татьяной, реставратором в Пушкинском музее, которая всегда предоставляла нам возможность попасть на уникальные выставки.

– Говорят, в работе писателя главное «начитанность», то есть, большой багаж прочитанных выдающихся произведений, а в работе художника главное «насмотренность», то есть, личное знакомство с произведениями мирового уровня. Много подлинников довелось увидеть?

К. Галеева. Цветы в синей вазе. 2018 г.
Холст, масло

трех красок, получится грязь, а Моне накладывал разные краски одна на другую по несколько, и никакой грязи! Краски играют, живут! Такое можно увидеть лишь в подлиннике, в печати или на экране эффект восприятия совсем другой. Другой резонанс произведения со зрителем.

– Сейчас стало модно организовывать выставки художников с участием копий, фотографий. Такой была выставка Дали в Манеже... Или выставка Ван Гога «Ожившие картины». Как думаешь, можно получить представление о художнике по таким экспозициям?

– Репродукция, конечно, не будет иметь той энергии, какую несет подлинник, но это лучше, чем визуализации с применением анимации, когда все шевелится, имитируя живое. Мне кажется, это даже вредно, потому что искажает труд художника, придает ему совершенно иную смысловую нагрузку – не ту, которую заложил автор. Изменяется передача мироощущения. И, конечно, совершенно другие вибрации.

– Кто тебя учил?

– Никто. Сама читала специальную литературу, смотрела картины мастеров, осмысляла. Друзья помогали. И сейчас помогают. Саша Белугин до сих пор дает грамотные, полезные советы. Валера Красильников, когда приходил, говорил: «Господи, ну почему ты так шизофренически врубаешься в этот зеленый цвет?!» У меня всегда очень много разного зеленого...

– Да, много. И в наших, российских музеях, и за рубежом.

– Вы с Игорем несколько раз были во Франции, на родине импрессионизма, в Испании, Китае, Италии... Сильно изменился взгляд на работы, с которыми ты была знакома только по репродукциям?

– Взгляд особо не изменился, но пришло понимание, что никакая репродукция не передаст то, что несет в себе авторское произведение. По репродукциям можно знакомиться поверхностно, просто чтобы знать, что вот есть такая картина, не более того. Подлинник же несет те вибрации жизни, мироощущения, которые передает большой художник только ему одному известным способом! Сколько бы раз я ни приходила в музей Орсе, не устаю удивляться красочности работ Клода Моне! Художников учат: нельзя смешивать больше

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

– Не было желания поступить куда-нибудь, получить образование?

– Никогда. Витя Николаев смотрел на мои работы и уверял, что мне не нужно учиться, потому что «ты потеряешь то, что дано только тебе и больше никому». Вот я участвовала в выставках в Музее наивного искусства как художник-наивист, но в то же время у меня не чистый наив. Я, наверное, где-то посередине между реалистом и примитивистом. Наверное, поэтому ощущаю себя ни к какому направлению не причастной. Самая первая выставка, где я принимала участие, называлась «Лабиринт», проходила она в 1988 году во Дворце молодежи. Там выставлялись молодые художники, профессиональные. У меня искусствоведы отобрали три работы, и когда я увидела, с кем рядом, с какими мастерами висят мои несчастные картинки, я поняла, что категорически не хочу ни учиться в учебном заведении, ни выставляться!

– Зачем тогда ты трудишься, зачем пишешь картины?

– Ради самого творческого процесса. Причем, летом мне меньше всего хочется работать на холсте, больше тянет смотреть, созерцать, я только изредка набрасываю этюды. А зимой и ранней весной доделываю их.

– По фото или по памяти?

– По памяти в основном, крайне редко смотрю на фото.

– Сейчас вокруг нас очень много самодеятельных поэтов, писателей, художников. Я знаю, ты охотно отзываешься на чужие успехи, радуешься им. Помнишь парня из Ливии Валёда Абдо, с которым ты меня в интернете познакомила? Он рисует фломастерами несколько нелепо, но так трогательно и привлекательно. Его многие ругают, а ты поддержала. По доброте душевной или что-то в его рисунках тебя действительно тронуло?

– Мне рисунки Валёда очень понравились. У него рука от природы поставлена, чувство цвета идеальное, и оно сочетается с искренностью. Это как музыкальный слух: или дано, или нет. Боженька поцеловал – это всегда видно! Таким же был Ван Гог, в нем отзывался мир, и он смело переносил свои чувства на холст. Когда мы были в Сербии, на сербско-российском пленэре, там в основном профессионалы собрались, но далеко не у всех даже при правильном, безупречном исполнении получалась искренняя, честная работа.

К. Галеева. Витринное окно и угол шкафа.
1987 г. Картон, масло

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

– Можешь назвать любимых художников?

– Я в последнее время увлеклась Феликсом Валлоттоном. Он очень плоскостной, но мне близок.

– Потому что вы с ним чем-то похожи по стилю.

– Возможно. Еще Морис Вламинк. Он такой... Конкретный. Черный цвет у него – это черный, красный – это красный. Вроде ничего сложного, но впечатление производит сильнейшее. В то же время знакомство с подлинниками не всегда дает положительный эффект. Я, когда в музее Орсе увидела работы Анри Руссо, была просто потрясена, какие они огромные и давящие! Совершенно другое резонансное впечатление, чем от репродукции. По репродукциям он мне нравился, а после личного знакомства разонравился.

– Тебя жизнь немало побила. Раннее начало самостоятельной жизни, утраты близких, трагическая гибель взрослого сына... Тяжелые испытания. При этом я постоянно слышу от тебя, что ты кого-то жалеешь. Больных, бедных, даже виртуальных друзей из Ливии и Алжира, где сейчас война. Откуда столько душевных сил?

– Это называется эмпатией. Она у меня есть. Кстати, Рустам (сын Игоря Бурдонова и Кадрии Галеевой, судьбу которого И. Бурдонов описал в романе «Альбом фотографий» – С. К.) обладал ею в еще большей степени, потому ему было гораздо сложнее жить. Он чувствовал всех людей и видел их каким-то особенным внутренним видением – это очень больно. Но я умею закрываться в своем мире, а он был открытым ко всем.

**К. Галеева. Остров на озере (из цикла «Лианозово»). 1985 г.
Холст на картоне, масло**

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

– Зачем ты учишь французский язык?

– Очень люблю Францию. Особенно юг. Мне там все нравится, все мило. И я хочу лучше понимать эту страну, ее культуру, а культура – это прежде всего язык, на котором говорят в стране. С удовольствием читаю книги на французском, разговариваю с Верой Сажинной и своей учительницей Дашей. Да, Франция близка мне. И очень жаль, что сегодня там столько трагических событий происходит.

– Политика нынче – тема номер один. Ты в нее включаешься?

– Мы с Игорем следим за событиями, конечно, но отношение к этой теме у нас очень изменилось. Такой активности, как в 90-е годы, уже не проявляем. Больше я на площадь с плакатами не выйду и поддерживать никого не буду. Не вижу никакого смысла в стремлении что-то разрушать, мне ближе созидание.

– Какие планы на будущее?

– Никаких. Планов нет. Есть необходимые дела. Розы на зиму укрыть, заготовки сделать... Ну и закончить несколько начатых работ.

– Тогда на прощание от себя и наших читателей я пожелаю тебе побольше удачно созданных картин и смелости в их показе зрителям, хотя бы в интернете. Даже если будет много злобных критиков, все равно и поклонников, я уверена, будет много.

– Спасибо большое.

Блиц на прощание

– Черный или белый?

– Белый.

– Чай или кофе?

– Чай.

– Квадрат или круг?

– Квадрат.

– Кошка или собака?

– Кошка.

– Идти или лететь?

– Идти.

– Вода или воздух?

– Вода.

– Жара или холод?

– Холод.

– Счастье или покой?

– Еще несколько лет назад я бы выбрала счастье, а сейчас выбираю покой.

К. Галеева. Черные звезды. У Вити Николаева. 23 марта 1986 г.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ВАЛЕРИЙ РОГУЛИН

(Москва)

Из книги «Внуково. “Московский писатель”. В тени больших деревьев»

СПАСИБО, СЕРДЦЕ, ЧТО ТЫ УМЕЕШЬ ТАК ЛЮБИТЬ!

В сокращении

Валерий Альбертович Рогулин, журналист, сценарист, режиссёр-постановщик научно-популярных и учебных фильмов. Сын режиссёра Альберта Гендельштейна и народной артистки Таджикской ССР Евгении Рогулиной, пасынок Эдит Утёсовой. Воспитывался в семье народного артиста СССР Л. О. Утёсова. В семье Валерия называли Валей.

Каждый раз, когда я еду во Внуково, меня охватывает необыкновенное волнение, ведь еду туда, где моя родина и мой храм.

Передо мной длинный Кутузовский проспект, длинный как моя жизнь. Московские пробки, удивительной красоты здания, так изменившие облик столицы. Минское шоссе, по которому я не раз ездил ещё на машинах советского производства ГАЗ М-1 («эмка») и на иностранном «Форде» с шофёром Леонида Осиповича Утёсова дядей Лёшей.

Юлия Альбертовна Севела (Гендельштейн) (1934) – актриса, окончила Московское театральное училище им. Б. Щукина, снималась в кинофильмах

Для меня, маленького, дядя Лёша был очень важным человеком. Когда он приезжал за мной, я бежал к нему навстречу, словно навстречу своему счастью. Помню запах бензина и салона – они были для меня как запах хороших французских духов.

Пока еду, есть о чём подумать и мысленно вернуться на много лет назад, в прошлое, которое неразрывно связано с Внуковым, там становился мой характер, формировался взгляд на мир. Внуково навсегда в моём сердце, и хочется сказать: «Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить!»

В мыслях возвращаюсь в своё детство, где маленький мальчик в штанишках на ляпочках играет в войну, не выговаривает многие буквы: «Я похраничник!» – кричал я.

Спустя много лет, когда мой приемный дед Леонид Осипович Утёсов сердился на меня, он всегда приговаривал: «А помнишь, как ты на даче во Внукове кричал “я похраничник”?!»

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

«Заре навстречу» (1959), «Чёрная чайка» (1962, главная роль), «Здравствуй, это я» (1965), работала с блестящими актёрами Е. Самойловым, С. Юрским, Р. Быковым, А. Джигарханяном. Отец – режиссёр и сценарист Альберт Гендельштейн, мать – актриса Евгения Рогулина.

Это было в предвоенные годы, впереди была война.

Это я, 1939 г.

С сестрой Юлей. Внуково, 1939 г.

Вспоминаю своих родителей Евгению Ивановну Рогулину и Альберта Александровича Гендельштейна. Красивые и чрезвычайно талантливые люди, оставившие огромный след в нашей культуре.

Моя мама, женщина необыкновенной красоты и ума, родилась в Самаре, в 1925 году поступила в Ленинградский техникум экранного искусства на актёрский факультет, много работала на Мосфильме. Потом встретила отца, они поженились.

На определенном этапе, в 1938 году, жизнь развела моих родителей, и из-за сложившихся обстоятельств я из квартиры, где жила мама, на улице Никольской, 55, переехал в дом Утёсова.

А мама по распоряжению Сталина была направлена, как актриса и общественный деятель в области культуры, поднимать культуру в республики Средней Азии. Её направляли по договору на 2 года в Ашхабад, в театр им. А. Пушкина, но началась война и она осталась там, а в скорости после войны переехала в Душанбе, тогда Сталинабад. В Москву вернуться ей уже не было суждено. В Душанбе мама работала в русском драмтеатре имени Владимира Маяковского, где много лет была ведущей драматической актрисой и сыграла более 100 ролей. Евгения Ивановна избиралась депутатом Верховного Совета Таджикской ССР, много работала на таджикском телевидении и радио – всегда была в работе.

А отец после 1938 года навсегда связал свою жизнь с семьей Утёсовых, в 1940 году узаконив отношения с дочерью Леонида Осиповича Эдит. Так у меня и моей родной сестры Юли образовалась мачеха, которая нас очень любила и стала практически второй мамой. В семье Эдит звали Дитой.

Моя мама Евгения Ивановна Рогулина

Мама – актриса Евгения Рогулина. Сценический образ

Альберт Александрович Гендельштейн (1906–1981) – сценарист, режиссёр игрового и документального кино, создатель нового метода в кинематографии, демонстрирующего динамику развития сюжета. Имеет призы и награды различных кинофестивалей.

Родился в Киеве. Окончил режиссёрский факультет Государственного кинотехникума (ныне ВГИК) в 1927 г. После завершения учёбы Альберт Гендельштейн и Алексей Файнциммер получили приглашение от Всеволода Пудовкина поработать ассистентами на съёмках картин «Конец Санкт-Петербурга».

Альберт Гендельштейн – режиссёр художественных фильмов «Любовь и ненависть» (1935), «Поезд едет в Москву» (1938), «Дерюжков» (1943). В период Великой Отечественной войны был режиссёром фронтовой киногруппы 1-го Украинского фронта, ВВС Красной армии, принимал участие в боевых операциях, был награждён боевыми наградами. После войны работал в студии «Центрнаучфильм». Автор ряда сюжетов в киножурналах «Новости сельского хозяйства», «Наука и техника», «Здоровье», «Хочу всё знать». Альбертом Александровичем было снято много научно-популярных фильмов, среди которых «Александр Покровский» (1945), положивший в основу более позднего фильма «В небе Покровские» (1965); «Скульптор и время» (1963) о скульпторе Е. Вучетиче. Фильм «Руками хирурга» (1969) получил диплом и призы за лучшую режиссуру на Всесоюзном кинофестивале 1970 г., а кинолента «Дмитрий Шостакович» (1967) – главный приз на Всесоюзном кинофестивале 1968 г. В 1956 г. на Международном кинофестивале в Каннах сценарий А. Гендельштейна к фильму «Товарищ уходят в море» был удостоен приза за лучший сценарий.

По иронии судьбы тётя Лена, жена Утёсова, слово которой в доме было законом до конца её жизни, поселила меня в московской квартире в любимом кабинете Леонида Осиповича. Там висел его парадный портрет, а также картины передвижника Архипова, с розовощекистыми бабами, и других русских художников. Некоторые картины были абстрактного направления в искусстве, что отражало эпоху. Не исключаю, что там были картины и Василия Кандинского.

Если Утёсов возвращался после концертов поздно, или когда Елена Осиповна болела, он был вынужден из-за меня спать в столовой на неудобном угловом диване. Тогда он упрекал меня, что я занял его любимое спальное место в кабинете, злился, но никогда по-настоящему меня не выгонял, так как в душе любил.

Утёсов любил меня и всегда был равнодушен к моей жизни – к учёбе и работе.

Из рассказов Валерия Рогулина

И вот я во Внукове. Заснеженные вековые ели – они выросли вместе со мной; старые скамейки; знакомый дом сценариста Зиновии Маркиной, здесь теперь живёт её внучка Оленька Грушевская, сюда я часто приезжаю в гости. Когда-то в этом большом доме – некогда красного кирпича и со светлыми террасами – жил мой друг Юлик Титов, сын сестры тёти Зины – Серафимы.

Эх, сегодня мне не заснуть. Воспоминания, воспоминания... И приходят на ум слова знаменитой песни «Сердце, тебе не хочется покоя!» из кинофильма «Весёлые ребята»:

Ах, эти дни былого счастья
Мы с вами будем вспоминать!
И словно луч среди ненастья
Нас будет снова озарять, опять, опять...

Леонид Осипович Утёсов (Лазарь Моисифович Вайсбейн) (1893–1982) — эстрадный артист, киноактёр, певец, руководитель Государственного эстрадного оркестра РСФСР. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1962).

Первым из артистов эстрады был удостоен звания «Народный артист СССР» (1965).

Многогранная личность Леонида Утёсова и неподряхляемая манера исполнения сделали его культовой персоной советской эпохи. Он был связан дружбой и творческим сотрудничеством со многими выдающимися личностями того времени, дружил с И. Бабаем, И. Дунаевским, М. Зощенко.

Родился в Одессе в многодетной семье. Отец был мелким коммерсантом. Уже в детстве мальчик заинтересовался музыкой и начал играть на скрижке. К началу учёбы в коммерческом училище байга восьмилетний будущий артист уже играл на нескольких музыкальных инструментах, пел в оркестре. Но окончить учебное заведение юные не посчастливилось, в возрасте четырнадцати лет был отчислен за озорство и проделки.

Творческий путь молодой человек начал в бродячем цирке Борца Ивана Бородакова в качестве гимнаста. С 1912 года за несколько лет Леонид побывал в ряде крупных городов, где работал во многих театрах: Кременчугском театре миниатюр, труппе К. Г. Розанова, театрах Большом и Малом Рихельевском, Херсонском театре миниатюр, передвижном театре миниатюр «Мозанка». В Александрии, у Азамата Гудевича, он познакомился с актрисой Еленой Лисской (Голдиной), женился и прожил в браке с ней 49 лет.

В период театральной работы начал выступать под псевдонимом Леонид Утёсов, который придумал себе сам. Об истории псевдонима Л. Утёсов рассказывает в своей книге воспоминаний «Спасибо, сердце!».

В 1917 году, после победы на конкурсе кушетников в Гомеле, Утёсов собрал в Москве небольшой оркестр и начал выступать в саду «Эрмитаж». В 1920-х он активно выступал на эстраде и работал в театрах Москвы (Театр революционной сатиры, Театр музыкальной комедии, театр оперетты «Славянский базар»), Ленинграда, куда он переехал в 1922 году (Театр Сатиры, Свободный театр, театр оперетты «Палас-театр»), и Риги.

В 1928 году Утёсов с семьёй посетил Париж, где впервые услышал американский джаз-оркестр Гедда Льюиса. Под впечатлением оркестра Льюиса Утёсов создал в Ленинграде собственный «Гедд-джаз» (позднее Государственный джаз-оркестр РСФСР, Государственный эстрадный оркестр РСФСР), с которым впервые успешно выступил на сцене Ленинградского Малого оперного театра уже в марте 1929 года. С этого момента Леонид Осипович полностью отдал себя оркестру, став его руководителем (первый год вместе с трубачом Яковом Скомороховским).

Джаз-оркестр исполнял различные пьесы, как западные, так и специально написанные для него композиции и песни. Так, Моисей Дунаевский писал для оркестра джазовые рапсодии — обработки народных песен, а также немало песен на стихи современных советских поэтов.

Леонид Утёсов снимался в кино: «Мейтеянт Шмидт — борец за свободу» (1919), «Торговый дом “Антанта и К”» (1923), «Чужие» (1928), вплоть до 1981 года участвовал во многих фильмах и телевизионных программах об эстраде и культуре. Особое место в кинокарьере Утёсова занял музыкальный фильм 1936-года «Весёлые ребята» (муз. И. Дунаевского, тексты песен В. Лебедева-Кумача) с участием его оркестра. Утёсов выступил в главной роли — Кости Потехина. Успех фильма привнёс его участникам огромную популярность и известность по всей стране.

Во время войны Леонид Осипович с оркестром и с семьёй эвакуировался в Новосибирск, где была база оркестра, но большую часть времени Утёсов с оркестром проводил на линии фронта, на передовых, вместе с Лидией Руслановой и Клавдией Пульхенко выступал перед солдатами Красной армии. Неоднократно во время таких поездок он попадал в опасные ситуации, под бомбёжки. Э-му гвардейскому истребительному авиаполку были подарены два самолёта Ил-30 от оркестра Леонида Утёсова. Самолёты носили название «Весёлые ребята».

После войны Утёсов с оркестром много ездил по стране, выступал на радио, телевидении. Им исполнялись песни различных жанров: эстрадные, джазовые, городские романсы. Работал с очень многими композиторами и поэтами, в частности исполнялись песни, написанные известными ленинградскими соседями: И. Дунаевским («Дорожке мои москвички», «Евгений Онегин», «Взрешская рапсодия»), В. Гусевым («Полюшко-поле», «Два друга»), Б. Долматовским («Дорога на Берлин», «Случайный вальс»), В. Лебедевым-Кумачом («Дедушка», «Жапельки», «Песня о стрелках»), А. Суриковым («Кавачья песня»). К ряду песен — «Гавана», «Любовью всё полно», «Море войдёт» — Утёсов сам написал слова и музыку. С песнями Утёсова было выпущено много грампластинок.

Л. О. Утёсов написал несколько книг: о своём любимом городе Одессе — «Моя Одесса» (1966), воспоминания об актёрской жизни и о творческом пути — «Записки актёра» (1939), «Спасибо, сердце!» (1976) и др. В 2003 году вышла книга стихов Л. Утёсова «Прости-прощай, Одесса-мама!».

Л. Утёсов был награждён многими орденами и медалями, среди которых медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), ордена медаль «Пятидесять лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1975).

В честь Л. О. Утёсова назван астероид (5964) Утёсов. Его имя носит один из авиалайнеров Boeing 737-800 авиакомпании «Аэрофлот». В Одессе на улице Дерибасовской установлен памятник. В 2005 году снят российский сериал «Утёсов. Песня длиною в жизнь».

Л. Утёсов (третий слева) на фронте, рядом (слева) журналист М. Козьцов

Дача Леонида Утёсова

На даче жили только летом, хотя имелось два камина и паровое отопление (в доме была котельная). Но всё же зимой жили больше в Москве или в санаториях – в Кисловодске и Ессентуках.

Альберт Гендельштейн (справа) и Михаил Осипович, брат Леонида Утёсова. На заднем плане – яблоневый сад. Внуково

Дача производила особое впечатление своим участком в полтора гектара, берёзовой рощей, фруктовыми деревьями, которых было более восьмидесяти. Между фруктовыми деревьями было огромное количество грядок с клубникой, некоторые сорта поспевали рано и всегда подавались к столу как десерт – со сливками. Помню, клубнику подавали всё лето, это была семейная традиция. А чтобы всё это богатство обработать, у Утёсовых жили сторожа, к которым относились с огромным уважением и всегда называли по имени-отчеству.

Ближе к воротам и к погребу, который заменял холодильник, сторожа выращивали помидоры, огурцы, которые засаливались и из бочек потом привозились в московскую квартиру.

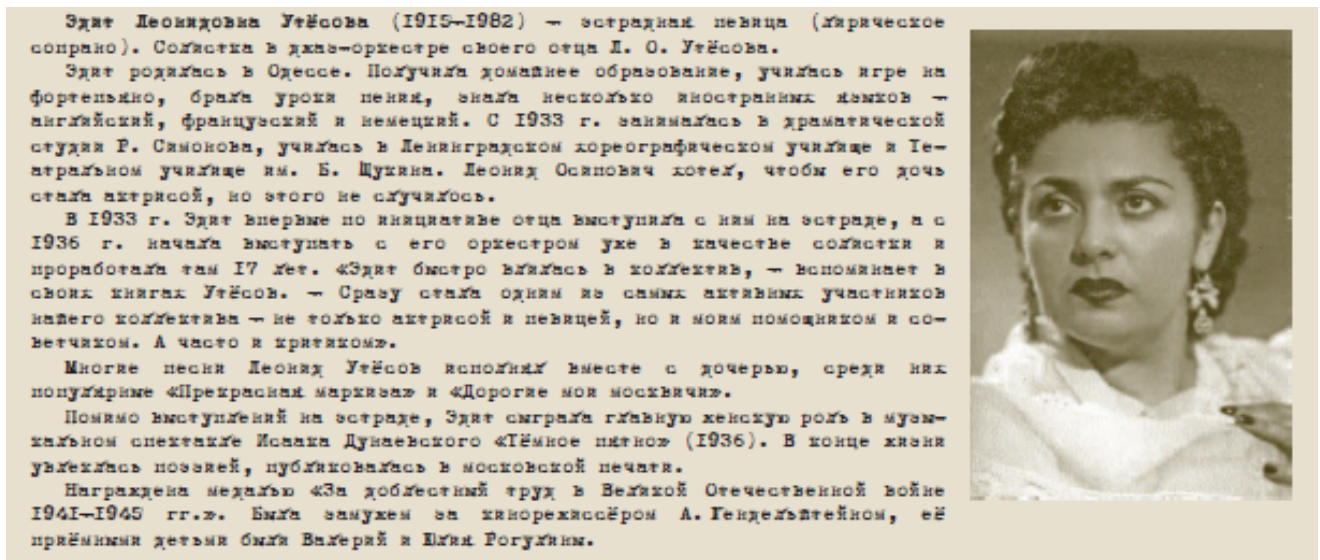
Погреб был моим постоянным местом, потому что меня всегда посылали перед обедом принести съестное. На стол подавали холодные свекольники, борщи, вторые блюда – вся готовка проходила при непосредственном участии и под контролем жены Утёсова Елены Осиповны. Эти борщи и жаркое навсегда «испортили» мой вкус, потому что ни в одном из ресторанов я потом никогда не встречал ничего подобного.

Дом был двухэтажный, каменный, в стиле сталинского ампира – по особому проекту Елены Осиповны, с большими террасами, с балясинами, – это всё придавало дому лёгкость и воздушность.

В столовой первого этажа был кирпичный камин прекрасной формы, а когда поднимались по дубовой лестнице на второй этаж, то в гостиной слева был камин с дубовым цветочным порталом с крупно выбитой датой его производства (кажется, 1875 год). Справа был бар, а чуть дальше – дверь в бильярдную комнату, где я обычно спал; там были арочные окна в пол и большой рояль. Комната была обставлена старинной мебелью, что придавало ей необычность и

Леонид Утёсов с женой Еленой и дочерью Эдит (Дитой), 1924 г.

торжественность. Впоследствии терраса, на которую выходила дверь из бильярдной, была превращена в крышу – для устранения течи на первом этаже. Я любил загорать на этой крыше и смотреть на девушку Майю на соседнем участке, но об этом потом.

В войну на даче у Утёсова был госпиталь, бойцы играли на рояле...

История о жизни в доме Утёсова достойна отдельного романа, может быть, я соберусь и напишу об этом отдельную книгу, припомнив все позитивные и драматические моменты жизни её обитателей и их многочисленных гостей. Но сейчас я лишь опишу отдельные эпизоды-вспышки, больше связанные со мной лично и отразившиеся на мне как на человеке.

Соседи

Дом во Внукове был всегда полон людей. Заходили соседи – композитор Исаак Дунаевский, поэт Василий Лебедев-Кумач. Утёсов очень любил Василия Лебедева-Кумача и «Дуню», как ласково называли в семье Исаака Дунаевского. Эта троица – Утёсов, Лебедев-Кумач и Дунаевский – вместе с Любочкой Орловой и Гришей Александровым создала шедевр мирового уровня, который вышел на экран в 1934 году и сразу покорила сердца не только советских людей, но и западных. Огромные хвалебные рецензии появились во многих зарубежных газетах и, по-моему, в Штатах появилась статья под заголовком «В СССР умеют смеяться». После того как был снят фильм «Весёлые ребята», исполнители главных ролей получили награды. Александров – орден Красной Звезды, Орлова – звание «Заслуженной артистки», а Утёсов – фотоаппарат «Лейка»¹ немецкого производства, на котором была серебряная пластина с гравировкой: «За огромный вклад в создание фильма». Я играл с этой «Лейкой», потому как она лежала в шкафу отца и Диты, а я маленьким лазил по всем шкафам. И мне, мальчику, была интересна эта техника.

Сталин высоко оценил этот фильм и не только раздал правительственные грады участникам, но и куски земли во Внукове. Вот так и началось освоение внуковской земли.

¹ Leica – фотоаппараты, выпускаемые одноимённой немецкой компанией Leica Camera AG.

Л. О. Утёсов

Орлова и Александров жили от Утёсова через забор. На улицах городка в любой день, погода-непогода, они всегда гуляли, начиная прогулку по Маяковке, и шли вокруг городка. Гуляли ежедневно, и эта прогулка придавала им силы.

Однажды я летел с Любовью Петровной в самолете Рига – Москва: я – с фестиваля «Человек и море», который проходил в 1972 году и в котором я не только участвовал, но и входил в состав оргкомитета, а Орлова – после окончания гастролей. Мы сидели рядом, и я смотрел на её ноги. Тогда были в моде короткие юбки, и Любовь Петровна, несмотря на свои 72 года, была в укороченной юбке, у неё были прекрасные ноги – никаких признаков возраста. В этот год она умерла: у неё был рак. Но она была прекрасна! Никогда не говорила о своей болезни... В Москве её встречал Александров, выглядел он плохо, как мне тогда показалось. Александров всегда выглядел хорошо, но в ту встречу было иначе. Он предложил меня подвезти, но я отказался.

Приходил в дом к Леониду Осиповичу актёр Игорь Ильинский, живший на нынешней улице Гусева. Ильинский играл в теннис у себя на корте, и нам, мальчишкам, игра казалась необычной. Нас поражала его волосатая грудь и мощное тело, он был хоть и невысоким, но спортивным и крепким.

Приходила в гости и внучковская соседка – сценаристка Зина Маркина с мужем, писателем Александром Разумовским, мы звали его дядя Саша Разумовский. Про тётю Зину – драматурга Зиновию Семёновну Маркину – хочу сказать отдельно. Моя мама была её ближайшей подругой, практически родной сестрой, и даже снималась в её фильме «Последний табор». Тётя Зина была очень талантливой, недаром Герасимов обратил на неё внимание – они вместе работали над знаменитым фильмом «Комсомольск» в 1938 году.

Моя мама Евгения Роголина в роли Ганны в кинофильме «Последний табор» (1935) по сценарию З. Маркиной

С тётей Зиной была связана моя дальнейшая судьба. Я всегда называл её третьей мамой – после родной и Диты, часто гостил у неё на Зубовском проспекте, куда меня спокойно отпускали из дома Утёсовых, зная, что я буду в хороших руках. Тётя Зина была необыкновенно красивой, с волевым лицом, энергичной. И в то же время она была нежной и заботливой. После войны это было особенно важно – всем не хватало тепла и заботы. Когда после войны тётя Зина была у мамы в гостях в Ашхабаде (на время войны меня отправили к маме), она спасла мне жизнь во время землетрясения в 1948 году.

Тамара Семёновна Церетели (1900–1968) — певица (контральто), одна из ведущих представительниц жанра русского цыганского романса. Музыкальные дары проявились рано — Тамара любила петь с самого детства, но после окончания гимназии поступила в Тифлисский университет на медицинский факультет. Однако талант и увлечение музыкой её не покидали, и Тамара всё-таки решила посвятить себя пению, начав в 1920 году обучение оперному пению в Тифлисской консерватории.

В 1923 году после учёбы Тамара переехала в Москву, а осенью того же года уже давала в Малом зале Московской консерватории свой первый сольный концерт под названием «Старинные цыганские романсы и таборные песни». Наряду с Изабеллой Брызевой певица сразу завоевала популярность и стала одной из ведущих звёзд на московской эстрадной сцене. Тамара Семёновна ездила с концертами по всему Советскому Союзу, а в Москве выступала в саду «Эрмитаж» и Колонном зале Дома Союзов. Среди песен её репертуара, в который входили «Отрада», «Не говорите мне о нём», «Нет, не любил он» и т.д., был знаменитый романс «Дорогой длинкой» (муз. Б. Фомина, сл. К. Подревского), самым ранним занятием которого была сделана А. Вертинским ещё в 1925 г., а Тамарой Церетели в 1929 г.

Дом Тамары Церетели во Внукове отличался необыкновенным изданием и был построен в классическом стиле загородной грузинской архитектуры с резными балконами и балюстрадами.

На мою кровать упала балка, и Зина успела вовремя меня вытащить. Потом она сказала матери: «Женя, я Валю забираю в Москву. Тебе тяжело, ты устала, а в семье Утёсова ему будет лучше». Так я вернулся с тётёй Зиной в семью Леонида Осиповича.

Напротив нашей дачи жил Аркадий Первенцев, замечательный писатель, любимец вождя. Красивый, высокий, добродушный. Его роман «Честь смолоду» был поднят критиками на недостижимую высоту. Сохранилась фотография, где Утёсов, мой отец и Капиталина Лазаренко, певица из оркестра Утёсова, стоят у ворот Первенцевых.

На углу, по дороге к больничному пруду, стоял необыкновенной грузинской архитектуры дом Тамары Церетели. Она была известной исполнительницей русских и цыганских романсов, её популярность была велика благодаря необыкновенному тембру голоса и драматическому искусству исполнения. Она приходила к нам в Москве очень часто, всегда весёлая, улыбающаяся, вносящая позитив в порой накалённые страсти в утёсовской квартире номер пятьдесят два на четвёртом этаже. Во Внукове она приходила тоже — была подругой тётёи Лены.

Тамара Семёновна была светлой личностью и не могла не быть всегда желанной на даче в любое время. Она любила меня и говорила, обнимая: «Какой красивый мальчик!»

Прошло некоторое время, и уже в 60-х годах появился новый сосед — Сергей Образцов, который стал проживать рядом с дачей Суркова. Сергей Образцов, руководитель театра кукол в Москве, был очень популярным и обаятельным человеком того времени. Он часто приходил на дачу к Утёсову с двумя огромными собаками, белыми с коричневыми пятнами, — они мне напоминали голландских коров.

Леонид Утёсов (слева) и Альберт Гендельштейн около ворот дома писателя А. Первенцева на ул. Маяковского во Внукове

Аркадий Райкин с женой Ромой

«Райкин – это навсегда!» – сказал как-то Леонид Осипович после выступления Райкина своему другу Исааку Дунаевскому, когда они вместе работали в жюри Всесоюзного фестиваля работников эстрады.

Берёзовая роща была удивительной! Берёзы – красоты необыкновенной! Эти берёзки тогда были молоденькими и выросли с развитием и строительством дачи. С улицы Маяковской – сквозь штaketник и рощу – просвечивал белый дом.

На улице под огромным кустом бузины стоял круглый массивный стол, столешница крепилась на пне огромного векового дерева. За этим столом проходили все обеды. Часто случалось так, что Утёсов, сидя за этим столом в ожидании задерживающегося обеда (а он обедал перед концертами и на концерт должен был поспеть вовремя – по Минскому шоссе), сердился и говорил мне, сидящему рядом: «Ну, Валя, смеркалось, друг. Наконец стали подавать на стол...»

Эта фраза стала на долгие годы знаменитой в нашей семье, мы часто во Внукове её за ним повторяли: «Смеркалось...» и... ничего не менялось! Обед вновь подавали с опозданием, Утёсов нервничал и вновь еле-еле успевал на концерт.

Из рассказов Валерия Рогулина

В Москве собак такой породы ещё не было, и, как нам говорили, он привез их из Англии. Я сердился на одну из собак, так как однажды она наступила мне на ногу, я был в сандаликах и никак не мог вытащить ногу из-под её лапы, чувство было такое, словно мне переехала ногу машина.

При воспоминании об огромных образцовских собаках сразу приходит на память и наш Кузя. Он был сыном известной Кляксы, знаменитой цирковой собаки клоуна по прозвищу Карандаш. Кузю любили не только в нашем доме, но и все в округе, и часто наблюдали, как Кузя играет в футбол на участке, гоняя носом консервные банки, и загоняет в «ворота», построенные нами из кирпичей. В своей книге воспоминаний «Спасибо, сердце!» Утёсов пишет о нём с нежностью.

Гости

Помимо соседей, на даче часто бывали известные люди: прекрасные актёры, писатели и музыканты. Кого только не было! Приезжал в элегантном костюме на машине «Опель Олимпия» Аркадий Райкин с женой Ромой. Он водил машину сам. Помню, как он аккуратно протирал тряпочкой своё любимое авто, а Рома – красавица жена – с вдохновением, присущим только красивым женщинам и задевавшим даже меня, ещё ребенка, читала свои собственные стихи. Аркадий Райкин, в отличие от энергичной Ромы, был сдержан и молчалив. Очевидно, постоянное внимание и обожание зрителей, сложные концерты, требующие огромной отдачи этого великого человека (а у него было слабое сердце), его выматывали.

На даче был гостевой дом, и там часто жили близкие друзья Леонида Осиповича. Жил саксофонист и фаготист Зиновий Фрадкин, ленинградец, ветеран утёсовского оркестра. Его жена Рита была племянницей Елены Осиповны. У них была дочка Лялька (Лена), с которой Утёсов часто играл.

Достаточно долго в маленьком домике жил детский писатель Лев Кассиль с женой Светланой Собиновой, актрисой Малого театра, и её мамой, женой великого русского певца Леонида Собинова. Я с грохотом катал по участку маленькую дочку Кассилей на детском педальном автомобиле, который тогда казался роскошью для детей. Мы очень дружили.

Утёсов и Кассиль вели неспешные беседы долгими внуковскими вечерами на террасе за чаем, или около дома за круглым большим столом, или прогуливаясь по знаменитой берёзовой роще нашего участка.

Помнится, проживала часто и семья Траубергов: знаменитый режиссёр Леонид Захарович Трауберг и его дочь-красавица, будущая блестящая переводчица Наталья. Благодаря её переводам – а переводила она со многих языков – у нас в стране стали известны многие зарубежные авторы – Честертон, Вудхаус, Кортасар.

Трауберг был хмурый и замкнутым, а Наталья была домашней и приветливой.

Вообще на даче побывали многие знаменитые люди, которых знала вся страна и помнит по сей день. Приезжал друг отца Георгий Яковлевич Пясецкий, позже ставший заместителем министра Морского флота СССР; знаменитый лётчик Александр Иванович Покрышкин, первый трижды Герой Советского Союза. О нём мой отец снял фильмы «Александр Покрышкин» и «В небе Покрышкин». Приезжала Лидия Русланова, которая дружила с тётей Леной. «Лена, бросай хозяйство, посиди со мной!» – говорила она.

Постоянным гостем был композитор Никита Богословский, с детства друживший с Дитой; популярный композитор Модест Табачников, написавший массу песен и музыки к театральным спектаклям; народные артисты Мария Миронова и Александр Менакер, родители талантливого актёра Андрея Миронова; композитор Аркадий Островский, выходец из утёсовского Государственного эстрадного оркестра РСФСР, известный по замечательным песням «А у нас во дворе есть девчонка одна», «Как провожают пароходы», «Пусть всегда будет солнце». Часто бывал Анатолий Новиков, у которого были сочинения на слова наших внуковских соседей Алексея Суркова, Василия Лебедева-Кумача, Евгения Долматовского.

*Л. О. Утёсов (справа) с гостями на даче во Внукове.
Второй слева – А. Гендельштейн*

Я на даче во Внукове

Л. Утёсов с оркестром. Конец 1940-х гг.

Однажды, ещё будучи в эвакуации в Новосибирске, Леонид Осипович Утёсов встретил женщину, которая на саночках везла трёх бледненьких и худеньких мальчиков-братьев. Их фамилия была Рагулины. Утёсова все знали, и между ним и женщиной завязался разговор, в ходе которого женщина тогда сказала: «Смотрите, Леонид Осипович, какие они слабенькие дети. Что делать?» В ответ он сказал: «Не волнуйся, они вырастут и станут богатырями». Прошло время, и его слова оправдались: Александр Рагулин стал знаменитым на весь мир хоккеистом, его братья тоже стали прекрасными спортсменами.

Из рассказов Валерия Рогулина

На самом деле, отыграв концерт, всегда при полном зале, Утёсов возвращался домой как выжатый лимон и, в принципе, ему было не до шуток и не до общения с домочадцами, хотя при появлении гостей у него открывалось второе дыхание и он становился прекрасным компанейским человеком.

Шли 50-е годы, сложные, послевоенные, но мы не чувствовали себя брошенными детьми, мы сами всегда находили себе занятия, и чаще те, которыми жила вся страна. А это был спорт – футбол, лёгкая атлетика, бокс, борьба. В это время в стране появились первые чемпионы мира – например, штангист Григорий Новак, один из друзей Утёсова; футболисты Всеволод Бобров, Константин Бесков, Василий Карцев, Леонид Соловьёв. Утёсов очень любил футбол, хоккей и посещал спортивные мероприятия.

А в наших юношеских спортивных мероприятиях во Внукове большую роль играл сын знаменитого поэта Виктора Гусева – Михаил, в будущем учёный-биолог и декан биологического факультета МГУ. Он был старше нас, и мы относились к нему с большим уважением. Миша был очень организованным и обустроивал наши спортивные соревнования: велосипедный кросс вокруг посёлка, футбол с командами из окрестных мест, бег на короткие дистанции. Победителям он вручал медали, созданные своими руками.

Поле, на котором мы играли, было рядом с участком, на котором позже появилась дача Клементия Пономаренко, настоящего полководца, возглавлявшего всё партизанское движение во время войны. В начале этого поля был также свободный участок, который потом занял знаменитый художник Фёдор Модоров, на дочке которого женился легендарный штангист Юрий Власов. Власов был очень интеллигентным человеком, выделялся своей начитанностью и красотой. Впоследствии он стал писателем.

Иногда в наши футбольные соревнования вмешивался «Генька» Дунаевский, Евгений, сын знаменитого композитора Исаака Дунаевского. Он был вообразимой и был в то время физически сильнее нас, иногда он отбирал у нас, одиннадцати-двенадцатилетних пацанов, мяч и показывал свои, как ему казалось, необыкновенные финты. Позже Генька стал хорошим художником и ухаживал за моей сестрой Юлей – пути господни неисповедимы.

Не могу не сказать и о своем друге Кирилле Суркове, племяннике знаменитого поэта. Сам Алексей Сурков тогда был председателем Союза писателей, много работал для Союза и

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

редко приезжал во Внуково. Он писал хорошие патриотические стихи, народ знал его, в первую очередь, за его «В землянке» и «Песню защитников Москвы».

А Кириллу Суркову тогда было около четырнадцати лет, он был очень славным, обаятельным и образованным молодым человеком, который также оказал положительное влияние на меня. К сожалению, я не знаю его дальнейшую судьбу, а очень бы хотелось.

Ничто не вечно под луною,
Нельзя всю жизнь быть молодым.
И сразу с первой сединою
Всё рассеется, как дым, сном золотым.

Как-то однажды, в начале 80-х, когда дача Утёсова уже давно была продана, я приехал в «Московский писатель» показать своей близкой подруге Людмиле Васич наше Внуково. Мы позвонили в ворота бывшей дачи Леонида Осиповича – я знал, что там жил выдающийся биолог академик Несмеянов, но не знал, что к тому времени его уже не стало. Ворота открыла его жена, рядом с ней стояла её сестра, обе – интеллигентные благообразные женщины, очень приятной наружности. Доброта так и лучилась из них. Мы прошли к дому. Дом был в порядке, что удивило, но больше всего меня поразила длинная палка, приставленная к дому – в форточку. По этой палке ползла в дом длинная вереница чёрных муравьёв. На мой вопрос: «Что это?» жена Несмеянова сказала: «Так надо. Мы же биологи, и все животные мира для нас священны».

* * *

Мы всегда ищем свою родину, а родина – это наши воспоминания. До поры до времени они спрятаны глубоко, но потом начинают выплескиваться и вновь оживают. По долгу службы я побывал во многих уголках нашей страны, жил во многих городах, но всё, что связано с огромной любовью, хранится здесь, на малой родине: на улицах Маяковского, Гусева, в доме, когда-то принадлежавшем Леониду Осиповичу Утёсову и тётке Лене, в доме тётки Зины. Внуково, увы, сегодня не узнаваемое, но имена проживавших здесь славных людей не будут забыты.

Л. О. Утёсов с Государственным эстрадным оркестром РСФСР. Выступление на Красной площади

ПРОЗА

Иван Габов

(Новоуральск, Свердловская обл.)

ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ ТРЕТЬЕГО РОДА

Итан Уоттакер, отставной морской офицер, появился в Уилмингтоне несколько месяцев назад.

Он купил небольшой особнячок на Вудлон-авеню, в сотне ярдов от озера Гринфилд. Уже через две недели благодаря своему крепкому торсу, армейской выправке и хорошо подвешенному языку мистер Уоттакер смог устроиться администратором в центр социального обслуживания на Уиллард-стрит.

Жил он тихо и скромно, как и подобает одинокому джентльмену. С соседями был приветлив, но сдержан. А чтобы разбавить холостяцкий быт и завести друзей на новом месте, мистер Уоттакер стал субботними вечерами заходить в винную таверну на пересечении Бернетт-бульвара и Уодделл-стрит или в «Дублинский ирландский паб» на Каролина-Бич-роуд. Там, в пабе, Итан и познакомился с приятелями-соседями Сагертом Брэди и Гиллаганом Дойлом. Сагерт работал в магазине «Страна свежих продуктов», а Гиллаган с сыном держал автомойку Doctor G's Car. Жили они недалеко от Вудлон-авеню – на Айви-серкл.

Сагерт был вдовцом. Гиллаган про жену свою никогда никому ничего не рассказывал, будто ее и не существовало вовсе. Но все в округе знали, что жена его была слаба по психической части, и лет пятнадцать назад Гиллаган отправил ее в частное закрытое заведение.

Со временем мистер Уоттакер обустроил дом, распродал ненужные вещи, кое-что отправил на свалку, и скоро вся троица стала проводить субботние вечера в его особнячке. Все они предпочитали светлому «будвайзеру» ирландское темное «разливной Гиннесс», а покер – бриджу.

Итан иногда расспрашивал приятелей о ком-либо из местных. Сагерт охотно рассказывал ему все, что знал, и даже то, чего не знал, начиная с того еще времени, когда в городе располагалась штаб-квартира компании «Железная дорога Атлантического побережья». Гиллагану же удавалось охарактеризовать любого человека одним словом, максимум – двумя.

Зашел как-то разговор о Метью Дэниелсе. Сагерт тут же сообщил, что тот является потомком самого Спенсера Комптона, графа Уилмингтона, который был премьер-министром при дворе Георга II, в честь которого и дали название городу. А Гиллаган только буркнул:

– Маразматик конченный.

Лишь однажды, когда Сагерт Брэди закончил для Итана Уоттакера свою получасовую восторженную речь об Айрис Коллинз – миловидной хозяйке магазина подарков, что в старом

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

городе у набережной, – только тогда Гиллаган Доил, потеряв ладонью свою трехдневную щетину на подбородке, произнес целую тираду:

– Сука она, конечно, факт. Но «камаро» у нее – супер! Восьмицилиндровый V-образный двигатель – 345 лошадиных сил! Система ограничения выхлопов, шестискоростная ручная коробка передач, черные алюминиевые диски с полированными спицами, с шинами Goodyear F1 и кузов купе! Да...

Как-то раз, скинув двойку и предоставив возможность Гиллагану с нахальной тройкой штурмовать *фулл хаус* Сагерта, мистер Уоттaker направился к холодильнику у окна. Достав из верхнего ящика три банки пива, Итан глянул на улицу. Там, на той стороне от дороги, у большого белого дома под терракотовой крышей парковался огромный черный джип.

Итан вернулся на свое место, поставил банки в центр стола и негромко спросил:

– А мой сосед напротив – мистер Мэйверик – что он за человек?

– Джон Мэйверик, – охотно отозвался Сагерт. – Психолог. У него кабинет в Кресент Хайтс.

– Долбаный нигер, – вбил гвоздь Гиллаган.

– Он здорово помог Мэдоку, когда умерла Шевонн, – продолжил Брэди. – Я думал, старина Мэдок не сдюжит тогда, ведь они сорок лет прожили душа в душу... Да... А еще Джон Мэйверик пишет фантастические рассказы и даже издает их за свой счет. Сам я не читаю подобную литературу...

– Можно подумать, что ты вообще что-то читаешь, – съязвил Доил.

– Но говорят, – Сагерт словно не заметил Гиллагана, – что рассказы эти очень даже ничего, про птичек с человеческими глазами, зеркальные комнаты с кошачьими ангелами... Только все странные, мрачные какие-то. Помню, кто-то говорил, что все в них «пронзительно, как последний вздох»... Да и сам он странный, как инопланетянин.

– Черный писатель! – хмыкнул Гиллаган, тасуя колоду.

– А мистер Мэйверик практикует на дому? – спросил Итан внезапно.

Сагерт лишь развел руками.

– Так сам и спроси его, – буркнул Гиллаган.

Как-то вечером, пребывая в добром расположении духа и что-то насвистывая, мистер Мэйверик, в сером шерстяном костюме и с серой фетровой шляпой в руках, возвращался с собрания попечительского совета начальной школы Sunset Parc. Уже подойдя к своему дому, он чуть не столкнулся с крепким, выше среднего роста мужчиной в синих джинсах и толстом коричневом пуловере. На ногах у него были высокие армейские ботинки.

– Извините, мистер Мэйверик. Я не хотел напугать вас. Я ваш сосед Итан Уоттaker, – представился незнакомец.

– А-а, – протянул руку мистер Мэйверик.

– Мой дом напротив, – пожимая протянутую руку, сказал Итан.

Джон Мэйверик посмотрел на утопающий в старых кленах небольшой дом.

– Раньше в этом доме жили Райли...

– Верно. Я в Уилмингтоне всего несколько месяцев.

– Припоминаю, я видел вас неоднократно... издали. Чем занимаетесь, мистер Уоттaker?

– Служу, – неопределенно ответил бывший военный. – Можно просто Итан.

И вдруг неожиданно выпалил:

– Вы инопланетянин, мистер Мэйверик?

Джон Мэйверик ошалело осклабился, обнажая ослепительно-белые зубы:

– Наверное, так считают те два джентльмена, которые определенно захаживают к вам иногда? У одного из них автомойка, кажется...

– Мы играем в покер по субботам, по мелочи...

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

– Понятно... Итан, а не пропустить ли нам по стаканчику, за знакомство?

– С удовольствием, мистер Мэйверик.

– Можно просто Джон.

Всего через несколько минут с бокалами слабого игристого – пива у психолога не водилось – мистер Мэйверик и мистер Уоттакер уютно расположились в плетеных креслах на открытой террасе.

– У вас хороший дом, Джон, – сказал Уоттакер, чувствуя, как приятная прохлада разливается по всему телу.

– Спасибо. У меня приличная практика, а живу я один. А вы, Итан, бывший военный?

– Так точно, сэр.

– А ваша семья, Итан?

– Да как-то не сложилось.

– А чем думаете заниматься здесь?

– Я устроился в центр соцобслуживания. Хочу стать на якорь... А Уилмингтон, я полагаю, – тихая гавань?

– О, безо всякого сомнения. Только инопланетяне, больше никого, – мистер Мэйверик улыбался.

– А вы так и не ответили на мой вопрос, Джон, – мистер Уоттакер хитро сощурился.

– Неужели вы и правду верите в гуманоидов, контактеров и прочую уфологию?

– Так вы же сами пишете фантастические рассказы...

– А вы читали хоть один?

– Нет, мне рассказывал Сагерт Брэди...

– Я разочарую вас, Итан. Я не пишу про беготню с бластерами или световыми мечами, про яйцеголовых пришельцев или как их там... джедаев, про хищников или чужих в громадных звездолетах и прочем. О них мне достаточно рассказывают мои пациенты. Мне интересен сам человек, его чувства, мечты, боль, страхи.

Мистер Мэйверик отставил пустой бокал и продолжил:

– Я родился и вырос на этой планете... Мы веками смотрим на звезды. Но все наши знания и технологии позволяют нам лишь барахтаться безвылазно в пределах Солнечной системы. И только. За пределы галактики мы запустили космические аппараты «Пионер-10» и «Вояджер-1». Связи с ними уже нет. «Пионер» летит в сторону Альдебарана. Точнее ползет со скоростью меньше пятнадцати миль в секунду. И если с ним ничего не случится, то он достигнет окрестностей звезды через пару миллионов лет! А наши ученые кричат при этом, что вопрос о дальних космических перелетах практически решен. Они говорят, что совсем скоро мы полетим к ближайшей к Земле трехзвездной системе – Альфа Центавра. Нужно всего-то достичь скоростей, близких к скорости света. И для осуществления данного перелета уже якобы придумали и аннигиляционный двигатель, и какой-то там корабль с солнечным парусом. А для его разгона будут применяться лазерные установки на каком-нибудь астероиде... Идиоты!

– Почему? – искренне удивился Итан.

Джон Мэйверик нажал кнопку на маленьком пульте, и невидимые светодиоды словно выхватили из густеющего сумрака два пятна – журнальный столик с двумя креслами и высокую барную стойку на краю террасы. Джон положил пульт между двух бокалов и продолжил:

– Да потому, что для того чтобы преодолеть такие большие расстояния с такой огромной скоростью, нам потребуются ресурсы, сравнимые с размерами нашей планеты. Иными словами, чтобы долететь до предполагаемых собратьев по разуму, нам нужно научиться

перемещать в космическом пространстве саму Землю... Такой звездолет будет состоять в основном из топлива, которого потребуется несколько миллионов тонн. А если и удастся разогнать корабль до скорости, близкой к скорости света, то до конечной цели он просто не долетит – слишком много препятствий встретится на пути такому гиганту: планеты, астероиды, кометы, ловушки в виде неизвестного гравитационного поля. И гибель неминуема. Поэтому межзвездные перелеты могут осуществляться лишь с существенно меньшими скоростями. Но тогда эти полеты – из-за фактора времени – становятся бессмысленными...

– По-вашему, мы обречены на одиночество? – разочарованно спросил мистер Уоттакер.

Мистер Мэйверик поднялся, наполнил бокалы.

– Итан, был такой фильм Спилберга – «Близкие контакты третьей степени».

– Да-да, припоминаю...

– В основе сюжета – встреча людей с инопланетной цивилизацией, что, собственно, уфологи и называют контактом третьей степени. Строго говоря – контакты третьего рода. В фильме этому предшествуют разные странности. То в мексиканской пустыне из ниоткуда появляется эскадрилья самолетов без экипажа. А в Индиане в детской комнате включаются внезапно все механические игрушки и бытовые приборы, в окна ударяет яркий свет, потом ребенок пропадает, глохнут автомобили, а по шоссе летят огромные светящиеся шары... В индийском городе все местное население в молитвах постоянно повторяет пять звуков, которые доносятся с неба. А в пустыне Гоби среди песков вдруг появляется давно пропавшее в Бермудском треугольнике судно и – опять – без экипажа.

– Да-да, – Итан почесал затылок. – А потом прилетел огромный инопланетный корабль, из которого вышли все пропавшие люди: летчики эскадрильи, мальчик, экипаж морского судна. И в самом конце из корабля появляются странные маленькие пришельцы. И из всей группы землян-добровольцев они забирают с собой только одного безработного...

– Истерия. Вам не кажется? Повальное безумие.

– Наверное...

– Итан, а что, если мы не там ищем?

Мистер Уоттакер принял полный бокал из рук хозяина.

– Что, если инопланетная цивилизация уже давно присутствует на Земле? – в глазах психолога мелькнул странный блеск.

– Что вы имеете в виду, Джон?

– Космическая материя попадает к нам в виде осколков комет, астероидов или там метеоритов, – мистер Мэйверик уселся удобнее в кресле и продолжил: – Войдя в атмосферу Земли, они сгорают почти без остатка. В том числе сгорел бы и такой огромный инопланетный корабль Спилберга...

Мистер Уоттакер нетерпеливо заерзал в кресле.

Джон Мэйверик, казалось, ничего не замечал:

– Большой взрыв дал рождение всем видам материи и силам, которые ими управляют. И одна из этих сил – электромагнетизм, электромагнитные силы. А видимый свет – это электромагнитное излучение с длинами волн от трехсот восьмидесяти до семисот шестидесяти нанометров. От фиолетового до красного. Для преодоления расстояния от поверхности Земли до поверхности Луны свету требуется чуть больше секунды с четвертью. Когда луч света пересекает границу между вакуумом космоса и атмосферой Земли, или между двумя различными средами, длина волны изменяется, но частота остается неизменной. Свет вызывает у человека зрительные ощущения. В зависимости от длины волны энергия света, воспринимаемая глазом, будет различна. При одних и тех же значениях энергетических величин световая энергия, например, зеленого света будет передана больше,

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

чем фиолетового света, потому только, что чувствительность наших глаз к зеленому свету выше...

– И что же? – спросил Итан.

– А вы только представьте, что где-нибудь в миллионе световых лет от Земли есть мощный электромагнитный излучатель, который посылает нам кодированное послание. Из дня в день человек, созерцая окружающий мир, незаметно для себя подвергается воздействию другой цивилизации.

– То есть все мы – контактеры, Джон?

– Нет, Итан, не все. Только небольшая группа людей. Еще с доисторических времен, когда закончились огромные тектонические сдвиги и Земля приобрела такой вид, как сейчас, уже тогда разные области планеты были подвержены различному воздействию электромагнетизма извне. Север Африки и центральная Америка – вот те области, где условия для получения кодированных сигналов были наиболее благоприятны. В других же точках планеты этому мешали климатические условия.

Мистер Уоттакер слушал с возрастающим вниманием.

– Для этой группы людей, у каждого последующего ее поколения, по сравнению со всем остальным человечеством, происходили все большие изменения. В Американском музее естественной истории можно увидеть самого древнего человека. Может показаться, Итан, что древний и современный человек очень похожи. На самом же деле первобытный человек питался исключительно растительной пищей. Для получения необходимой энергии из пищи, он ел траву и листья все время, за исключением сна. И основным органом у него был желудок. Когда человек стал есть мясо диких зубров, у него уменьшился желудок и стал развиваться мозг. А у той части населяющих Землю разумных существ, которые дополнительно подвергались избирательному воздействию электромагнетизма извне, у них эволюционные изменения мозга происходили еще быстрее. Здесь мы имеем дело с так называемой антропологической инженерией.

– Как это?

– Для запоминания, скажем, трехзначного числа человеку не нужны все шестнадцать миллиардов клеток головного мозга. Нужны три группы клеток. Когда человек вспоминает первую цифру, у него работает одна группа нервных клеток, при этом две другие – блокируются. Затем работает другая группа. И снова две других – блокируются. А для запоминания уже десятизначного числа у человека задействуются еще пятьдесят групп клеток мозга.

– И что же?

– Электромагнитный импульс инопланетного излучателя, попадая на Землю, блокировал часть клеток головного мозга человека, затормаживая некоторые физиологические процессы. И активизировал другие клетки, стимулируя развитие других способностей. Например, таких, как гипноз, телепатия, бионавигация, чаннелинг.

– Чаннелинг?

– Чаннелинг – спонтанное экстрасенсорное восприятие какой-либо информации, имеющей значимую ценность; бионавигация – способность выбирать направление движения с помощью органов чувств и инстинктов...

– И вы все это умеете? – в глазах Итана читались одновременно восторг и ужас.

– У каждого формировались свои способности.

– В зависимости от индивидуальных особенностей, так что ли?

– В зависимости от степени воздействия и степени восприятия.

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

– Вы хотите сказать, Джон, что на Земле издавна существуют две разные общности людей? – Итан заметно волновался. – Обычные люди, такие как я, и другие...

– Совершенно верно, мистер Уоттакер! – в глазах психолога снова появился знакомый блеск.

– Люди-Икс... И вы, Джон, принадлежите к этой группе людей, которая представляет на Земле инопланетный разум?

– Да, – просто ответил мистер Мэйверик.

Возникла неловкая пауза.

– И вы рассказываете мне такое... мне – первому встречному, – нарушил молчание мистер Уоттакер. – А вы не боитесь, Джон, что я могу рассказать кому-нибудь?

– Во-первых, Итан, вам никто не поверит. А во-вторых – и это самое главное, – я сотру из вашего мозга все лишнее.

– Но разве это возможно?

– Конечно.

– А если я буду...

– Сопrotивляться, вы хотите сказать?

– Да.

– Ну что вы, Итан. Никакого насилия. Вы ничего не почувствуете. Я просто блокирую часть клеток вашего мозга. Без прямого физического контакта. На расстоянии. Как только вы пойдете к себе домой. Для вашей же безопасности...

Итан вопросительно взглянул на психолога.

– Нет-нет, я вас не прогоняю, – мистер Мэйверик взял в руки бутылку и разлил содержимое по бокалам.

– И сколько таких, как вы, Джон?

– Не так много, как нам хотелось бы. Всего несколько тысяч. Мы называем себя избранными. А сам контакт – воздействием. Как правило, основная часть избранных – ученые. Некоторые из нас работают психологами, как я, или психотерапевтами. Чтобы находить нам подобных. Иногда воздействие идет не по нужному сценарию. Поэтому часть людей-контактеров страдают различными расстройствами или заболеваниями. И мы помогаем им.

– И вы можете посылать сигналы на ту планету, с которой... которая...

– Нет. Пока уровень наших возможностей ограничен несколькими метрами...

На террасе повисла тишина...

Одному нужно было осмыслить обрушившуюся на него информация. Другой – но нам это доподлинно неизвестно – просто излил перед кем-то свою душу.

Ведь все мы – большей частью – одиноки, среди огромной Вселенной людей.

Утром следующего дня мистер Мэйверик, в сером шерстяном костюме и с серой фетровой шляпой в руках, вышел из дома.

На другой стороне улицы у своего «форда» ковырялся Итан Уоттакер.

– Доброе утро, мистер Уоттакер! – приветствовал соседа мистер Мэйверик. Уголки рта его тронула усмешка, в глазах сверкнул знакомый блеск.

– Доброе утро, сэръ! – четко, по-военному ответил мистер Уоттакер.

Джон Мэйверик сел в огромный черный джип и уехал на работу в Кресент Хайтс.

Мистер Уоттакер сел в старенький «форд» и до самого вечера отбыл в центр социального обслуживания на Уиллард-стрит.

Все было как обычно. Как заведено в Уилмингтоне.

Только накануне, ночью, всему этому предшествовали некоторые события...

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

Мистер Мэйверик проводил мистера Уоттакера до самого дома, воздействуя на его мозг избирательным излучением. Вернувшись, принял душ и почти сразу заснул, едва коснувшись головой подушки.

Мистер Уоттакер, убедившись, что дверь заперта, проследовал сразу не в ванную комнату, а поднялся в небольшую мансарду. Там, открыв маленькую дверь, он оказался в узенькой, тускло освещенной комнате с большим креслом в центре. Удобно усевшись, Итан легонько нажал на подлокотники. Тут же откуда-то сверху мистера Уоттакера накрыла серебристая непрозрачная полусфера.

С залива Мейсонборо внезапно подул сильный ветер. Водная поверхность озера Гринфилд, рек Кейп-Фир и Брансуик, петляющих по равнинам Северной Каролины, покрыла мелкая непроходящая рябь. Вся водная поверхность ближайших водоемов до Атлантики превратилась в огромный экран с центром в мансарде известного нам дома на Вудлон-авеню.

Сейсмологическая станция в Уэйнесвилле зафиксировала землетрясение магнитудой 4,1 балла. По предварительным данным эпицентр землетрясения находился в юго-западной части озера Гринфилд, жертв и разрушений нет.

А ввысь, к далеким звездам, неизвестная, невиданная на Земле сила несла короткое кодированное сообщение. И если бы мы смогли это сообщение зафиксировать и перевести, оперируя известными нам определениями и понятиями, то прочитали бы следующее: «Произведен первичный контакт с носителем свойств от воздействия излучения, образованного по математической модели нелинейного спектрально-аддитивного передатчика. Носитель обладает системными изменениями в сравнении с особями, не подвергнутыми излучению. Считаю необходимым произвести более подробное изучение всех последствий воздействия излучения. Старший офицер дальней разведки IW070762».

Итан Уоттакер, отставной морской офицер, появился в Уилмингтоне несколько месяцев назад.

ИЗГИБ ГИТАРЫ ЖЕЛТОЙ ²

В кои-то веки чету Петровых пригласили в гости. На ужин. В пятницу...

В назначенный час, захватив из дому коробку конфет, два полулитровых графинчика доброй водки, капустного салата «Улёт» в стеклянной баночке и недорогие подарки из ИКЕА для хозяйки, Петровы остановились перед тяжелой парадной дверью принимающей стороны. Петров нажал мерцающую кнопку домофона. Разбуженная кнопка отозвалась испуганно фальшивой трелью, дверь бесшумно отворилась, и супруги проследовали на второй этаж, ступая осторожно в кромешной темноте.

– Ну что вы так долго? Мы уже есть хотим, – вместо приветствия пропела хозяйка. Она стояла в тусклом квадратном коридорчике в красном кимоно с золотыми драконами.

² В тексте использованы стихи из песен Наума Лисицы «Вальс в ритме дождя» и Олега Митяева «Изгиб гитары желтой».

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

Длинные черные волосы ее были стянуты сзади в большой узел, из которого торчали две параллельные спицы.

«Вылитая гейша», – подумал Петров, пока они с женой освобождались от верхней одежды. «Мы и опоздали-то всего на двадцать минут», – другая мысль пролетела в его голове, словно пуля контрольного выстрела. Залитый ярким светом проем кухни манил краешком стола с хромированными конечностями и – под белой скатертью – парой тонких женских ног в фиолетовых колготках и узеньких замшевых бордовых лодочках. Ноздри щекотало кисло-сладким ароматом жареного мяса.

Петров тактично пропустил вперед супругу, затем хозяйку, и сам протиснулся в дверной проем.

В центре девяти квадратных метров под холодным бесстрастным светом трехрожковой люстры возвышался стол изумительной красоты. На белом крахмальном полотне возлежали: фарфоровые и керамические глубокие, десертные и малые закусочные тарелки и салатницы; подносы и мельницы для соли и перца из нержавеющей стали; хрустальные бокалы для вина, граненые рюмки и графины. Серебряный столовый сервиз Cantori, рельефные тарелки из закаленного стекла играли бликами отраженного энергосбереженного света. Селедка под шубой, маслины, салат из морепродуктов, мясная и овощная нарезки, тарталетки с икрой, тарталетки с грибами, курицей и сыром, оливье, сардины, горбуша под лимонным соусом, фруктовый салат... Бирюзово-зеленые, под цвет обоев, текстильные салфетки из хлопка и льна, украшенные темно-коричневой декоративной строчкой, подчеркивали элегантность сервировки стола.

В углу, у крохотной тумбочки с маленьким плазменным телевизором на ножке, слева от прозрачных зеленых штор, прикрывающих окно и потемневший двор, восседал в оранжевой футболке муж хозяйки с взлохмаченным седым чубчиком вокруг жиденьких пегих волос. Рядом сидела рыжая Танька-разведенка с хищным взглядом черных глаз, с тонкими огненно-красными губами и бородавкой на носу.

Всю правую сторону кухни занимал светло-коричневый гарнитур со встроенной техникой.

– Вот и мы, – сказала Петрова, присаживаясь.

Муж хозяйки протянул Петрову вялую ручку:

– А мы уже думали начинать без вас.

– Антон, – пропела хозяйка. – Налей девочкам вина.

Антон вскочил, схватил бутылку саперави. Петрова подвинула навстречу свой бокал.

– Я буду водку, – громко сказала Танька.

Муж хозяйки перевел взгляд с саперави на Таньку. Затем посмотрел на одинокий запотевший граненый сосуд с прозрачной жидкостью в центре стола, сел, откинулся на спинку стула. Саперави гроыхнуло о стол.

– Саша, попробуйте с супругой это, – хозяйка показала Петрову ладонью на салатницу с маринованными грибами. – Это все Антон, – хозяйка качнула головой, как бы говоря «Вот так-то!», и посмотрела на мужа.

Муж смотрел вопросительно на Петрова. Напряженность возрастала...

Петров нагнулся к ножке стола, достал пакет и извлек из него стеклянный графинчик.

Антон возбужденно потер нос ладонью правой руки.

Петров достал из пакета второй графинчик.

Муж хозяйки одобрительно крикнул, вскочил и снова схватил саперави.

В воздухе сновали фотоны и тосты.

Хозяйка подавала горячее:

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

– Не знаю, как удались мне эти жульены. Это ты, Марина, из ничего конфетку можешь приготовить. Настоящее произведение искусства.

– Да ладно тебе, не прибедняйся, – отвечала Петрова. – Антон вот у тебя мясо и грибы делает – пальчики оближешь.

Хозяйке были приятны слова Петровой. Все как у людей. И гости – милые люди. И Антон – хоть и гражданский, а муж...

Выпили под жульены.

Женщины перешли в комнату на диван смотреть фотографии из недавней поездки хозяйки за границу. Антон снял со стены гитару и сел рядом в кресле. Петров, посетив места индивидуального пользования, присел на свободный венский стул.

– Это Монмартр. Сент-Шапель, – громко рассказывала хозяйка. Фотографии переходили из рук в руки.

В наступившей короткой паузе под тихое звучание гитары Антон не пел, а словно бы рассказывал: «А у костра ни сесть, ни лечь... как не устанет дождик сечь... слушай, давай станцуем вальс в ритме дождя».

– Это Пантеон, – продолжала хозяйка. – А здесь, на входе – надпись «AUX GRANDS HOMMES LA PATRIE RECONNAISSANTE» – «Великим людям благодарная Отчизна».

– В небе не виден солнца свет, в небе просвета даже нет, а под ногами не паркет, а в основном – вода...

– А почему Антон с тобой не поехал? – спросила вдруг Танька.

– Антон? – переспросила хозяйка. Щеки ее вспыхнули. Стало вдруг трудно дышать, словно золотые драконы выжгли из ее легких весь воздух. Хозяйка сделала над собой усилие и продолжила: – А вот это, позади меня, мост Александра III...

Антон безучастно, почти бесшумно перебирал струны. Ему наскучило это. Он встал, подошел к гражданской супруге, протянул гитару:

– Спой что-нибудь.

Хозяйка обняла обеими руками деку. Потом поправила спицы на голове...

– Изгиб гитары желтой ты обнимаешь нежно, – с легкой хрипотцой начала она. – Струна осколком эха пронзит тугую высь...

Перед взятием нового аккорда хозяйка старательно, но быстро разгребала четыре пальца левой кисти, и тут же пухлые подушечки устремлялись ввысь, стремительно прижимая струны на другом ладу:

– Качнется купол неба – большой и звездно-снежный...

Голос окреп.

Душа замерла в томлении.

Танька, не зная слов, шевелила ногами, покачивая головой в такт песни. Петрова, вспомнив стройотрядовскую юность, беззаботно подхватила:

– Как отблеск от заката, костер меж сосен пляшет. Ты что грустишь, бродяга? А ну-ка, улыбнись...

А хозяйка доверчиво и пронзительно выводила:

– И кто-то очень близкий тебе тихонько скажет.... Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...

Вероятно, из-за градуса Петрову внезапно захотелось сделать какую-нибудь невинную шалость, например закашлять. Он открыл было рот, вздохнул и тут же широко и громко зевнул, закатив глаза.

Хозяйка остановилась удивленно и отложила гитару. Драконы негодовали. Петрова неодобрительно произнесла:

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

– Э-эх!

– Устаю на работе, – соврал Петров.

Антон подпрыгнул, вскинул театрально руки и протянул:

– Так надо ж отдохнуть...

– Началось, – чуть слышно сказала хозяйка. А потом совсем тихо, для Петровой, добавила: – Привилось уже.

Хозяйка с Петровой остались в комнате. Остальные прошли в кухню.

Петров ловил вилкой скользкие опята. Когда казалось, что маленькой шляпке уже некуда деваться, вилка вдруг лязгнула о край тарелки, гриб упруго отскочил и полетел под стол. Петров проводил опенок взглядом и наткнулся на правую ручку гражданского мужа хозяйки, которая гладила левую лиловую коленку Таньки.

Петров схватил одной рукой граненый стаканчик, другой – огурчик, выплеснул содержимое стаканчика в рот и с хрустом надкусил маринованный овощ.

По телевизору показывали товарищескую встречу сборной России по футболу.

Водка закончилась предсказуемо, но неожиданно. Как раз, когда наши пропустили гол.

Антон достал откуда-то виски из *дьютифри*. Налил в те же три граненых стаканчика.

– Саша, уже поздно, – раздался из комнаты голос Петровой.

– Ну, на ход ноги, – Антон поднял левую руку со стаканчиком. Правая рука его была по-прежнему занята.

Выпили на ход ноги.

– Нет, – сказал Петров. – Сначала надо разгонную.

Выпили разгонную. Танька уже не закусывала.

– Т-теперь н-на пшок, – пытался говорить Петров.

Антон едва поспевал наливать.

– А вот, ик, т-теперь нах-х ноги, – икал Петров.

Антон открыл новую бутылку саперави. Теперь они втроем только пили.

Петрова уже завязывала шнурки на ботинках мужа, а он чокался с Антоном, и они хором из двух диких пьяных голосов кричали:

– Зап-пороговая... Стрем-менная.... На ход к-коня...

Уже подходя к дому, освободившись от поддерживающей руки жены, Петров удивленно спросил:

– А где Татьяна?

Дома, раздевшись, укрывшись одеялом, Петров, обращаясь неизвестно к кому, произнес:

– Он н-не хозяйский м-муж ражданки. Он со-жи-тель нах-х.

И сразу уснул, изредка всхрапывая и подергивая ножками.

Петрова прошла в другую комнату, достала из портфеля стопку тетрадных листов с изложениями, и только положила их на стол, как зазвонил телефон. Петрова взяла трубку.

– Антон ушел, – из трубки хлынули рыдания.

– Как ушел? Куда?

– Не знаю... Я попросила его помочь мне с посудой, а он нахамил, надел куртку и ушел...

– Не плачь, не плачь. Он на морозе остынет и придет, никуда не денется.

Некоторое время из трубки слышны были только всхлипы, вздохи.

– Он такой ненадежный...

Петрова включила торшер, выключила общий свет, села в кресло напротив письменного стола.

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

– И-и на работе завал... баланс не сводится... начальник недоволен, – трубка всхлипнула. – Уйду я с этой работы.

– Перестань. Ты же главный бухгалтер, и начальник ценит тебя. Вы же столько лет вместе работаете.... Потом, в нашем возрасте уже не так просто найти работу...

В трубке слышалось прерывистое дыхание:

– Я думала, что Антон мне будет опорой. А он чуть что – сразу на лыжи. И-и... не работает толком. Даже хлеба не купит. И-и... все мне приходится делать.... А я что, железная?

– Не плачь, не плачь. Надо беречь себя.

– Хоть бы дома порядок был.... А то ни дома, ни на работе...

– Да все у тебя хорошо на работе. И почет, и зарплата, – Петрова посмотрела на стопку с изложениями. – У нас в столовой питание сделали комплексное – сто двадцать пять рублей на пять дней. Я в дневники своему классу объявления наклеила. Шесть человек деньги сдали. Думаю – позвоню, расскажу родителям подробнее. Может, еще кто согласится. Звоню одной маме, говорю, так, мол, и так – порции маленькие, зато второе и напиток. А она мне: «У меня в кошельке – десять рублей, получила уведомление – сокращают, а младшенькому – четыре года...»

Всхлипы в трубке прекратились:

– И что дальше?

– Не знаю. Парень хороший. Умница. Он матери сказал, что не хочет в школьной столовой кушать. Все понимает. Сейчас закончит девятый класс ...

В трубке зашмыгали носом:

– Да это я так, Марина. Поговорила с тобой и успокоилась. И Антон этот тоже... двенадцать сантиметров счастья...

Петрова поставила трубку на базу. Взяла в руки первый листок. Из спальни доносилось пьяное похрапывание мужа...

Позже, пробираясь в темноте к кровати, ступая босыми ногами по холодным плитам ламината, Петрова вспомнила: «Как там, в песне: как здорово, что все мы здесь сегодня собрались?»

К. Галеева. Вчерело (из цикла «Липовка»), 2020 г. Холст, масло

ПРОЗА

Татьяна Ярцева
(Липецк)

ЧЕРНАЯ ПТИЦА

Лето в том году выдалось теплым, дождливым. Травы стояли высокие, сочные. Старые деревья огромными кронами создавали густую тень, в которой было прохладно и тихо.

Солнце согревало землю, отдавая себя без остатка деревьям, кустарникам, травам, птицам, рекам.

Пришла пора появляться на свет птенцам. Мама-птицы волновались, потому что яичные скорлупки стали тонкими и дали маленькие трещинки. Папы-птицы суетились, кружась над гнездами, осматривая их со всех сторон хозяйским взглядом.

И вот в одном из таких гнезд лопнуло первое яйцо, потом второе, третье... Из них вываливались мокрые, слабые птенцы с редким серым опереньем. Мама-птица с радостью смотрела на своих детенышей, а папа-птица гордо кружил над гнездом, любуясь своим потомством.

Вдруг из очередного лопнувшего яйца вывалился мокрый и абсолютно черный птенец. Он не был похож на своих серых собратьев. Мама-птица даже чирикнула от удивления.

– Откуда такое создание в нашем потомстве? – недоумевала она.

Папа-птица от удивления открыл клюв, но так и не смог ничего произнести.

Серенькие птенцы быстро подрастали. Черный птенец тоже быстро рос и расправлял крылья. Когда пришла пора учиться летать, он первым вылетел из гнезда, но не рассчитал свои силы, упав в густую высокую траву заброшенного сада. На его территории стояла ветхая избушка, последняя на улице. Домов-то на этой улице было немного – всего двенадцать, и были они такими дряхлыми и неухоженными, что казалось, хозяева их давным-давно покинули. Да и деревня эта на карте уже, наверное, не значилась.

Но совершенно неожиданно дверь ветхой избушки скрипнула и из нее выползла древняя-древняя старуха, похожая на Бабу-ягу. Опираясь на кривую клюку, она медленно побрела по заросшей тропинке в конец сада, где громко кричали птицы.

– Цыц! Чего раскричались? – скрипучим голосом спросила она у птиц.

Они защебетали еще громче, кружа над птенцом, стараясь отвести от него беду.

– Ну, чего разгомонились, окаянные? – заскрипела старуха. – Аль чего нашли? Аль чего потеряли?

Птицы-родители кружили над птенцом, но ничем не могли ему помочь.

Старуха, раздвинув траву клюкой, увидела там черного как смоль птенца. Он барахтался в высокой траве, стараясь взлететь, но у него ничего не получалось.

– Вот те на, летать не научился, а все туда же, из гнезда...

Она, охая, с большим трудом наклонилась и взяла птенца в руки.

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

– Ой, батюшки, а черный-то какой! Вроде родители твои серые, а ты?.. Зачем же выделился из толпы?

– Чирик! – сказал птенец и посмотрел на старуху испуганным черным глазом.

– Ладно, пойдем в дом, а то кошки тебя махом сожрут, – сказала старуха.

Сгорбившись, опираясь на клюку и путаясь в высокой траве, она побрела к избушке. Зайдя, старуха притворила скрипучую дверь и посадила птенца на стол. Первое время он сидел тихо, боясь шевельнуться от страха. Но вскоре освоился и склевал все хлебные крошки, лежавшие на столе.

– Ну что, брат? Будем теперь жить вместе, – прохрипела старуха. – Я вообще-то помирать собралась, но теперь не до этого. Надо же тебя, беднягу, на ноги поставить, летать научить.

– Чирик! – сказал птенец.

– Вот и ладненько. Я буду звать тебя Черной птицей. Вот только маловат ты еще, тебе до птицы подрасти надо. Ладно, буду пока звать тебя Чернышом. Тебе мне рассказывать нечего, а я тебе много чего могу рассказать, – сказала старуха, ложась на свою лежанку. – Ты, чай, поспешил из гнезда-то вылететь. Надо было силенок поднакопить да ума поднабраться. Вот все вы так, молодые. А куда спешите? Ведь жизнь-то – она длинная. Вот так и мой старшенький. Все ему дома не сиделось, все в город рвался, все спешил улететь из родительского гнезда. А ничего хорошего из этого не вышло. Слишком доверчивым он у меня был и очень добрым. Вот и попал в злые сети... Ой, что это я? Ты, поди, устал? Может, поспишь?

Старуха приподнялась на лежанке и увидела, что птенец, пошатываясь, прикрывает глаза. Она с трудом встала, нашла какую-то коробку, наполненную ветошью, и положила туда птенца.

– Ну, поспи, Черныш, поспи. У меня спокойно. Тебя здесь никто не тронет. Я подкормлю тебя, и полетишь ты высоко-высоко в небо. Тебе силенок накопить надо да летать научиться.

Так и прижился птенец у старухи. Крошки хлебные клевал и кашу, пил водичку из блюдца. А ночью спал в коробке с ветошью.

А старуха-то как была рада такому гостю – живая душа в хате! Хоть есть с кем поговорить. А то все одна да одна.

– Ну что, Черныш, поел? Ну-ка, кыш со стола, я протру.

Птенец соскочил со стола на подоконник. Он очень любил смотреть в окошко. Высоко в небе проплывали белые облака, светило яркое летнее солнце, где-то поблизости чирикали птицы-братья, прячась в густых зарослях деревьев.

– Что, птаха? Полетать охота? – спросила старуха у птенца.

– Чирик! – сказал птенец.

Старуха открыла форточку и легла на лежанку.

– Ты знаешь, сколько лет было моему старшенькому, когда его посадили? Двадцать. А через два года его убили. Ему бы еще жить да жить, а он... – Старуха затряслась, беззвучно заплакав. Плакала она без слез. Их давно уже не было – высохли все за столько лет.

Черныш глядел на бабку своим черным глазом. Казалось, внимательно слушает и все-все понимает.

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

– Ну что? Не полетишь? Правильно. У меня-то оно надежнее. Да и не все я тебе еще рассказала.

Старуха сползла с лежанки и поковыляла к окну. Она закрыла форточку и взяла птенца на руки.

– Что, Черныш, спать будем? Поздно уже.

Она положила птенца в коробку с ветошью. Там ему было тепло и уютно, как в родном гнезде.

Вскоре птенец научился вылетать из коробки и долетать до стола, где они со старухой завтракали, обедали, а иногда и ужинали. После еды он перелетал на подоконник и смотрел в окошко. Там он видел птиц, летающих в заброшенном саду, часто с ними разговаривал на своем птичьем языке. За это время он подрос и из птенца стал превращаться во взрослую птицу с красивым черным опереньем.

Старуха каждый день открывала форточку, которая еле-еле держалась на старых поржавевших петлях. Но Черныш не улетал, хотя уже и чувствовал в себе силы.

– Ну что? Опять не полетишь? – спрашивала старуха у птицы.

– Чирик! – отвечал Черныш старухе.

– Правильно, тебе есть еще что послушать.

Подремав немного, она опять заговорила с птенцом.

– А младшенький-то мой в реке утонул. Долго искали. Только на третий день рыбаки сетями выловили. Сердце...

Старуха опять беззвучно затряслась, закрыв лицо руками.

– Чирик! – прокричал Черныш и перелетел на бабкину лежанку. Он расправил крылья и протянул их к старухиным рукам, стараясь обнять их.

– Да ты меня жалеешь, Черныш? – удивилась старуха. – Чья же душа живет в тебе?

Старуха взяла птенца в руки и прижала к себе. А он раскрыл крылья, обнимая старуху. Так и просидели они до вечера.

Вечером старуха отнесла птенца в коробку с ветошью, а сама улеглась на лежанку.

Утром после завтрака они смотрели в окно. За окошком все так же ярко светило солнце, летали птицы, бабочки, на кустах спела малина, на деревьях наливались яблоки. Высокие мальвы в цветных шляпках заглядывали в окно. Старуха, как обычно, открыла форточку и легла.

– А знаешь, Черныш, мужик-то мой не выдержал всего этого. Спился и помер он вскоре. А я вот живу. Или не живу. Сама не знаю. Все думаю, думаю о них...

– Чирик! – прокричал птенец и опять перелетел на бабкину лежанку.

Старуха взяла птенца в руки, и просидели они опять до самой ночи.

– Пора спать, Черная птица. Засиделись мы с тобой, – сказала старуха и понесла Черныша в коробку.

Возвращаясь к лежанке, старуха подумала, что не случайно упал к ней в сад черный птенец и не случайно она подобрала его. Что не простая это птица, а птица доверчивая и добрая, с душой, похожей на человеческую душу. «Ох и не сладко придется тебе в жизни, птаха, – подумала старуха, – уж больно ты добрая да доверчивая. Я-то тебя не обижу. А другие?»

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

Следующий день ничем не отличался от остальных. Утром они позавтракали, старуха распахнула скрипучую форточку и поплелась на лежанку.

– Ну что, Черная птица, теперь за тебя я спокойна, ты подросла, окрепла, летать научилась, ну а как сложится твоя судьба – одному богу известно. Но ты уже сделала свое первое доброе дело – скоротала мои последние деньки. Хоть было мне с кем поговорить, душу свою излить. Благодарна я тебе за это, Черная птица.

Черная птица перелетела на лежанку и обняла старуху крыльями. Но старуха больше ничего не сказала птице. Она лежала тихо, не шевелясь. А Черная птица обнимала ее крыльями, стараясь согреть и разговаривать. Но старуха молчала. И поняла тогда Черная птица, что уже никогда не встанет ее старуха ни к завтраку, ни к обеду, ни к ужину. И никогда уже ничего не расскажет о своей жизни.

И вылетела тогда Черная птица в форточку, понимая, что покидает родное гнездо. Она взлетела высоко-высоко в небо и, расправив крылья, заплакала и закричала так, что переполошила всех птиц и людей в округе.

Долго кружила она над родной избушкой, где ее приютила, выходила и научила летать старуха. Черная птица поняла, что дороже и роднее у нее никого нет.

Так и кружит она с тех пор над заброшенной деревней, все ищет, ищет свою избушку. И если вы вдруг случайно увидите в небе одиноко кричащую черную птицу, знайте, что это тот самый повзрослевший птенец, которого спасла когда-то старуха. Каждый день летает Черная птица над заброшенной деревней, оплакивая свою родную старуху-мать.

ВО ЧТО ПРЕВРАЩАЮТСЯ СНЕЖИНКИ

Недалеко от леса на самом высоком пригорке расположилась небольшая деревушка. Она заняла самое высокое и красивое место и в знак победы горделиво дымила трубами. Белый дым поднимался строго в небо, что говорило о сильном морозе, стоявшем в тех краях.

Иногда мороз спадал. Тогда по небу плыли тяжелые снежные тучи, из которых на землю высыпалось множество маленьких и больших снежинок. Они красиво вальсировали в потоке ветра, ложась на серебристое снежное покрывало, укутавшее землю, добавляя ему чистоты и блеска. Они наперебой перешептывались между собой:

– Смотри, какая я красивая! У меня столько сверкающих граней, что я освещаю ими всю округу!

– А я самая резная из всех снежинок!

– А я самая красивая!

– И я! И я! – вторили другие соседки-снежинки, ложась мерцающими звездочками на снежное покрывало.

Снежинок становилось все больше и больше. Одни прятались вглубь одеяла, другие, выхваченные ветром, летели за околицу, чтобы укрыть соседние поля. Так продолжалось всю долгую зиму.

Самая красивая снежинка лежала близко к поверхности снежного покрывала. Сквозь мерцающий блеск подружек она наблюдала за происходящим. Вскоре она заметила, что солнышко стало подниматься все выше и выше, возвещая о приближении весны. На улице с каждым днем становилось теплее. На дорогах появились проталины.

Снежинка заволновалась:

– Что теперь с нами будет?

Она спрашивала об этом у подружек, но никто не мог ответить на этот вопрос.

И вдруг снежинка-красавица увидела, как крайние снежинки на серебристом покрывале превращаются в маленькие капельки и падают в небольшой ручеек. А ручеек, звонко и весело журча, бежит к кромке леса.

– Ой, наверно скоро и я превращусь в крохотную капельку и упаду в этот ручеек, – испугалась самая красивая снежинка, но было поздно.

Она вместе с другими снежинками-капельками уже звенела в ручейке. От этого ей стало очень весело. Ручеек журчал на всю округу. Он был прозрачным, быстрым. Веселый и радостный, ручеек мчался с пригорка к границе леса. Там он замедлял свой бег, медленно пробираясь к опушке. Теперь снежинки-капельки могли рассмотреть, как красиво было вокруг. Ярко светило солнышко. По небу плыли белые причудливые облака, похожие на сказочных зверушек. На некоторых кустиках набухли коричневые почки.

У самого леса ручеек превращался в большую проталину, которую быстро впитывала оттаявшая земля. На ней кое-где уже были видны зеленые стебельки с листочками. Они с трудом пробивались сквозь прошлогоднюю сухую листву. На некоторых стебельках виднелись небольшие бутончики.

– Ой, как красиво! – прозвенела снежинка-капелька из ручейка.

– Как красиво! Как красиво! – вторили другие снежинки-капельки.

Но, не успев налюбоваться весенним пейзажем, они вдруг оказались под землей. Там было темно и страшно. Повсюду сидели пузатые луковички с торчащими корешками. Эти корешки очень быстро впитывали влагу, поэтому снежинку-капельку они тоже очень быстро проглотили.

Не успев отдышаться в луковичке, снежинка-капелька стремительно поднималась вверх по стебельку.

– Что ждет меня наверху? – спросила она у стебелька.

Но он так быстро вознес капельку наверх, что она лишь услышала:

– Сейчас увидишь сама.

Вскоре стебелек закончился и капелька оказалась в маленьком бутончике. Он так обрадовался солнышку и капельке, что сразу же раскрылся и превратился в прекрасный весенний цветок. Снежинка не верила своим глазам – совсем недавно она была холодной мерцающей снежинкой, потом стала капелькой в ручейке, а теперь белым нежным подснежником!

– Я превратилась в весенний цветок! – звонко пропела капелька, до конца растворяясь в бутоне и принимая облик подснежника.

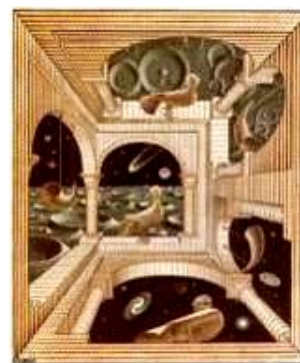
– И я! И я! – хрустальным звоном доносилось со всех сторон.

Полянка, где красовалась капелька в новом образе весеннего цветка, была усыпана такими же прекрасными подснежниками, приметами весны.

А ручеек все нес и нес новые снежинки-капельки к опушке леса и в его глубины, чтобы скорее покрыть оттаявшую черную землю нежным бело-голубым ковром из подснежников, которые украсят нашу землю. А еще они подарят весну и радость всему миру.

ПОЭЗИЯ

Анастасия Смирнова
(Череповец, Вологодская обл.)

Эта девочка

Эта девочка, что на вкус будто дикий мед,
Хороша, словно тысяча ангелов, вместе взятых,
Или тысяча бесов – кто ее разберет,
Нынче сложно делить на правых и виноватых,
На хороших – плохих и сошедших вконец
С ума, будто с пристани, к коей уже лет двадцать корабли не плывут.
Только стелется к ней туман,
И приходит закат, чтобы там же и потеряться...

К. Галева. Зимние деревья (из цикла «Липовка»). Середина 1990-х гг.
Картон, масло

Эта девочка пахнет снегом в июльский день,
Что растоплен жарой под сорок и даже выше.
Карамельным сиропом плависься вмиг при ней,
Сердце прыгает и замирает в районе крыши,
Совершает три сальто и падает в темноту,
Где два года ты не включал никакого света.
Но она заполняет с лихвою всю пустоту,
Возвращая все то, что утрачено было где-то.

От нее отказаться – сложнее, чем бросать курить,
на счет три прыгать вниз без страховок, да с небоскреба.
Эта девочка... впрочем, стоит ли говорить?
Ведь тебе остается ее обожать до гроба,
Выводить ей стихи мелким почерком на блокнот,
Красить стены сквозной души в белоснежно-белый,
Сочинять ей любовь из восторженных самых нот,
Понимая, что без нее ты уже – не целый...

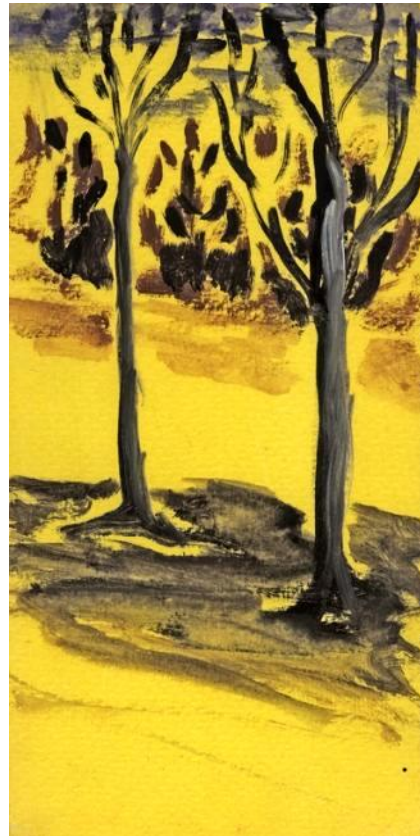
Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

Выбросим спички

Выбросим спички – не время сжигать мосты.
Время собраться с нуля, по частям, по круплицам.
Сонное лето того и гляди загорится,
Видишь, уже простирается едкий дым?

Трепетный август незрел и хрустит по краям,
Что-то суровое пряча от нас – в сердцевине.
Юный закат утопает в атласном кармине,
Кутая небо тревожным колором огня.

Выбросим спички, ведь правила так просты:
Не вспоминать, не просить и не торопиться.
Книга не кончена, загнута в ней страница...
Значит, не время пока поджигать мосты.

*К. Галеева. Стремление вверх.
У Вити Николаева. 1986 г.*

В окне с утра показывают дождь

В окне с утра показывают дождь,
И капли разлетаются по кадрам.
Бери попкорн, садись со мною рядом –
Посмотрим на изысканную ложь,
Отснятую в канонах старых лент.
И вновь в репертуаре – мелодрама.
А капли лупят по оконной раме,
И режиссера на площадке нет –
Наверно, дождь застал его врасплох,
Он вымок весь до нитки. Зонт не взявши,
Стоит под крышей дома, и, уставший,
Тяжелый кротко подавляет вздох.
До титров мы досмотрим этот фильм,
До самого размытого финала...
Но дождь, закончившись, пойдет сначала,
А мы с тобой последуем за ним.

Панацея

Быть счастливым осенью – так просто:
Теплый плед и книга, с мятой чай.
И пускай фарфоровые вёсны
Раньше марта к нам не постучат;
Пусть сентябрь сквозным дождем заряжен,
И стреляет метко по душе –
Это, в общем, все не так и важно,
Если мы с тобой на вираже
Новых чувств, надежд и обещаний.
От былых обид потерян код.
Я твои объятия назначаю
От любых простуд и непогод
Панацеей самой-самой главной.
Пусть снаружи мрак и непокой,
Я решила для себя недавно –
Если и болеть, то лишь тобой.

Истончились все рифмы

Истончились все рифмы – до точки,
И стихи прохудились совсем.
Мне бы сшить тебе новые строчки,
Только нечем... И – в общем – зачем?
Мне бы спеть тебе новое лето,
Что теплее и ярче стократ.
И не думать, что вслед за рассветом
Неизбежно пришел бы закат,
Что слова обеднели и стихли,
А все рифмы к глаголам свелись.
Зазвучит в тебе сотканный стих ли
Или смолкнет, дождями залит?..
Истончились все рифмы, и словно
Онемел голос мой насовсем.
Мне сказать бы то главное слово,
Только нечем...
И – в общем – зачем?..

Настанет день

Настанет день, когда уже никто:
ни близкий друг, ни призрачный прохожий,
что в майский день, уютный и погожий,
надел зачем-то теплое пальто, –
не спросит, не узнает сколько зим
и вёсен, и ночей в одной постели...

Был горьким дым, когда стихи горели,
и мы с тобой горчили вместе с ним.

Настанет день, когда уже нигде:
ни в журавле, ни в маленькой синице,
ни в юноше, что не успел проститься,
чертя «люблю» на поезда стекле, –
тебя не будет.

Не отбросит тень
твоя рука и голос твой замолкнет...
Мы разобьем друг друга на осколки
и кинем прочь, когда настанет день.

К. Галеева. Поток и сон. 1986 г.
Картон, темпера

Небо шестое, последний этаж

Здравствуй, король. Из забытого Богом места,
Стертого памятью с рук и лица земли,
Пишет тебе потерявшая сон принцесса,
Тщетно пытаюсь опять его обрести.

Знаешь, январь отпевает ушедшее лето,
Стынут слова, вдруг подернувшись корочкой льда.
Ангел мой нервно смолит на углу сигарету,
Сняв обгоревшие крылья уже навсегда.

Я изменила свой адрес прописки. Диктую:
Небо шестое, последний этаж, три звонка.
Выше меня не пускают, стараюсь впустую.
Но ничего... Здесь повсюду плывут облака

Разных оттенков, причудливо слепленной формы.
Мне улететь бы на них до тебя, но увы...
Для короля, к сожаленью, является нормой
Помнить принцессу, но с ней оставаться на «вы».

ПОЭЗИЯ

Надежда Коган

(Сергиев Посад, Московская обл.)

Я – из дикорастущих дураков,
Из тех, кого не сеют и не полют.
Рассыпаны ромашками мы в поле,
Сияем огоньками васильков.
О, с нами борются! Нам головы срывают.
Нас топчут: «Будь умнее! Будь, как все!»
А мы живем. И душу раскрываем
Оленю, и шакалу, и лисе.
Зачем тебе, Природа, дураки?
Зачем ты нас не вывела под корень?
Тебе, разумной, с нами только горе,
Тебе возиться с нами не с руки.

Мы где не надо вдруг заводим спор.
Среди жестоких, умных и упорных
Мы головы топорщим непокорно
И портим твой естественный отбор...
А может, мы – бессмертие твое,
Прозрачное, как солнечное утро?
Доверчивость – не детство, это – мудрость,
Узнавшая иное бытие.
Мы – дальний свет на сумрачной реке,
Увиденный на переломе мига.
И мы тебе твою читаем книгу,
Но на своем, дурацком, языке.

К. Галеева. Шуты. У Вити Николаева. 1986 г.

В полях за Вислой сонной

*...Но помнит мир спасенный,
Мир вечный, мир живой,
Сережку с Малой Бронной...
Е. Винокуров*

Ах милая Польша, красавица с бантом –
Короткая память и минимум смысла...
Сережка и Витька теперь – оккупанты,
Как полмиллиона в могилах за Вислой.
А мир в тишине комфортабельных комнат,
Не зная, что снова стоит у порога,
Кромсает бывшее и вовсе не помнит,
Что был он спасен. И про Витьку с Серегой.
Спасенный и вечный, все так же беспечен
У края обрыва избушкой на сваях.
Достоин ли вечности ты, человеке,
О тех, кто погиб за тебя, забывая?

Московский BAZAR № 4 (43) 2020 г.

Я – озеро Неро
 Я – зеркало прошлого, сгусток времен,
 И совесть, и мера,
 Хранилище снов, мартиролог имен...
 Я – озеро Неро.

Раскину атласную ферязь мою
 И слушаю травы.
 И все принимаю, и все отдаю:
 Любовь и отраву.

Я ливни ловлю, и дождей болтовню,
 И вьюжные свисты.
 Осенние оттиски листьев храню
 Весне на мониста.

Склонись надо мною и сердце раскрой,
 Подстреленный кречет.
 Послушай, как волн моих шелковый строй
 Баюкая, лечит.

Смотри, как мерцает в подводном плену
 Былинное имя.
 Позволь мне в мою заглянуть глубину
 Глазами твоими.

Крылами лебяжьими плещут в края
 Реальность и вера.
 Я – древняя, тайная память твоя.
 Я – озеро Неро...

Русь. XIV век

Шагом. В рысь. Галопом грузным.
 Чоки-чоки, ай-люли! –
 Это тверичи на Суздаль
 За добычею пошли.

Полыхает край родимый,
 Пламя мечется в ночи.
 Это снова на Владимир
 Ополчились москвичи.

Беспощадно, вероломно –
 Князь на князя, хоть ты плачь!
 Угличане – на Коломну,

Ростовчане – на Киржач.

В поймах стелются туманы,
 Ходят тени по воде,
 Меж собой дерутся ханы
 В раззолоченной Орде.

А тебе, дружок, баюкать,
 Примостившись на суку,
 Покалеченную руку
 Да сиротскую тоску.

В кроне спрятавшись, унять бы
 Боль, отчаянье и дрожь –
 Заживет рука до свадьбы,
 Коль до свадьбы доживешь.

Оглянись! Мы – рядом, рыжий.
 Ну всего-то семь веков...
 Оттого и знаем – выжил
 И от кметей был таков.

То не сердца перебои,
 Не гроза на небеси,
 Это встало за тобою
 Все грядущее Руси,

И хранит – от острой пики,
 От меча и кистеня,
 Чтоб в церквах светились лики
 Тайной вечного огня,

Чтоб горячим ритмом пульса,
 А не смертью от клинка
 К нам художник дотянулся
 Через темные века,

Чтобы шли живые соки:
 Ярких красок, дивных слов,
 Чтоб вырос ты высоким,
 Богомаз Андрей Рублев.

Эх, вот так бы и сегодня
 Взмахом легкого крыла
 Мастеров рука Господня,
 Словно душу, берегла.

Голосники

Чтоб были перекрытия легки,
 Чтоб стал церковный свод похож на чудо,
 Служили мастерам голосники –
 Большие длинногорлые сосуды.

Они в себе держали пустоту
 И легкость. Горловиною наружу
 Подхватывали звуки на лету,
 Гасили эхо, пробуждали душу.

А нынче, вдохновением влеком,
 Ни на кого за скудость не в обиде,
 Работает поэт голосником,
 Кувшином в современной пирамиде.

О наших дней горение и дым!
 Богатства и любовь уходят в Лету.
 Поэту вправду надо быть пустым,
 Но полным тишиной, и тьмой, и светом.

И, словно обреченность и оброк,
 Нести в себе безбожие и Церковь,
 Чтоб небеса не так давили сверху,
 Чтоб каждый слабый шепот слышал Бог.

С точки зрения дождя

В распахнутом сознании дождей,
 Летящих с поднебесья к серым лужам,
 Хитиновые панцири людей –
 Как раковины с каплями жемчужин.
 Мерцает свет, привычный и родной,
 И наши лица кажутся моложе,
 Когда волшебный глянец водяной
 Ласкает, нежит, освежает кожу.

Цветам и травам незнаком полет.
 Для них дожди – лианы с тонким стеблем,
 Растущие совсем наоборот,
 Корнями в небо, лепестками в землю.
 А мы для трав – бродячий лес живой,
 Движениями торопящий время,
 Безлиственный, чужой, бескорневой,
 Но в почву уходящий, словно семя...

Вот так порой откроется на миг
 Недоумение травы и влаги,
 Забытый удивительный язык,
 Неведомый исписанной бумаге,
 И вдруг поймешь – себя изобретя,
 И затвердив, что дважды два – четыре,
 Мы все же с точки зрения дождя
 Безмерно одиноки в этом мире.

В ямке под горлом

*Один из вариантов происхождения слова «поэзия» –
 «голос Бога» в переводе с древнееврейского.*

Голос Бога рождается в ямке под горлом:
 Пальцы ветра рассеянно тронут виски.
 Замираешь и слушаешь дальние горны,
 Нерожденных созвучий немые толчки.

Встреча воздуха (духа?), сознания и плоти –
 В триединстве эолова арфа поет...
 ... В эту ямку и бьют. Напряженной
 щепотью.
 («Клюв орла» – в карате.) Словно лебедя –
 влет.

Подними подбородок. Дается не даром
 Сопричастности с миром живое тепло:
 Снова черная зависть наносит удары
 По открытому горлу – прицельно и зло.

Но в неровном дыхании множатся ритмы,
 Напряженной становится музыка слов.
 Может, вправду – чем горло твоё
 беззащитней,
 Тем бессильней железные клювы орлов...

ПОЭЗИЯ

Ольга Уваркина

(МОССАЛИТ, Москва)

Про Лялю-балерину

(по картине Наташи Виллон)

В одной деревеньке шептались старушки
С утра и до ночи о Ляле-толстушке:
«Нескладные ноги, что зад, что перед,
А вырастет – замуж никто не возьмет».
И слышала Ляля о ней разговоры,
Но только смеялась: «Какая умора!
И сплетни на лавке – отстой, юморина...
Не знает деревня, что я – балерина!»
Никто и не ведал, «сорокам» под стать,
Что толстая Ляля умела летать...
Как только уснут тихой ночью дворы,
Примолкнут коровы в хлевах до поры,
А с ними – до зорьки старушки-болтушки,

И все суетливые куры-несушки,
Все, кроме хитрюги – на крыше ката,
Тогда начинала и Ляля взлетать.
Над лугом, над лесом, почти не дыша.
В едином движении *grand pas de chat*.
На ножках пуанты, легки, белоснежны.
Как просто в них сделать *levé u manège*,
А правую ножку в колене согнув,
Раскинув объяття лететь на луну!
Как просто, какое нехитрое дело –
Быть прямой балета...
И Ляля летела!..

Славка

Как стучится мне в душу тревожная, чуткая память...

Л. Клёнова

Был он старше меня, во дворе средь ребят верховодил,
Славка Гуров – пацан, жил по улице в доме напротив.

Мы, тогда – малышня, в рот глядели везучему Славке.
Как на бабочку смотрят с земли все жуки и козявки.

И казалось в те дни, что и солнце, и жизнь бесконечны.
Эта улица, игры и двор нас связали навечно...

Мир однажды погас. День июньский я помню поныне:
Утонул Славка Гуров, купаясь у старой плотины,

Так случайно погиб... Мне ж запомнилось светлое имя,
Потому что впервой смерть сыграла с мечтами живыми.

Кем бы мог парень стать? Не ответит никто и не вызнать.
Он ушел навсегда, ничего не узнав в этой жизни:

Ни любви, ни разлук, ни полета Гагарина Юры,
Ни грядущей поры, проскакавшей летучим аллюром.

Из невольного сна, окаймленного радугой зыбкой,
Машет мне паренек с простодушной детской улыбкой.

Сколько ж минуло лет? Сколько вёсен легло между нами?
Как стучится мне в душу тревожная, чуткая память!...

Мой поздний мир таков...

Мой поздний мир таков: мы – врозь на вдох и
выдох,
И щерится гроза в небес голубизну...
Сползет из-под очков, себя коварно выдав,
Дрожащая слеза, предательски блеснув...

Вся жизнь: отсель – досель, но я пока живая,
Пусть малостью – на треть, полвека позади...
Во временной туннель, пространство разрывая,
С разбега не взлететь и даже – не вползти.

Ни время ж умолять и ни иные силы,
Что дарят смельчакам волшебное перо.
Судьбу не вздернешь вспять, а все, что сердцу
мило,
Я встречу в облаках, когда настанет срок.

И может, не беда – граница между нами,
И зов фантомных птиц в астральные края...
Так грезят города пророческими снами
За стеклами глазниц о смысле бытия.

Рябина

Ярче камней рубина,
Взоры волхаткой манит...
Ах, какова ж рябина
Вызрела на Рязани!

Веер – резные листья.
Гроздьями тяжелея,
К травам склонились кисти.
Ягоды в солнце рдеют.

Вот же, любуйтесь, гладьте,
Вышла во двор одетой
Барыней в красном платье
Здесь, на земле поэта,

Где небеса так близко,
Что докричать до Бога.
Дарит любовь он исконь
Да испытаний много...

Наперекор године
Скаредного Касьяна
Светят глаза рябины
Сказочно – обаянно!

Сентябрь

На листву ложится позолота.
Приуныли птицы, не щебечут.
Журавли готовятся к отлету:
«На болоте собирают вече»...

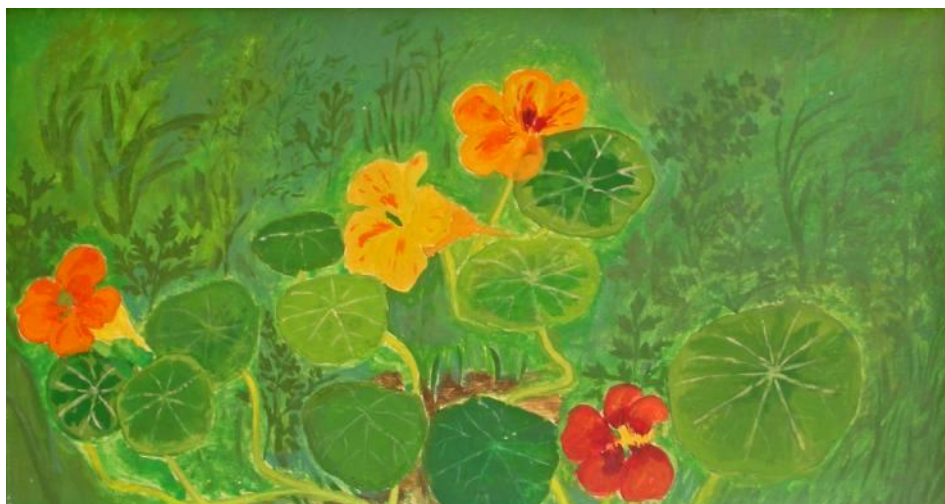
Тихо-тихо... Час застыл картиной,
Контур жизни отпечатав четко,
Небо из линиялого сатина...
Нарисуй, художник, или сфоткай,

Как луга внезапно опустели,
Отцвели ромашки и цикорий...
Все богатства летней акварели
Будут вдохновлять твой взгляд не скоро.

Беспричинно – нет в душе покоя,
Словно вяжет крылья за плечами.
Бабье лето... Что ж оно такое?
Почему тревожит и печалит,

Будоражит ароматом пряным,
Как вином и трапезой прощальной?
Может дню святого Куприяна
Внемлет мир торжественно-печально?

На закате чистый воздух стынет –
Напоенный разнотравьем сбитьень,
И дрожит на ветхой паутине
То ли жертва, то ли погубитель...

К. Галеева. Настурции. 1987 г. Картон, темпера

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Вся жизнь – перевернутым блюдцем...

*Поэту Алексею Комлеву и всем,
пережившим трагедию
затопления городов
в 30–50-х годах прошлого столетия*

Вся жизнь – перевернутым блюдцем...

Не сыщешь тропы на погост,
Увидеть нельзя и вернуться
В свой дом, где родился и рос.

Мой белый корабль-оригами
Весь век в ощущение беды.
Мой сад меж двумя берегами
Под толщею мертвой воды.

Я – пленник ее акваторий,
Заложник эпохи тех дней,
Где темные пятна историй,
Как тайна, исчезли на дне,

Как детство, что скрылось из вида...
Из сердца не выкинуть вон
Калязин – мою Атлантиду,
И Китеж крамольных времен.

Печально над вольным простором
Одна колокольня теперь
Стоит молчаливым укором
И символом вечных потерь.

Нет памяти этой дорожке,
Когда управляю веслом,
Ведь все, что я нажил и прожил,
Течением лет унесло.

Мой путь, небезгрешный и дольний,
С мечтой и надеждой, как сон:
Доплыть до святой колокольни,
Услышав малиновый звон...

*К. Галеева. Умирают деревья, дома...
(из цикла «Липовка»). 2018 г. Холст, масло*

К. Галеева. Белое дерево. Липовка. 1990-е гг.

ПОЭЗИЯ

Сергей Скловский
(Москва)

Такая

Наша любовь – шоколад горький;
аттракцион «Русские горки»;
перечень разных обид пустяшных;
ревность, сносящая напрочь башню;
капелька крови на свежей ранке;
свет светлячка в запотевшей банке;
солнечный зайчик на старых обоях;
нежность, накрывшая нас обоих,
сквозь кривотолки, дожди и вьюги,
приговорившая нас друг к другу;
синих слонов в поднебесье стая...

Наша любовь – нам нужна такая?

Сто первый

Ты поёшь, я подпеваю,
ты – еще, и я – еще...
Мы с тобой в пустом трамвае,
нам в трамвае хорошо!

Барабанит дождь по крыше,
мы плывем над морем луж,
попросить бы тех, кто выше,
чтобы выключили душ.

Током бьет озноб по коже –
вольт, наверное, мильён.
Ты смешливая, я – тоже
и, конечно же, влюблен.

Распахну свои объятия,
душу настезь распахну.
Ну а чуть помнется платье,
на себя приму вину.

Запотевшему стеклу я
доверяю пару фраз
и опять тебя целую
вот уже сто первый раз...

Этот дом

Вот этот дом. Ледяные ступени
вверх, вниз...
Тусклые лампочки, хищные тени,
плен запустения и сновидений
слизь.

Стекла заплыли. В бархате пыли
вбит след.

Стрелки часов безнадежно застыли.
Что это: сон, прочерк памяти или
бред?

Нет, не ошибка. Вот эта скрипка,
стон струн...
И фотографии старой улыбка:
мол, это ныне все зыбко и хлипко –
был юн.

Грустно. Химеры выцвели, серы.
Тишь. Лишь
слышится гомон далекого сквера,
да шелохнет край суконной портьеры
мышь.

Тлен, цепененье. У морды оленьей
нос сиз.
Стыннут в камине зола и сомненья.
Прочь, и скорей! Ледяные ступени –
вниз.

Мы плывем

Вот и лето на нас навалилось звенящей тоской,
 грозовыми раскатами, пробками на эстакадах.
 Мы с тобою плывем над залитой дождями Москвой
 вдоль нарядных, забрызганных мокрым закатом фасадов.

Ты мурлычешь под нос бесконечный улыбчивый блюз,
 а сама – горяча, словно пицца в картонной коробке.
 Я, конечно, тебя распакую, едва доберусь,
 потому что влюблен и еще – потому что не робкий.

Ты наивна, смешлива и, словно росинка, свежа,
 и сияют глаза, и пылают пунцовые уши.
 Ни за что никакому дождю не залить этот жар,
 что рождается в наших телах и распаренных душах...

Наш кораблик плывет над залитой дождями Москвой,
 вдоль забрызганных мокрым закатом сплошных декораций.
 Мы, конечно же, скоро причалим, клянусь головой,
 и под зонтиком выйдем в цветение белых акаций.

Когда я все же улечу

Когда я все же улечу
 куда-нибудь, пускай, в Канаду,
 весна начнется снегопадом –
 одною из своих причуд.

Из дня вчерашнего письмо
 пошлю тебе, что, мол, скучаю...
 А ты прочтешь, заваришь чаю,
 на снег засмотришься в окно,

и, может быть, взгрустнешь в ответ,
 и мне напишешь пару строчек.
 Я разобрать сумею почерк
 твой – даже через интернет.

Поговори со мной

Поговори со мной о чем-нибудь,
 услышать голос твой – уже приятно...
 И может быть, короче станет путь
 от дома – до работы и обратно.

Поговори со мной о пустяках,
 о радуге, о солнечных зайчатах,
 о диких бесшабашных ветерках,
 вприпрыжку уносящихся куда-то...

И, разглядев, что я тут не один,
 но явно осознав, что третий – лишний,
 нам грустно улыбнется вслед гаишник –
 московский важный голубой пингвин.

Унисон

На цыпочках в заснеженном лесу
стоит и зябнет грустная избушка.
Ни огонька в окне ее, неужто
хозяев нет, а прочим – недосуг?

Смущение и робость поборов,
мы ввалимся незваными гостями,
и снегу в чайник наберем горстями,
и натаскаем хворосту и дров.

Каких-то полчаса, и вот уже
душистый чай томится в желтых кружках,
и мы прижмемся в тесноте друг к дружке,
переживая сказочный сюжет.

Избушка убаюкает теплом,
урчаньем печки, травянистым духом,
жужжанием вдруг пробужденной мухи,
укрывшейся в потемках под столом.

Проваливаясь в вязкий ватный сон,
сжимаю крепко теплую ладошку,
и понимаю: это понарошку –
избушка, ты и мысли в унисон...

Тоска

Пушистым котенком в клубок у виска
привычно свернулась ночная тоска,
тихонько мурлычет всю ночь напролет,
терзает добычу и спать не дает...

*Дрожащие звездочки во
вьетнамской вазе*

*Парящие метелки в напольной
зеленой вазе*

Хризантема-солнце

К. Галева. Вторая половина 1980-х гг. Картон, темпера

ПОЭЗИЯ

Юрий Беридзе
(Москва)

Проси, но...

Проси у Бога все, что хочешь,
и принимай все то, что даст:
и росчерк пулеметных строчек,
и арналетов трубный глас,
и гром салютов, блеск оркестров,
несущих яростную медь –
все то, что в жизни неуместно,
но что положено иметь...

будто...

у меня было пальто на вырост
какой же потом я большой вырос
и тому пальто
я теперь никто
я потом менял куртку за курткой
будто сбрасывал шкурку за шкуркой
будто я линял
будто я змея
но я помню то пальто на вырост
как будто во мне какой-то вирус
будто то пальто
какой-то симптом

В жизни все замешалось...

В жизни все замешалось – меда и беда,
путеводная все освещает звезда
и Господняя длань освящает.
Ты идешь и не знаешь зачем и куда,
задавая порою такого дрозда –

не играть бы такими вещами,
а играешь – и сам ведь не знаешь на кой,
и за острые стали хватаешь рукой,
и пятнаешь ладонями стены,
и по ним от дурацких сползаешь финтов,
хорошо, херувим не жалеет бинтов –
самый близкий к тебе в ойкумене.
Не по чину ему, даль его высока,
да и сдуру схватил ты за жало клинка,
но как вышло, то так уж и вышло:
херувим и спасает тебя, мудака,
а с небес, раздвигая рукой облака,
одобрительно смотрит Всевышний.

Мир воспоминаний

Мир моих воспоминаний
полон всяких мелочей:
неприметных глухومانей,
тихих речек без названий,
мельче, чем иной ручей,
незначительных событий,
и заброшенных дорог,
и людей неименитых,
и домашних чаепитий
под хозяйшкин пирог,
всевозможных незаметных
дел – не всякий и сочтет,
разных разностей заветных,
и таких богатств несметных,
что не каждый наживет...

Дорога Варлама

Во мне надежд побольше, чем печалей... Хотя и лет уже изряден груз, я так же беспокоен, как в начале, когда еще не знал, как состоюсь. Я так же рвусь к чему-то за пределы покойного, пристойного житья, я не готов к уделу престарелых – смиренно ожидать небытия...

В окне видна дорога полевая
и солнцем подпаленные леса –
там осень догорает, дотлевают,
и искры улетают в небеса.
Но тучи набухают постепенно,
степенно наплывают на леса –
а ты гори, гори, пожар осенний,
и под дождем гори, не угасай.

Я выйду на проселок и до храма пойду, хоть дождь вот-вот заморосит. Иду послушать певчего Варлама, давно слышан, как он знаменит густейшим басом при тщедушном теле, проникновенным пением псалмов... Его при церкви некогда пригрели, поймав на взломе брошенных домов. Могли бы сдать бомжа туда, где лечат охоту к глупой перемене мест, но есть иной обычай человеческий – прокормим, чай, общину не объест... Тем паче – бас, да что там бас – басыще! Теперь на службах – чуть не всё село, да и Варлам другого и не ищет, считает, чудо к храму привело. Варлам поет, дрожит церква от баса, и на свечах колышутся огни, а маленький священник седовласый восторженно на месте семенит. А что, и вправду одарил Варлама Господь талантом – щедро и сполна! И слава Богу, что дорога к храму бомжа – и к людям этим – привела...

Свят Георгий, Свят Георгий...
Над Ильинским – купола...
Путь к тебе сегодня долгий,
ночью так метель мела,
что лишь верный и упрямый
по дороге мнет снега...
Ну так что ж: дорога к храму
не бывает в полшага...
Но бывает – жизни мало...
Мнешь снега и месишь грязь,
а идешь – куда попало,
где и храма не бывало...
Не бывало отродясь.

Ну, вот и я, быть может, так упрямо ищю поныне, вопреки летам, ту самую свою дорогу к храму, ищю, но ни одна пока не та... И я все так же нынче беспокоен, хотя и лет уже изряден груз, и рвусь в дорогу – может быть, какою и я до храма все же доберусь...

Небесспорное

Вывод мой, наверно, небесспорен,
но скажу, не отводя глаза:
жизнь, друзья, лишь несколько историй,
о которых стоит рассказать.
В остальном не так уж много проку,
и едва ли сложится рассказ:

вроде как в рубашке подоплека –
кто же выставляет напоказ?
Вроде как безделица... Но все же,
может, в этом есть какой просчет:
без нее рассказов-то не сложишь,
а и сложишь – вряд ли кто прочтет.

Я приду к роднику

Я приду к роднику –
заглянуть в небеса,
я склонюсь перед их глубиной.
Может, жизни осталось
всего полчаса –
так умоюсь прозрачной водою.
И прольется на душу
огонь ледяной,
и омлет ее,
и омлет –
не простой,
не простой,
а небесной водой,
родниковой
живою водою.

Совместен

Дышишь в неба синеву,
в облака, что в ней плывут,
отражаются в реке –
и горит на языке,
и горчит смолой еловой
мною не сказанное слово.
Но стою, молчу светло,
словно чудо снизошло
с запредельной высоты –
и не страшно немоты.
И целую тельный крестик,
счастлив, что всему совместен...

К. Галева. Гвоздика. 1985 г.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

«Московский BAZAR» продолжает знакомить читателей с творческими людьми, открывать новые имена.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОЛНЫ ФЕСТИВАЛЯ

О крупнейшем в культурном русскоязычном пространстве фестивале «Славянские традиции» рассказывает его основатель и бессменный руководитель заслуженная артистка России музыкант и писатель Ирина Силецкая

В конце августа завершился юбилейный XX международный фестиваль литературы и культуры «Славянские традиции». Фестиваль ежегодно проводится Европейским конгрессом литераторов, Союзом писателей России, Крымским и Севастопольским региональными отделениями Союза писателей России, Белорусским литературным союзом «Полоцкая ветвь», Литературным институтом им. А. М. Горького, Содружеством выпускников Литературного института им. А. М. Горького, литературными газетами: «Литературная газета» (Москва), «Российский писатель» (Москва), литературным альманахом «ЛитЭра» (Москва).

Это большое событие в области литературы и культуры, объединяющее литераторов всего мира, пишущих на русском языке. Для молодых начинающих писателей это прекрасная возможность заявить о себе, для состоявшихся литераторов – отличная площадка для встреч, обмена опытом и творческими планами, возможность рассказать о новых изданных книгах, написанных песнях, осуществленных проектах и просто для общения людей, неотъемлемой частью жизни которых стала литература.

Традиционно фестиваль проходит на двух площадках: в республике Крым летом и в Праге (Чехия) осенью. Однако в этом году фестиваль проходил в офф- и онлайн-режиме и участники могли общаться при помощи программы видеоконференций Zoom, в Facebook, а также на канале YouTube. Благодаря блестящей организации участники фестиваля смогли читать свои произведения, обмениваться творческими достижениями и планами. В прямом эфире прозвучали песни в авторском исполнении, стихи, проза.

Сегодня мы беседуем с бессменным руководителем и организатором фестиваля «Славянские традиции» музыкантом и писателем заслуженной артисткой России Ириной Сергеевной Силецкой.

МБ: *Ирина Сергеевна, большое спасибо, что согласились рассказать о фестивале нашим читателям. И первый вопрос: когда впервые появилась идея организации такого масштабного мероприятия и кто был инициатором?*

ИС: *Идея организации фестиваля, его названия и места проведения принадлежат мне. В 2008 году я предложила эту идею для совместной реализации Юрию Каплану (1932–2009), известному поэту-шестидесятнику, и начала собирать произведения конкурсантов. За несколько месяцев до начала фестиваля Юрий Каплан («Четвертый Председатель земного шара» – звание в давней поэтической игре, которую начал Сергей Есенин) трагически погиб, не оставив ни одного контакта украинских писателей. Но благодаря его секретарю Марату мне*

удалось их разыскать, а это были члены Конгресса литераторов Украины: Владимир Спектор, Людмила Некрасовская, Сергей Главацкий, Александр Корж, Валерий Басыров. Они и стали членами жюри с украинской стороны. С российской стороны я пригласила известнейших писателей России и преподавателей Литературного института: Юрия Полякова, Евгения Рейна, Владимира Кострова, Сергея Казначеева. Идею поддержал председатель Союза писателей России Валерий Ганичев, Литинститут, «Литературная газета», «Радио России» и многие другие. С 2012 года фестиваль проводится также в Праге (Чехия). Таким образом, с 2009 года прошли двенадцать фестивалей в Крыму и восемь в Чехии. За эти годы в жюри и в гостях у фестиваля побывало множество известнейших писателей: Владимир Костров, Евгений Пейн, Юрий Поляков, Кирилл Ковальджи, Сергей Чупринин, Тимур Кибиров, Алексей Антонов, Бахытжан Канапьянов, Владимир Шемшученко, Станислав Айдинян, Константин Кедров, Елена Кацюба, Вадим Салеев, Наталья Гранцева, Евгений Чигрин и многие другие.

Крым, сентябрь 2009 г.

Фестиваль «Славянские традиции». Фотохроники

МБ: Были ли трудности с проведением первого фестиваля? Ведь, как говорится, первый блин комом. И как много «комьев» случилось за эти годы?

ИС: Конечно, трудности были, было потрачено много усилий и нервов, но и первый фестиваль прошел блестяще, служба в ВС РФ научила меня правильно организовывать процесс, и мне всегда нравилось создавать что-то новое. Если меняется программа по каким-то причинам, я тут же заменяю мероприятие новым, главное – не впадать в панику, так как несешь ответственность за приехавших писателей. Из вечных трудностей – всего одна: отсутствие финансовой поддержки со стороны государства, если бы хоть в чем-то помогали, мы бы сделали в разы больше, нереализованных идей множество.

МБ: Какой из двадцати фестивалей запомнился вам больше всего и почему?

Фестиваль «Славянские традиции», Крым. Фотохроники

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

ИС: Из Крымских, я думаю, назову лучше события, а не фестивали. Это участие в фестивалях наших классиков Владимира Кострова, Евгения Рейна, Юрия Полякова, их незабываемые мастер-классы, совместная поездка в Севастополь, открытие в рамках нашего фестиваля памятных досок Марине и Анастасии Цветаевым работы скульптора Степана Мокроусова на стене музея их имени в Феодосии, первые поэтические теннисные и шахматные турниры, «Поэтри-Слэмы», литературные чтения над скифскими курганами

Юрий Поляков. Крым, 2009 г.

3–4 тысячелетий до н. э., посещение литературных музеев А. Грина, сестер Цветаевых в Феодосии, мемориала Аджимушкой под Керчью, музеев А. Грина и К. Паустовского в поселке Старый Крым, музея М. Волошина в Коктебеле. Из Пражских фестивалей: выступления в Славянской библиотеке – Национальной библиотеке Чешской республики, Доме национальных меньшинств, поездки во Вшеноры, где жила Марина Цветаева, и посещение ее музея, в Карловы Вары и Дрезден, совместные вечера с всечешским фестивалем «День поэзии».

МБ: *Ирина Сергеевна, расскажите, пожалуйста, как фестиваль проходит. Это важно для тех наших читателей, которые пока не участвовали в фестивале, но планируют это сделать.*

ИС: Фестивалю всегда предшествует литературный конкурс в 7-9 номинациях, приглашаются финалисты фестиваля, которые соревнуются в конкурсах зрительских симпатий, «Поэтри-Слэме», конкурсе поющих поэтов, а также в шахматном и теннисном поэтических турнирах. Для проведения фестиваля администрация г. Щелкино предоставляет нам ДК «Арабат» на 500 мест с современной звуковой и киноаппаратурой. На фестивале презентуются новые книги участников, альманахи, журналы, коллективные поэтические и прозаические сборники, новые проекты. Проходят концерты и спектакли, презентации клипов и спектаклей. Кроме этого, проводится интереснейшая культурная программа: литературные поездки и встречи с читателями в литературных музеях Феодосии, Керчи, Севастополя, поселков Старый Крым, Коктебель, пешеходные туры по мысу Казантип, к скифским курганам в России, поездки в

Владимир Костров. Крым, 2010 г.

Хроники фестиваля. Август 2015 г.

Карловы Вары и Вшеноры в Чехии. А вечерами проходят мастер-классы по поэзии и прозе.

МБ: *Каждый фестиваль – это большая и серьезная работа, которая начинается задолго до официального открытия, это прежде всего создание жюри, определение номинаций, это огромное количество работ, которые приходят от авторов буквально со всей планеты, это фестивальные мероприятия в Крыму и Праге, включающие и расселение гостей, и экскурсии, и другие организационные вопросы, связанные с подготовкой столь масштабного события. Безусловно, все это отнимает много сил и времени. Никогда не возникало желания все бросить?*

ИС: В минуты усталости такое желание возникало. Если бы нашлась молодая команда, которой это интересно, я бы передала все в их руки и была бы каким-то почетным руководителем, советовала бы и направляла, так как эта работа, конечно же, в ущерб собственному творчеству. Я бы больше могла написать. Но пока таких нет, все делаю я. Пока есть силы и мне нравится, я это буду делать.

МБ: *Как ваша семья относится к тому, что вы тратите так много времени на фестивальные мероприятия, когда можно было больше общаться с детьми, внуками? Не ревнуют вас к фестивалю?*

ИС: Нет, не ревнуют, думаю, уважают эту мою работу и гордятся мной.

МБ: *А были в истории фестиваля происшествия, о которых не хочется вспоминать?*

ИС: Да, за столько лет были и приятные, и смешные, и неприятные происшествия, о которых обычно на посиделках рассказывают актеры, ведь у нас практически те же гастроли. Так что есть что вспомнить, что-то со смехом и радостью, что-то с грустью. К сожалению, за столько лет некоторые наши друзья и участники фестиваля покинули наш мир.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

МБ: *Теперь поговорим о юбилейном XX фестивале, который во всех отношениях оказался особенным. И, наверное, самым трудным. Когда стало понятно, что встретиться ни в Крыму, ни в Праге не получится, вы приняли решение провести фестиваль в интернете. Как далось вам это решение?*

ИС: Восемь предыдущих фестивалей прошло в Праге и двенадцать – в Крыму на мысе Казантип в г. Щелкино. С 1 февраля начался литературный конкурс, который завершился 11 июня. Члены жюри фестиваля – известные писатели России и Беларуси, редакторы известных толстых журналов определили лонг- и шорт-листы конкурса, которых и ждали на фестиваль. Но в середине июля стало ясно, что эпидемическая обстановка в стране не позволяет провести очный фестиваль, на который собирается обычно 120-140 человек, так как наш фестиваль является одним из крупнейших на территории бывшего Советского Союза. Тогда я решила провести его онлайн и оффлайн. Часть участников фестиваля и членов жюри уже взяли билеты в Крым и решили свою поездку не отменять. В результате на момент открытия фестиваля в Крыму оказалось двадцать участников, включая крымских. К остальным же я обратилась с просьбой прислать видео своих конкурсных произведений по номинациям, которых в этом году было девять: «Стихотворение общей тематики», «Стихотворение о Великой Отечественной войне», «Стихотворение о любви», «Сонет», «Литературный перевод», «Стихотворение о Чехии», «Малая проза», «Малая проза о Чехии», «Драматургия». Собранные видео я комплектовала по номинациям и отсылала Сергею Леонтьеву, нашему давнему другу и победителю фестиваля, который их монтировал в фильмы по дням, согласно разработанному мной плану мероприятий фестиваля. Месяц сложной работы принес плоды: у нас были фильмы для каждого дня фестиваля, в которых собраны конкурсные произведения финалистов по номинациям, завершающиеся концертами поющих поэтов. Таким образом, мы полностью компенсировали очную программу конкурсов по номинациям и конкурса поющих поэтов.

Хроники фестиваля. Август 2015 г.

МБ: *Какие интернет-платформы вы использовали для проведения фестиваля?*

ИС: Для общения, литературных чтений, презентаций новых книг, альманахов, журналов, проектов, проведения мастер-классов по поэзии и прозе я решила использовать программу *Zoom*, чем тоже были заменены очные выступления и мастер-классы, проходившие всегда на фестивале. Алина Серегина, участник нашего фестиваля, сделала красочные афиши на все дни фестиваля, я смонтировала видеоролик из наиболее ярких фестивальных фотографий. Теперь осталось правильно использовать новые виртуальные технологии. Свою страницу в *Facebook* я использовала как информационную, а также, по предложению Сергея Леонтьева, для проведения совместных просмотров фильмов с конкурсными произведениями и концертами. Все семь фестивальных фильмов я предварительно выгрузила на свою страницу в *Facebook* и на свой канал в *YouTube*, где заранее запланировала премьеры фильмов в 19.00 на каждый день фестиваля.

МБ: *Как проходил фестиваль?*

ИС: Наш фестиваль проходил так: мы встречались в программе *Zoom* в 16.00 и до 19.00 общались, читали произведения, презентовали книги согласно программе. С 19.00 до 21.00 проходил совместный просмотр на моей странице в *Facebook*, где участники фестиваля комментировали все выступления, «лайкали» и поддерживали выступающих. Одновременно в программе *YouTube* проходила премьера этого же фильма, где также можно было комментировать происходящее. Каждый выбирал, в какой программе ему удобнее было фильмы смотреть. С 21.00 и до 23.30 опять все возвращались в *Zoom*, где проходили мастер-классы по поэзии (вел Владимир Шемшученко) и прозе (вела Наталья Гранцева). Причем часть участников присутствовала на них очно в Крыму, где и присутствовали оба мастера, а часть виртуально в программе. И так происходило все семь дней фестиваля. Все наши дневные и вечерние *Zoom*-конференции записывались, и я их ежедневно выкладывала на свой канал *YouTube*, в программах *Facebook*, *Twitter*, *Instagram*, *ВКонтакте*, *Одноклассники*, в своем блоге, так что после фестиваля все участники вновь смогут просмотреть все наши встречи, фильмы и опять погрузиться в удивительно дружескую и творческую атмосферу фестиваля. Это о комплексной технологии проведения фестиваля, подобной которой я нигде не видела и о ней не читала, думаю, что я в этом оказалась первопроходцем.

МБ: *Много ли участников была на юбилейном фестивале?*

ИС: По моим подсчетам, в фестивале приняло участие более 110 человек из России, Беларуси, Украины, Германии, Чехии, Швейцарии, США и Израиля. Почетным председателем жюри у нас был Костров Владимир Андреевич, а членами жюри: Айдинян Станислав Артурович, Вареник Наталья Владимировна, Воронина Татьяна Андреевна, Гранцева Наталья Анатольевна, Кедров Константин Александрович, Ольшанский Александр Андреевич, Петров Виктор Сергеевич, Раткевич Александр Михайлович, Салеев Вадим Алексеевич, Силецкая Ирина Сергеевна, Сухов Валерий Николаевич, Шемшученко Владимир Иванович. Кто они – легко найти в интернете.

МБ: *Несмотря на то что фестиваль в этом году проходил на интернет площадках, было много мероприятий и программа оказалась насыщенной и очень интересной. Расскажите поподробнее о том, что увидели зрители фестиваля, с чем ознакомились.*

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

ИС: На фестивале с успехом прошли презентации новых книг: сборника стихотворений «Сад иллюзий» Ирины Силецкой; итогового сборника двух прошлогодних фестивалей – литературного альманаха «ЛитЭра» № 14, которые показали на экране компьютеров и рассказали о них директор издательства «Стеклограф» Дана Курская и ее заместитель, известный литературный критик, Данила Давыдов, романов «Инопланетяне» и «Пятое человечество» дилогии «Пятое человечество» Александра Ольшанского, книги «Хроники изоот-ленного времени (поэзия эпохи самоизоляции)», изданной Московским союзом литераторов, книги «Покатилось жизни колесо» Ирины Соляной, журнала «Балтика», альманахов «Эхо» и «Русский Гофман», книги «День двадцать восьмой» Ольги Борисовой, литературных альманахов «Параллели», «Крылья», сборника стихотворений «Лучше чем тишина звучат...» Брониславы Волковой, книг «Твердь» и «Окуляр» Виктора Петрова, нового номера журнала «Дон», книги «Реплики черной кошки» Татьяны Жихаревой, сборника ЛИТО «Точки» – «Точки узнавания», литературной лаборатории «Красная строка», книги «Красная косынка» Нины Кроминой, «Многогранность притяжения» Николая Калтыгина, книги «Светотени» Марины Поляковой, книги «Я не легенда, я – миф» Галины Кукиной о жизни и творчестве известного барда Юрия Кукина. Все книги были продемонстрированы на экране компьютера. На нашем он- и оффлайн фестивале состоялись концерты поющих поэтов: заслуженной артистки России Ирины Силецкой, авторов-исполнителей Владимира Шемшученко, Владимира Грачева, Любви Сердечной, Сергея Никифорова, Юрия Кукина, Инги Макаровой, Валентины Магер, Людмилы Чеботаревой, дуэта «Остров» (Алина Серегина и Сергей Леонтьев). На мастер-классах были обсуждены произведения участников фестиваля, которые были готовы заниматься до глубокой ночи. Как видите, программа фестиваля была очень насыщенной и полностью реализовала обычную очную форму фестиваля, кроме, конечно, литературных поездок. Писатели, занявшие первые места во всех номинациях и не имеющие еще нижеперечисленных премий, были заочно награждены литературными премиями «Славянские традиции» и «Пражская муза». Осталось разослать всем дипломы, что я и сделаю в ближайшее время. На нашей последней Zoom-встрече мы тепло попрощались до следующего года или до следующего, осеннего фестиваля «Славянские традиции» в Праге.

МБ: *Ирина Сергеевна, в городе Щелкино есть музей фестиваля «Славянские традиции». Расскажите подробнее о музее и его экспонатах.*

ИС: В 2019 году мной был создан литературно-художественный музей фестиваля «Славянские традиции», в котором собраны книги членов жюри, гостей и участников фестиваля за все годы, диски, журналы, альманахи, коллективные сборники, сувениры участников фестиваля из разных уголков земного шара, картины. А самые главные экспонаты музея – авторучка Анастасии Ивановны Цветаевой, ее автографы, любезно подаренные музею Станиславом Айдиняном – ученым секретарем Анастасии Цветаевой, известным литературным критиком и искусствоведом. С 2018 года на фестивале проходит биеннале, в котором участвуют художники, рекомендованные Станиславом Айдиняном, и во время которого презентуются и дарятся музею их новые картины.

МБ: *Ирина Сергеевна, большое спасибо за интервью. И последний вопрос: каким бы вы видите фестиваль в следующем году?*

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

ИС: Очень надеюсь в будущем году увидеть наши оба фестиваля очными, контактными, чтобы со всеми обняться, увидеть вблизи глаза и лица своих друзей и, взявшись за руки, поплыть по фестивальным литературным волнам.

Редакция «Московского BAZARa» благодарит Ирину Сергеевну Силецкую за интересное интервью и предоставленные фотоматериалы и желает фестивалю «Славянские традиции» процветания и долгих и прекрасных творческих лет жизни!

Победители XX юбилейного фестиваля «Славянские традиции»

Номинация «Поэзия, свободная тематика»

1. Савостьянов Валерий Николаевич (Россия, Тула)
2. Полякова Марина Владимировна (Россия, Крым, Симферополь)
3. Левина Виктория Яновна (Израиль, Rishon Lezion)

Номинация «Стихотворение о любви»

1. Вересницкий Андрей (Беларусь, Прибор Гомельской обл.)
2. Дедлова Нина (Маркова Нина Андреевна) (Беларусь, Гомель)
3. Калтыгин Николай Николаевич (Филин) (Россия, Липецк)

Номинация «Стихотворение о Великой Отечественной войне»

1. Петрушенко Владимир Дмитриевич (Украина, Рубежное Луганской обл.)
2. Савостьянов Валерий Николаевич (Россия, Тула)
3. Сухов Валерий Алексеевич (Россия, с. Архангельское Пензенской обл.)

Номинация «Литературный перевод»

1. Ческидова Татьяна Владимировна (Россия, Троицк Челябинской обл.)
2. Чеботарева Людмила Львовна (Израиль, Ноф-ха-Галиль)
3. Стеценко Галина Георгиевна (Россия, Москва)

Номинация «Малая проза»

1. Пономарев Александр Анатольевич (Россия, Липецк)
2. Муленко Александр Иванович (Россия, Новотроицк Оренбургской обл.)
3. Полякова Марина Владимировна (Россия, Крым, Симферополь)
4. Сударикова Светлана Сергеевна (Австрия, Баден)
5. Шахлевич Татьяна Николаевна (Россия, Крым, Абрикосовка Кировского района)

Номинация «Драматургия»

1. Кромина Нина Александровна (Россия, Москва)
2. Морозов Александр Иванович (Беларусь, Филипаны)

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

3. Вадюхина Елена Юрьевна (Россия, Москва)
4. Юли Ан (США, Valley Village)

Номинация «Стихотворение о Чехии и Праге»

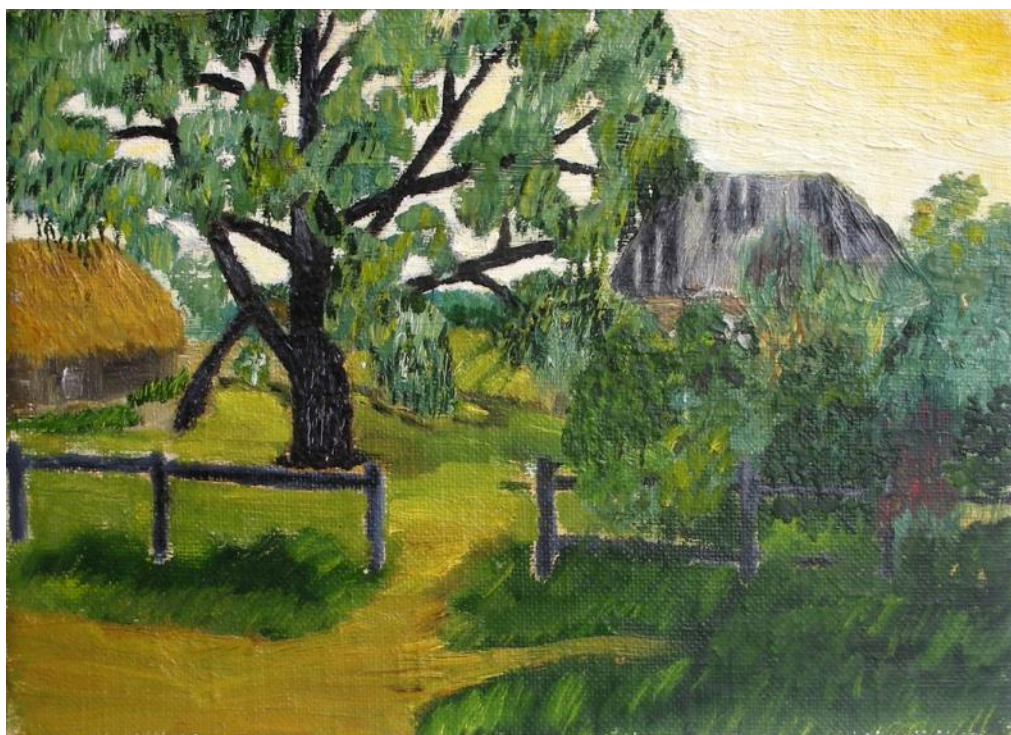
1. Творина Антонина Геннадиевна (Украина, Славянск Донецкой обл.)
2. Чеботарева Людмила Львовна (Израиль, Ноф-ха-Галиль)
3. Савостьянов Валерий Николаевич (Россия, Тула)

Номинация «Малая проза о Чехии и Праге»

1. Беспалова Ирина (Чехия, Прага)
2. Воляев Александр Вячеславович («Сандер`S»)(Россия, Москва)
3. Борисова Ольга Михайловна (Россия, Самара)
4. Садонцева Нина Евгеньевна (Германия, Берлин)
5. Бакланова Лилия Дмитриевна (Leela) (Россия, Москва)

Номинация «Сонет»

1. Коршунова Ольга Валериановна (Россия, Заречный Пензенской обл.)
2. Коляка Ирина Васильевна (Россия, Крым, Щелкино)
3. Оленина Лариса (Позднякова Ляля Леонидовна) (Россия, Воронеж)

К. Галеева. Дом под соломенной крышей (из цикла «Липовка»).
Вторая половина 1990-х гг. Холст на картоне, масло

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Анатолий Хребтюгов
(Любимов)

СКОРОГОВОРКИ

1. (к)

Кукушка крикнула «ку-ку»,
А петушок «ку-ку-ре-ку»,
«Ко-ко» – сказала кротко клуша,
И громко каркнула каркуша.
Им квакша квакнула в ответ:
– Какой ква-нцерт, какой ква-ртет!

2. (д)

Дудочки сделал двоюродный дядя
Дугина Дани и Дудиной Нади,
Даня и Надя у дома сидели,
В дивные дудочки долго дудели.

3. (ж)

Вдруг над Женей зажужжало
Что-то жёлтое и с жалом.
Не желает Женя ждать,
Лучше живо убежать.

4. (б-з)

Раз зебры к зубру забежали
И вразной ему заржали,
Что у берёзы, где забор,
Объявлен зубрам общий сбор.

5. (к-ц)

Цыплёнок цокал на крыльце
О Цокотухе и це-це,
Не оценил его отец:
– Ты куце цокаешь, малец!

6. (к-ш)

Глашу с Дашей Кеша слушал
И при этом кашу кушал
Из кормушки на окошке,
Крошенину и окрошку.

7. (б-р)

Бобр с бобрихой и бобрята,
Работящие три брата,
С кабаном и барсуком
Разгребали бурелом.

8. (б-т)

У тебя берет и тюбик
И тебя наш Тобик любит,
Есть у Тобика работа –
Он тебе подносит боты!

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

9. (б-ч)

У чабана необычный бычок –
Любит он бочку бодать и бачок,
Взбучку задаст он и бедной рыбачке,
И богачу, и беспечной собачке.

10. (б-ш)

Большой бесшабашный барашек
Бесстрашен и шибко богат –
Имеет шесть брошек, шесть бляшек,
И шубу, и даже бушлат.

11. (в-р)

Во вторник вечером, второго,
Варан, ворона и корова
Пришли к вьюркам на randevu
И с корнем вырвали траву.

12. (в-ч)

В чулане вечером вечерницы встречались,
О всякой всячине и бабочках мечтали
И два часа о чём-то совещались,
А в шесть часов в ночное вылетали.

13. (в-ш)

Вышивает ваш малыш –
Вот он вышил шишку, мышь,
А повыше вишню вышил.
Хорошо всё очень вышло!

14. (г-д)

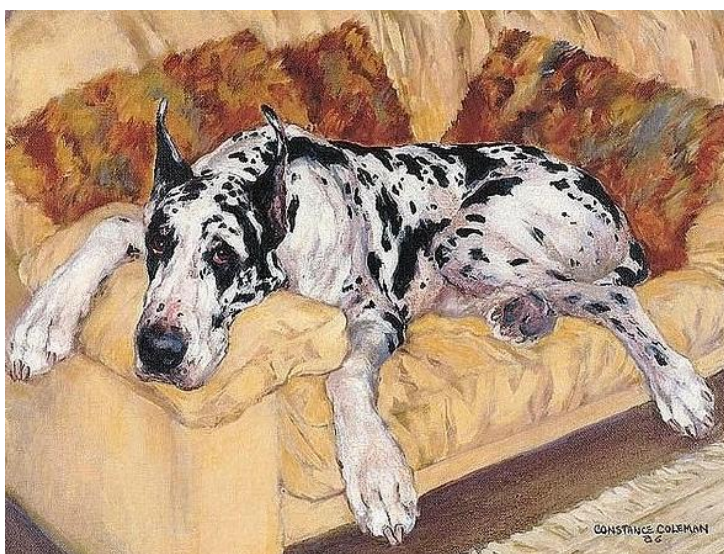
Да, годовалый пегий дог
Догнать гепардов бы не смог,
Не надо даже и гадать –
Ему и гончих не догнать!

15. (г-з)

Заметил гвоздике загадочный груздь:
– Я грузы по грязи возить не берусь!
А та разговор поддержала: – Гляди-ка,
Гвоздей не везу я, хотя и гвоздика!

16. (г-р)

Говорила горшку кочерга:
– Не страшны нам ни град, ни пурга,
Ни угрозы морозов и вьюг,
Печь всегда нас согреет, мой друг!

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

17. (д-ж)

При дожде я не дрожу,
Я с дождинками дружу,
Даже Джека каждый день
При дожде мне ждать не лень.

18. (г-с)

В гости гусь гусыню пригласил,
Густерой и сёмгой угостил,
Спел гнусаво, горестно и грустно
И сыграл ей с гордостью на гусях.

19. (г-х)

Глухарь задумал грохотать,
А горихвостка громыхать.
Завял от грохота горох,
На грех, и сам глухарь оглох.

20. (ж-м)

Между прочим, Женя Жданов
Мой дружок, и он не жмот –
Подарил он мне пижаму,
Ведь ему пижама жмёт.

**К. Галеева. Первый снег Нового года.
2011. Холст, масло**

**К. Галеева. Дубы Лианозовского парка.
2015 г. Холст, акрил**

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Виктор Плешаков (Ёж)
(Щелково, Московская обл.)

Скрипач

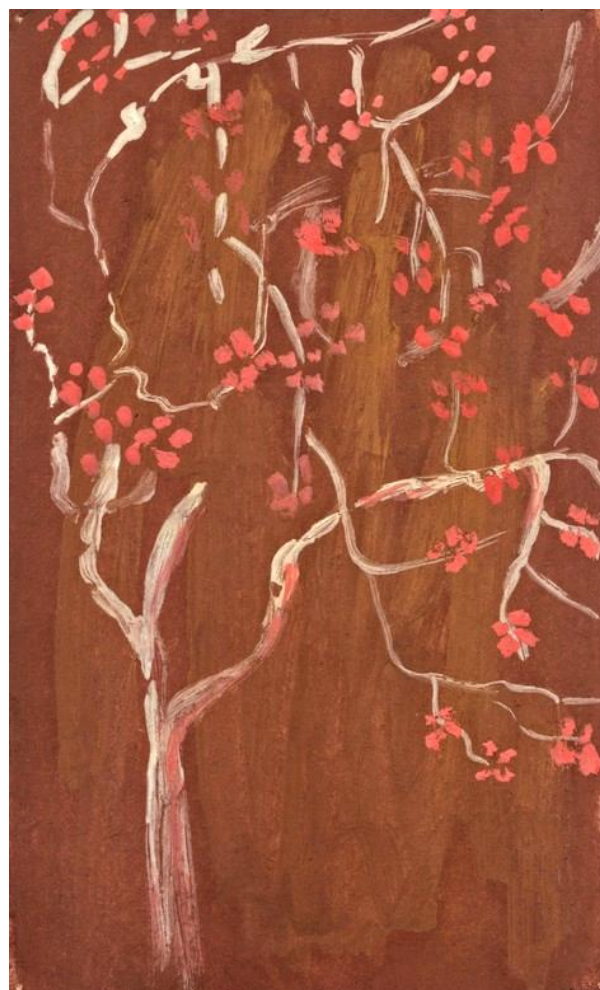
Когда зритель-старичок,
Кряхтя, зажгёт на небе свечки,
Седой и сгорбленный сверчок
Шагнул смущённо из-за печки.
Представил: здесь – притихший зал,
А он опять на сцене старой...
И скрипку бережно достал
Из потемневшего футляра.
Одёрнул куцый пиджачок,
И объявил с полупоклоном:
«Маэстро Маленький Сверчок!
Кумир когдатошных салонов!»
Но лишь смычок коснулся струн
И ожила, запела скрипка,
Он снова строен стал и юн –
Скрипач с мальчишеской улыбкой.
Вплелась мелодия души
В полночный свет и... посмотрите:
Уже торопится, спешит
На музыканта славный зритель.
Летит, покинув антресоль,
Сжимая вышитый платочек,
Ценитель муз – мадам Де Моль
Со свитой нянек, внучек, дочек.
Под башмачков нестройный стук

Бегут толпой из-под дивана
Послушать классику семь штук
Мастеровитых тараканов.
Уселись зрители в кружок,
Вдыхая скрипки звуки-грёзы.
Де Моль терзает свой платок,
И вытирает молча слёзы.
Вилась мелодия как нить,
Соединяя с небесами.
И тараканы шевелить
Забыли длинными усами.
Сумел и ночь околдовать
Сверчок-скрипач смешной и робкий.
Но тут вдруг...

Скрипнула кровать,
И зашуршали грозно шлёпки.
Как солнце вспыхнул потолок
Сияньем жалящим, зловещим.
И меломаны наутёк
Рванули прочь, теряя вещи.
Забились в щели и... молчок...
Лишь на полу, как многоточье,
Лежат футлярчик, башмачок
И мокрый скомканный платочек.

Паучок Тимошка

Третьи сутки напролёт
 Сидя у окошка,
 Сеть ажурную плетёт
 Паучок Тимошка.
 Забывает есть и пить,
 Не теряет хватки.
 Вьётся тоненькая нить,
 И мелькают лапки.
 Смотрит бегло на часы,
 Головой кивает,
 Улыбается в усы,
 Тихо напевает:
 – Мне бы к вечеру успеть
 Заплести оконце!
 Я поймаю в эту сеть
 Золотое солнце.
 Капну вязкий клей на нить,
 Чтоб прилипло прочно.
 Станет солнышко светить
 Всем и днём и ночью.
 Будут люди наконец
 Хлопать мне в ладошки:
 «Ах, какой же молодец
 Паучок Тимошка!!!!!»

*К. Галеева. Цветение.
 У Вити Николаева. 1976 г.*

Топ и Топотушка

Пусть завидует народ –
 Все друзья, подружки,
 Отправляются в поход
 Топ и Топотушка.
 Папа занят, чинит дрель,
 Мама варит что-то –
 Им за тридевять земель
 Топать неохота.
 Не беда! Одни пойдут,
 Коли нет запрета.
 Топ продумал весь маршрут
 Аж до края света.
 В путь-дорогу сорванцы
 Взяли зонт и сушку.
 Вот какие молодцы

Топ и Топотушка!
 Вьётся тропочка змейей
 Через луг до леса.
 Кто-то в небе над землёй
 Облака развесил.
 Позади родимый дом,
 Впереди – опушка,
 Хорошо идти вдвоём
 Топу с Топотушкой.
 Ждут их много-много стран,
 Радуги и зори.
 – А за лесом океан?
 – Что ты?! Круче! Море!
 – Ой, я сушку сберегу
 Для морской лягушки.

Пусть поест на берегу
Дар от Топотушки.
– Ну а я построю плот
И раскрою зонтик.
Он, как парус, донесёт
Нас до горизонта.
Вместе весело идти.
Вот уже опушка.
Прошагали полпути
Топ и Топотушка.
Вдруг в кустах сказало: «Щёлк!»
Очень грозно, знамо.
Крикнул Топ:
– Там серый волк!
Топотушка:
– Мама!
И пустились наутёк
Прочь от злой ловушки.
Ждал в засаде серый волк

Топа с Топотушкой.
Рр-р-р-раз! Сумели пролететь
Луг за две минутки.
Волк в лесу или медведь –
Это вам не шутки.
Отдышались у ворот,
Разделили сушку.
– Очень страшный был поход,
Правда, Топотушка?
Ну а позже... перед сном...
Топ шепнул, зевая:
– Завтра в Африку пойдём.
Я дорогу знаю.

Лунных лучиков-зайчат
Стайки на подушках.
Путешественники спят –
Топ и Топотушка.

К. Галеева. Зимний закат. 2001 г. Холст на картоне, масло

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Зинаида Кокорина

(МОССАЛИТ, Королёв)

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

Очень поздно в этот раз
Засиделся пятый класс:
Интересный был урок –
Все забыли про звонок.
Плохо разве помечтать,
Кем хотел бы каждый стать?
Без подсказок пап и мам
Кто-то выбор сделал сам.
Первой руку Света тянет.
Как и мама, Света станет
Балериной, ясно всем,
А иначе бы зачем
Вот уже почти пять лет
Ходит Света на балет?!
Робко высказался Витя:
– Мама у меня кондитер.
Ох, признаюсь вам, друзья,
Вкусная профессия!
Пахнет мама даже дома
Тестом, ванилином, ромом...
А когда мы ждём гостей,
В доме столько сладостей!
Много сдобы всевозможной,
Кексов, булочек, пирожных...
Приготовить мама может;
И меня научит тоже.

А потом поднялся Гена,
Головой тряхнул упрямо:
– Я хотел бы стать военным,
Как мой папа, капитаном!

Нет, конечно, не в пехоте –
Эта служба на земле.
Представляете, в Морфлоте,
На военном корабле!
Я готовлюсь, закаляюсь,
По режиму сплю и ем...
Скоро, если постараюсь,
Стану я нахимовцем!

Гитаристом будет Саша;
Говорят, что он талант!
Потому что в школе нашей,
Саша – лучший музыкант.

Вика, Игорёк и Ната
Любят белые халаты
И считают, что уколы
Нужно делать детям в школе.
А нужны прививки эти,
Чтобы не болели дети,
Потому что все хотят
Видеть крепкими ребят!
Вика будет фармацевтом,
А Наташа – терапевтом.
Игорёк пока не знает
Кем он будет, но считает:
Психиатр, стоматолог,
Ларинголог, офтальмолог...
В медицине все важны,
Потому, что все нужны!

Удивил ребят Серёжа:
 – Я лечить мечтаю тоже,
 Только, вовсе не людей,
 А животных и зверей.
 Мы совсем недавно с папой
 Подлечили кошке лапу.
 Как она её сломала?
 Может, с лестницы упала.
 Я её кормлю, купаю,
 А она всё понимает:
 Мне под руку носом тычет
 И мурлычет... и мурлычет!
 Я животных обожаю
 И кем буду, точно знаю.
 Вам свою открою тайну:
 Я ветеринаром стану!

Тут Андрюша пошутил,
 Чем ребят развеселил:
 – Классу пятому – ура!
 Все у нас есть доктора!
 Только я, хоть и не трус,
 Доверяться вам боюсь.
 У меня мечта другая:
 Стать крановщиком хочу.
 Я, ребята, представляю,
 Как над стройками лечу!
 Высоко под небом синим,
 Снизу маленький такой,
 Я сижу в своей кабине
 И команду стрелой:

«Вира!» – ввысь стрела взлетает,
 «Майна!» – груз у ваших ног...
 Быстро стройка вырастает,
 Потому, что кран помог.

Что будет машинистом,
 Давно мечтает Дима:
 Ему ночами снится
 Большой электровоз.
 По рельсам в нём он мчится,
 В простор необозримый...
 И ветер рвёт со свистом
 В оконце прядь волос!

Время близится к обеду,
 Всем домой идти пора,
 Но душевную беседу
 Продолжает детвора.
 Им почти уже двенадцать –
 От друзей секретов нет.
 Почему б не раз мечтаться
 Стать взрослей на много лет?
 На вопросах и ответах
 Деловой родился спор.
 И сложился незаметно
 Увлечённый разговор.
 Кто-то, может быть, серьёзно
 Пользу для себя извлёк...
 И не рано, и не поздно,
 Получить такой урок.

К. Галеева. Светлый берег на Волге. 1985 г.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Светлана Макаренко
(Семипалатинск)

ШОКОЛАДНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Сказка

1

Солнышко осторожно выползло из-под розовой тучки-пуховика, чтобы протереть кулачками-лучиками глаза и разбудить сонно притихший в теплом июньском молочном тумане лес.

Полянку, на которой стоял крохотный домик из белых озерных ракушек, с крышей из мягкого темно-зеленого мха, засоня-солнышко осветило-согрело в первую очередь. Оно ведь знало, что там живет гном, который любит рано вставать, чтобы успеть умыться тюльпановой росой и полить свой крохотный сад теплой туманной водой из озера. Гномику всегда казалось, что цветы от этой воды лучше растут, а бутоны роз и тюльпанов дольше хранят свой волшебный аромат и чудесный цвет. И еще из такого вот лепестка получилось бы чудесное новое цветочное одеяло. Старое-то уже не залатать, увы!

Из-за дырочек в одеяле сказочному крохе-садовнику было очень холодно этой ночью, он ворочался и ворчал, но под утро все-таки заснул крепко и солнышко долго и усердно щекотало ему нос, чтобы разбудить.

Гном проснулся от собственного громкого «аа-ап-чхи!» и сел в своей крошечной кроватке из орехового дерева с четырьмя подушками и перинкою из воробьиного пуха. Он протер ладошками глаза и весело пошевелил пальцем правой ножки сквозь дырочку в одеяле. Зарядка для ног. Раз-два! Вот озорник гном! Солнышко засмеялось и решило пригреть палец-спортсмен посильнее и тотчас коснулось его своим лучом. Тихо и осторожно. Солнышко очень любило гнома.

Но гномик охнул и попытался вытащить пальчик из дырочки. С него вмиг слетел весь сон. Ему так не хотелось обжечься и получить волдырь, из-за которого на ногу потом недели две не налезет нарядный башмачок с разноцветной пряжкой! Гному ведь каждый день нужно поливать цветы и ухаживать за садом. Нельзя же все это делать босиком!

Гном погрозил солнышку в окно и снова попытался вытащить из дырочки большой палец. Ему это удалось, но лепесток-одеяло затрещало и разорвалось окончательно, а вместо крохотной дырочки образовалась на нем теперь огромная-преогромная (для гномика, конечно) дырка. Хлопотно начинался день. Сегодня гному и так нужно было сделать очень много дел: убрать в домике, позавтракать, полить сад, покормить птиц с ивового куста, что

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

рос у озера, набрать для захворавшей белки малиновых ягод, приготовить ореховый рулет к обеду. А теперь вот и еще забота прибавилась ему – сшить новое одело!

– Хоть бы не было дождика, чтобы не намокли тюльпанные и розовые лепестки, а то я не смогу сорвать их и унести! – вздохнул гномик и, огорченно пыхтя, встал с кровати.

Он был совсем-совсем волшебный настоящий, маленький гном: в розовой пижаме, румяный, упитанный, с озорными глазами василькового цвета. Глаза у него были очень большие для гнома. И очень добрые. Всегда. Но сейчас они как-то погрустнели от огорчения. Гном осторожно раздвинул белую, в тонких палевых прожилках штору из розовых лепестков, распахнул окно и тихо пожаловался солнышку:

– У меня совсем разорвалось одеяло! Ночью было так холодно спать! Здорово все-таки, милое солнышко, что ты встаешь еще раньше меня! Ты меня согрело! Я думал уже, что заболелю от холода, а мне сейчас никак нельзя болеть: кто же поможет белке? У нее ангина!

Говорил же я ей: не пей холодную воду из родника, что впадает в озеро, нельзя! Не послушалась, озорница! Теперь вот – болеет. Ты мне поможешь ее вылечить?

Солнце ничего не ответило гному, только легонько погладило его по голове. Гном понял, что оно согласно помочь, и настроение стало сразу таким хорошим, что он запел песенку, бодрящую, веселую, какую всегда пел по утрам, готовя завтрак и кипятя на огне красивый белый фарфоровый кофейник в розовый горошек. Утренняя грусть гномика испарилась без следа в жарких лучах июньского солнца.

2

Для завтрака у гнома было припасено в ящике буфета замечательное лакомство: целое фарфоровое блюдо кукурузных палочек в сахаре и плитка молочного шоколада с орехами. Гном купил ее вчера в сахарной коробочке-магазине у доброй феи-мотылька. Шоколадка была, разумеется, совсем крохотной для человека, но гному-то хватило бы на целую неделю вкуснейших шоколадных завтраков и обедов!

Мечтая о том, как долго – целую неделю! – он будет есть вкусный шоколад, запивая его теплым кофе с молоком и заедая хрустящими кукурузными палочками, гном проворно поставил на стол с белоснежной скатертью с вышитыми по краешкам ягодами земляники крохотную чашечку, блюдо, горшочек молока, ложки, салфетки и подставку для горячего и шипящего кофейника. Он нес его к столу очень осторожно, чтобы не обжечься. Он был очень аккуратен, маленький гном, и он никогда ничего не забывал. Никогда. Но сегодня утром.... Он развернул обертку на шоколадной плитке, отломил кусочек и мгновенно забыл все, о чем думал и тревожился до этого! Еще бы! Из кусочка шоколада, который гномик собирался отправить в рот и запить кофе, выполз... Кто бы вы думали?.. Крохотный бело-коричневый червячок! Вот так-то! Гном ахнул и всплеснул руками:

– Ты как сюда попал?! Что ты делаешь в моей шоколадке?! – потрясенно прошептал он.

– Как – что? – пропищал червячок. Ему казалось, он пищит уверенно и важно, но на самом деле выходило тоненько-тоненько. – Живу. Ем.

– Что ешь? – продолжал удивляться гном.

Он не понимал, как это в шоколадке мог оказаться червяк. Что черви бывают в яблоках, сливе, черешне, абрикосах, это гном знал. Он и сам по утрам собирал с листьев роз и тюльпанов толстых зеленых гусениц, холодных и противных, ругая их за то, что они, невоспитанные зеленые обжоры, не дают покоя прекрасным цветам, хотя вокруг полно всякой травки и опавших листьев.

Для того чтобы гусениц было меньше, и кормил добрый гном птиц, живущих на ивовом кусте у озера, хлебными крошками. Птицы иволги привыкли к нему и с удовольствием помогали оберегать пышные розы и яркие тюльпаны от ленивых вредин гусениц! Те уползали прочь, едва заслышав шелест крыльев и птичий нежный свист.

А еще иволги научили малыша гнома петь красивые песенки. Песенки все были разные. Для дождя. Для солнышка. Для плохого настроения. Для радуги. Для родника – ключа с прозрачной водой. Для всех, живущих в лесу. В лесу все были нужны друг другу. Дереву – птица. Птице – прохлада дерева. Цветам – вода ручья. Ручью – пение птиц и красота цветов. Дождю – радуга, а радуге – дождь. Все это гном знал и понимал, ведь недаром он совсем недавно на «отлично» окончил лесную школу гномовых волшебных наук. Но зачем вкусному и ароматному шоколаду червяк, этого гномик понять никак не мог! Он огорченно хмурил лоб.

– Как же мне теперь быть? Ты испортил мой завтрак! Что я теперь буду есть по утрам?! – продолжал спрашивать гном незваного гостя, едва не плача от обиды и удивления.

– Откуда я знаю?! – проворчал червячок и свернулся клубочком на блестящей фольге, собираясь вздремнуть. – Я эту шоколадку раньше начал есть, так что она – моя!

– Но это ведь я купил ее в сахарном магазине у мотылька! Она – моя. Я отдал за нее целую корзинку земляничных листьев!

– Зачем? – удивился червячок. – Зачем мотыльку земляничные листья?

– Ты разве не знаешь? – снова всплеснул ручками гном. – Земляничные листья помогают при простуде, так же как и малиновые ягоды. И потом, фея-мотылек делает из них замечательные фартучки для белок! Вышивает по краям серебряной паутинкой и...

– Какие глупости! Фартучки! Подумаешь! – перебил гнома червячок. Он сладко зевнул и потянулся. – Не мешай мне спать. Я должен много дремать, чтобы превратиться в шелковую гладкую куколку! Какое мне дело до белок и их фартучков и твоего завтрака? У меня свои заботы.

Гном удивился еще больше и опять всплеснул ручками:

– Какой же ты невоспитанный! В какой школе ты учился?

– Какая еще школа? – сонно проворчал червячок. Я всегда жил в шоколадке, темной и сладкой, потом появился ты, развернул мою обертку и теперь мешаешь мне расти и спать.

Гном ахнул:

– Как это я мешаю? Ведь это ты оставил меня без завтрака! Уже восемь часов утра, а я еще не кормил моих друзей птичек, потому что и сам не ел...

– Ну и что? – опять зевнул червячок. – Какое мне дело до тебя? Хочешь есть, так ешь свои кукурузные палочки, а шоколад – мой, я в нем живу и сплю! – С этими словами он повернулся на бок и сонно засопел.

Гном замолчал, озабоченно покачал головой и принялся за завтрак, ставший невкусным от испорченного настроения: остывший кофе и блюдце кукурузных палочек.

3

После гном собрал со стола крошки, ссыпал их в мешочек, добавил к ним вчерашний кусочек хлеба, вымыл и убрал посуду, вытер стол и, уже выходя из дому, вспомнил про лежащий на столе шоколад. Он хотел спрятать его в холодильник, чтобы тот не растаял, но вспомнил про червячка.

Доброму гному стало жаль невоспитанного малыша. Вдруг тот замерзнет в холодильнике, простудится, заболит?! Нет, никак нельзя червячка прятать в холод... Но что же с ним тогда делать?

Гном почесал в затылке, в раздумье снял и снова надел на голову красный колпачок, застегнул на все пуговицы курточку и снова расстегнул ее. Думал он, думал и, наконец, придумал: червячка надо выпустить в сад!

Червяк озорник будет жить там, в саду, в тюльпановой клумбе, а он, гном, будет каждый день кормить его крошками шоколада и печенья от завтрака и давать уроки хорошего воспитания, ведь шоколадный лакомка нигде не учился! Что он умеет? Только спать и есть.

Червячок даже не знает, что нельзя без спросу брать чужие вещи, портить другим настроение, перебивать разговор, зевать во время еды... Он совсем-совсем невоспитан, бедный кроха! Нет-нет, надо всерьез им заняться! Со вздохом, опять почесав в затылке, гном взял со стола шоколадную обертку, в которой безмятежно спал червячок, и осторожно отнес ее на тюльпановую клумбу, которую уже начало щедро пригревать солнце, и шепотом попросил своего заботливого друга, доброе солнышко, не сердиться на непрошеного гостя, не обжечь изнеженного шоколадного кроху жаром своих лучей, а наоборот, позаботиться о нем до возвращения гнома домой.

Все дело в том, что гном был очень добрый, он не мог долго сердиться на тех, кто его чем-то обидел. Солнышко знало это. Оно вздохнуло, погрозило соне червячку пальцем-лучом и лукаво подмигнуло гномику. Как же не помочь старому другу?!

Гном обрадовался и вприпрыжку побежал к озеру – кормить птиц. Он и так уже очень опаздывал. Наверное, его друзья птички давно уже улетели с ивового куста. Ждали его, ждали!

4

Когда гном, сделав все гномовые дела, направился обратно к своему домику, то очень и очень торопился. Он не обедал дома и даже не испек ореховый рулет, не сшил нового одеяла из лепестков, как собирался.

И все потому, что у непослушной белки, которой гном отнес малину, собранную в лесу, опять поднялась температура, пришлось вызывать для нее лесного врача – дятла и терпеливо ждать его прихода. Хорошо еще, что у белочки оставались в кладовой запасы меда, грибов и орехов. Гном напоил больную теплым молоком божьей коровки с медом из ореховой скорлупки-кувшина. Сварил для нее горячий грибной бульон и заставил белку съесть целых полтарелочки.

Еще больная белка съела полкувшинчика малины и сразу стала меньше чихать и кашлять. Доктор дятел сказал, что она скоро совсем поправится. Гном обрадовался и, подогрев для белочки еще молока, заторопился домой. Он беспокоился: как там поживает его гость, дружок-червячок, не озяб ли, не замерз ли? Ведь солнышко уже садилось. Наступал вечер. Тянуло прохладой с озера.

Когда гном подошел к тюльпановой клумбе, то не увидел на ней никого. На земле лишь сиротливо поблескивала и шуршала от ветра блестящая обертка с крохотным кусочком шоколада, с которого рано утром и началась вся эта странная и забавная история.

Червячок исчез. Он уполз неизвестно куда, и сколько не расспрашивал заплаканный и расстроенный гном тюльпаны, куст сирени и ароматные розы в саду, никто не мог ему сказать, куда уполз непослушный кроха, когда солнышко повернулось к клумбе другим боком. Никто ничего не знал. Даже солнышко виновато моргало.

Каждое утро гном упорно приходил к тюльпановой клумбе с кусочками шоколада и крошками сдобного печенья, приносил малиновый рулет и ореховый пирог, сладкий вишневый сироп в тарелочке из листочка дикого винограда, старательно играл на дудочке красивые мелодии песенок, которым его научили иволги. Все было напрасно. Червячок так больше и не появлялся на тюльпановой клумбе. Гном очень огорчился. Он решил, что малыш червяк, глупый и бестолковый, обиделся на него, уполз куда-то, на открытое, незащищенное место, и его сразу склевали птицы или съели муравьи. Он ведь не знал, как избежать опасности. Он совсем ничего не знал, милый червячок. Даже в школе не учился! А он, растяпа, ничего не успел ему подсказать! Ах как ему было грустно! Как было жаль!

5

Почти весь июнь гном не мог забыть о червячке и чуть не плакал, вспоминая его. Гусениц-прожор, важно сидевших на розовых и пионовых кустах, он теперь не бранил, а терпеливо угощал опавшей листвой и долго расспрашивал, не видели ли они где-нибудь маленького шоколадного червячка. Гусеницы с удовольствием поедали угощение, благодарили гнома, но на все его расспросы отвечали только, пожимая туловищем, что червячка нигде не видели, да и не бывает таких на свете!

– Бывают! – возражал опечаленно гном и принимался наигрывать на дудочке печальную и нежную мелодию, которую слетались послушать шмели, стрекозы и бабочки всех расцветок и размеров.

И вот однажды на огромный розовый куст с малиновым бутонем в капельках росы медленно, грациозно, чуть важно опустилась бабочка-цветок. Она казалась настоящей красавицей! Крылья ее были словно из темного бархата цвета густого шоколада. Они переливались и блестели на солнце. Когда бабочка складывала крылышки, то в углах их были видны очень красивые желто-оранжевые кружочки, будто чьи то глаза. Гном восхищенно смотрел на чудесную бабочку, опустив дудочку. Глаза его от удивления сделались огромными, как блюдца.

– Добрый день! – поздоровалась бабочка, которую гном про себя тут же назвал «шоколадной». – Почему же ты перестал играть? Ты так чудесно играешь. Пожалуйста, продолжай, милый гном!

Голос бабочки показался гномику странно знакомым. Где-то он его уже слышал. Но где?

– Вы кто? – робко спросил он красавицу-незнакомку. – Как вас зовут, милая моя гостья?

Бабочка тихо рассмеялась.

– Ты что же, не узнал меня, дружок? Это же я, твой «шоколадный» гость, помнишь? Маленький, сонный червячок, с набитым лакомством ртом...

– Это ты?! Ох, не может быть! Как здорово! – От удивления гном выпустил дудочку из рук и сел на траву около розового куста

Бабочка продолжала смеяться:

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

– Может, может! Это действительно я! Я очень скучал по тебе. Или *скучала*? Не знаю, как сказать. Я видела тебя во сне. Мне было грустно без тебя, славный гном. Но это ничего. Главное, что я снова вижу тебя. А ты так загорел!

– Я много времени провожу на солнце, поливаю свои розы, пионы, чтоб они были красивыми.

– Они у тебя замечательные! – Бабочка в восторге захлопала крылышками, и с них посыпалась белая пудра-пыльца... – Я больше нигде не видела таких красивых цветов, как у тебя!

– Они такие же красивые, как ты! – ответил гном, которому было приятно, что его похвалили. – Только ты – будто живой цветок! Я тоже рад тебя видеть. Скажи, как же ты стала такой замечательной, такой милой и вежливой? Извини, но когда ты первый раз пришел... *пришла* ко мне в гости, ты была просто очень невоспитанным червячком!

– Я помню! – засмеялась красавица-бабочка. – Но с тех пор прошло много времени и я многому научилась. Я знаю теперь, что невежливо перебивать старших, зевать во время еды, не здороваться и уходить не попрощавшись, ах, сколько я теперь знаю! Например, я знаю, что настоящий друг это тот, кто помнит о тебе всегда, скучает без тебя, напевает для тебя нежные песенки и играет на дудочке красивые мелодии, приносит в ладошках виноградное блюдо с вишневым сиропом и крошки вкусного шоколада, а на ночь бормочет солнышку просьбу беречь далекого друга, где бы тот ни был.

– Ты знаешь? – ахнул гном, всплеснув ручками, как он всегда делал, когда сильно удивлялся чему-то. – Откуда же?

– Мне все рассказали иволги у озера. И потом, дружок-гном, ты забыл, какое воспитание я получила.

– Какое? – гномик был очень любопытен. – Ты же говорила, что не училась ни в одной школе, когда была червячком из шоколадки?!

– Правильно. Но когда ты вдруг становишься сонной куколкой в коконе, у тебя появляется очень много времени для раздумий. И ты начинаешь понимать многое из того, чего не понимала раньше. Например, то, что шоколадное воспитание не такое уж плохое. Оно учит думать о тех, кто тебя любит и помнит. Я все время думала о тебе. Мне так хотелось станцевать для тебя один танец. Я видела его во сне и запомнила. Я сейчас начну танцевать, а ты сыграй мне на дудочке. Вместе у нас очень хорошо получится, я знаю. Ведь мы – друзья!

Гном кивнул, поднял с земли свою маленькую дудочку и заиграл самую нежную из мелодий, которым его научили иволги. Красавица-бабочка запорхала по поляне в такт музыке, покачивая крылышками, кружась и замирая в воздухе. Долго длился ее танец, и был он так красив, что солнышко совсем позабыло, что ему уже давно пора ложиться в постель под облачко-пуховичок, чтобы завтра наступил новый день, в котором сочинится новая сказка, новая история о гномике и его друзьях. Совсем иная...

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

Елена Галустова

(МОССАЛИТ, Москва)

СЕВЕРНЫЙ РЕЧНОЙ ВОКЗАЛ

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Северный речной вокзал наконец-то открыли после длительной реконструкции! И неудивительно, что все внимание краеведов, историков и журналистов приковано к этому важному для Москвы событию.

Уже написано множество статей, заметок и репортажей, проведены научные изыскания и описаны все архитектурные диковинки здания-корабля. Кажется, что не осталось ни одного сантиметра пола, потолка, стены или окна, не попавшего под пристальное внимание исследователя.

И все же не стоит забывать, что эта архитектурная жемчужина сталинской Москвы стала легендой уже в год своего открытия, в 1937-м. Размах и формы портового вокзала поражали воображение современников, да и сегодня мощь и в то же время изящность многотонной конструкции вызывает восхищение и даже легкую зависть современных зодчих.

Во всякой большой стройке периода первых пятилеток советского государства принимали участие инженеры, проектировщики, художники, архитекторы, простые рабочие, имена которых затерялись или были со временем забыты. Химкинский речной вокзал (таково его первоначальное название) не стал в этом смысле исключением, да и само возведение здания породило массу мифов. Отчасти этому способствовало то обстоятельство, что канал Москва – Волга строили заключенные Дмитлага (Дмитровского исправительно-трудового лагеря), который находился в ведении НКВД, и, по понятной причине, проект строительства был засекречен.

Что же до сих пор вызывает массу вопросов при взгляде на детище архитекторов Алексея Рухлядева и Владимира Кринского? Попробуем разобраться, опираясь на уже опубликованные материалы, рассказы краеведов и воспоминания местных жителей. Это будет своего рода альтернативный путеводитель, который, разумеется, не претендует на непреложную истину, но без которого рассказ о здании-корабле будет неполным.

Прогулка без скучных фактов

Честно говоря, до последнего не верилось, что его откроют в практически первозданном виде: почему-то ожидалось что от былого величия останется только коробка, а внутри поселятся лампы дневного света, которые будут ехидно подмигивать через алюминиевый

стеклопакет оконного проема. Хорошо, что этого не произошло. Очень тяжело расставаться со светлыми воспоминаниями.

Для меня Северный речной вокзал – еще одна счастливая краска моего детства. В выходные мы с дедом садились около дома в троллейбус и через полчаса уже радостно шагали по аллее, в конце которой возвышалось похожее на корабль здание. Чаше такие прогулки бывали летом в солнечную погоду, оттого «кораблик» в моей детской памяти остался ярким и светлым. Справедливости ради стоит отметить, что здание вокзала никогда не было, как сегодня, сливочно-белым, преобладали серые тона, но от этого он выглядел не менее торжественным.

И пока ожидался катер и поехалось эскимо, дед, профессиональный военный и далекий от архитектуры человек, рассказывал мне о строительстве канала Москва – Волга, о том, как это было важно для страны особенно в военные годы. Мне интересно было рассматривать «тарелочки» с изображением самолетов и якорей и слушать о полярных экспедициях, о походе «Красина» и подвиге «Варяга» (то, что на медальоне изображен не «Варяг», а «Марат» я узнаю значительно позже).

Речные прогулки для меня, маленькой девочки, мечтавшей быть ни много ни мало моряком, были настоящими приключениями, о которых можно часами рассказывать во дворе розовощеким подружкам и мальчишкам со сбитыми коленками. Я взбиралась на коробку песочницы, как на трибуну, и с умным видом, подражая деду, рассказывала о Чкалове и Молокове, о морских баталиях и фашистах (для советских детей фашизм навсегда остался главным врагом), по ходу добавляя что-то от себя – не всегда к месту, зрители скучали, и мой бенефис заканчивался уже на третьей минуте выступления.

Здание Северного Речного вокзала. Шпиль.

Стоит ли говорить, что это место я полюбила раз и навсегда, оттого было больно смотреть, как осыпается у «кораблика» штукатурка, кренился фасад, зияют дырами окна-иллюминаторы, а трюмы-подвалы забиты фанерой – бесславный конец множества кораблей-тружеников. И только наличие звезды на шпиле давало хоть какую-то, пусть смутную, надежду на возрождение. В обычной практике с утилизированных кораблей снимают все знаки отличия, а здесь звезда по-прежнему горит на солнце, и пусть не так ярко как прежде переливаются на ней уральские самоцветы, но она есть, она на месте!

Звезда со Спасской башни и часы Воскресенского собора

При реставрации здания Речного вокзала представилась возможность рассекретить ряд документов, относящихся к его строительству, а вместе с тем развеять ошибочные представления, сложившиеся вокруг архитектурного проекта.

Сегодня главным мифом Северного речного вокзала считается то, что шпиль здания украшает звезда, некогда венчавшая Спасскую башню московского Кремля. Искусствоведы утверждают, что звезда на здании Речного вокзала ничего не имеет общего с кремлевской, и в качестве основного доказательства приводят тот факт, что главное здание архитектурного ансамбля было открыто весной 1937 года и его шпиль уже украшала звезда, тогда как с башен Кремля все звезды демонтировали только осенью того же года.

В качестве аргументов также приводятся чисто технические расчеты о разнице в расположении, соединении и сечения лучей. Доказательством считается и то, что обе звезды были выпущены разными заводами (хотя и нет опровержения, что один заказ могли поручить

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

двум группам инженеров), и, наконец, утверждение самого архитектора Рухлядева, что он планировал украсить шпиль своего детища звездой по типу кремлевской.

И если все так очевидно, то откуда появилось иное мнение? И так ли неправы те, кто утверждает обратное?

Понятно, что подобные слухи могли появиться не раньше октября 1937 года, когда демонтированные кремлевские звезды перекочевали в запасник. Приверженцы этой версии также настаивают на том, что ничто не мешало ЦАГИ изготовить второй комплект кремлевских звезд (например, на случай поломки при монтаже и пр.), возможно и с несколько измененным дизайном, для главной башни Кремля, и вот эта, запасная, как раз пришлось в пору символу Химкинского водохранилища.

Удивительно, но в книге «Архитектура канала Москва – Волга», выпущенной в 1939 году издательством Всесоюзной Академии архитектуры, нет никакого упоминания о звезде в статьях ни самого Алексея Михайловича Рухлядева, ни его коллег. Не опровергнута до сегодняшнего дня и версия о том, что часы или их часть в виде часового механизма были перемещены на башню Речного вокзала с колокольни Воскресенского собора в Волоколамске. На это указывает и тот факт, что в 1930 году собор был закрыт, и часы потеряли свою актуальность как часть волоколамского ансамбля.

В 1940-е годы на территории храма был размещен лагерь для военнопленных, затем, вплоть до начала 1960-х, собор долго оставался заброшенным, но были там часы или нет, неизвестно.

Более того, выяснилось, что нынешние башенные часы Речного вокзала заметно отличаются от проектных набросков Алексея Рухлядева.

Фарфоровые «тарелки» Натальи Данько

Определенную долю торжественности фасаду здания, несомненно, придают фарфоровые медальоны (или «тарелочки», как их любовно называют жители), выполненные под руководством скульптора-керамиста Натальи Яковлевны Данько-Алексеенко группой молодых скульпторов и художников Ломоносовского фарфорового завода: Ивана Ризнича, Михаила Моха, Тамары Безпаловой-Михалевой, Таисии Кучкиной и др.

Двадцать четыре керамических исполина, по полтора метра в диаметре, обрамляют арки западного (выходящего на Химкинское водохранилище) и восточного (смотрящего на Ленинградское шоссе) порталов. Один их вид вызывает восхищение и заставляет подолгу рассматривать каждую картинку.

«Тарелки» Натальи Данько

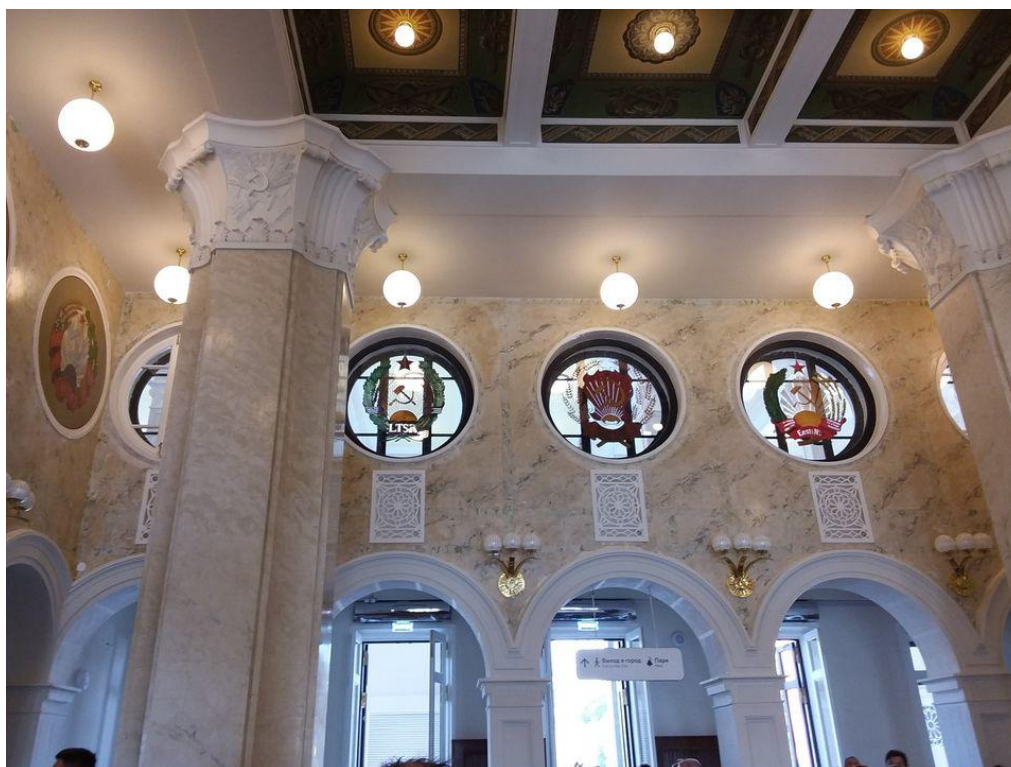
Арки вокзала

Сюжетами для росписи послужили главные достижения Советской власти за двадцать лет своего существования (напомню, что открытие Северного речного вокзала было приурочено как раз к этой дате): великие стройки первых пятилеток, освоение Арктики, развитие советской авиации, строительство Московского метрополитена, а также перспективы будущего: Дворец Советов, Центральный театр Красной Армии.

Нет смысла подробно рассказывать о каждой «тарелочке», поскольку благодаря стараниям Владимира Левшенкова и Вадима Знаменов, изучившим и издавшим уникальную книгу о творчестве сестер Данько, стали известны оригинальные названия каждого медальона и его создателя. Тем не менее не всегда авторская подпись дает точное представление, что же на самом деле изображено на том или ином фарфоровом шедевре. Некоторые из них, на мой взгляд, заслуживают более пристального внимания.

Итак, первый медальон западного выхода с изображением танка. Сама картинка мне напоминает медаль «За отвагу»: тот же вздыбленный напор железа, башенные пулеметы. Не правда ли, похоже? Но отличие все же есть. Если повнимательнее присмотреться к «тарелке», то видно, что перед нами двухбашенный танк, что соответствует маркировке Т-26 образца 1931 года (как утверждают специалисты), тогда как на медали, а это я могу утверждать с большой уверенностью, изображен тяжелый танк Т-35, выпуск которых также начался в начале 1930-х, но на медаль он попал только в 1938-м, за год до окончания производства.

Не менее интересен медальон с изображением Центрального театра Красной Армии (как назывался тогда Центральный академический театр Российской Армии). Он узнаваем хотя бы потому, что выполнен в форме звезды. Пожалуй, на этом сходство с оригиналом заканчивается. Дело в том, что привычное для нас здание было построено только к 1940 году,

Зал вокзала

поэтому художники использовали первоначальный проект архитекторов Каро Алабяна и Василия Симбирцева, который предполагал на башенке здания фигуру красноармейца, крыша должна была быть плоской, чтобы ее можно было использовать для прогулок зрителей во время антракта, а сама «звезда» должна быть красной, но в процессе строительства, которое длилось практически шесть лет, от многих задумок пришлось отказаться.

Строительству московского метро отводилась очень важная как культурная, практическая, так и стратегическая роль. Открытие состоялось 15 мая 1935 года, и первая линия шла от станции «Сокольники» до станции «Парк культуры», с ответвлением на «Смоленскую». Почему авторы решили изобразить на медальоне «Киевскую», а не первоочередников «Сокольники» или «Дворец Советов»? Скорее всего, дело в Никите Сергеевиче Хрущеве, который в те годы являлся первым секретарем Московского горкома ВКП(б), следовательно, не мог не курировать данное строительство. Никита Сергеевич, хоть и не был этническим украинцем, но очень любил этот цветущий край и все, что с ним связано. Поэтому предположение, отчего на Речном вокзале появилась «Киевская», а не какая-либо другая станция, вполне объяснимо.

Красив и медальон, изображающий полет стратостата. Возможно, кого-то удивит такой выбор художников, решивших запечатлеть столь неоднозначный вид воздухоплавательного аппарата, а если учесть, какие трагические события последовали после запуска гондол (достаточно вспомнить полет «Осоавиахима-1» и гибель его экипажа в январе 1934 года), то возникает вопрос: зачем популяризировать то, что еще не изучено?

Стоит напомнить, что 1930-е годы – период массового увлечения пятым океаном: создаются авиационные клубы при Осоавиахиме, молодые люди и девушки стремятся поступить в летные военные училища, авиационная тематика проникает в культуру и искусство, в те же годы Александр Дейнека напишет самую узнаваемую свою картину «Будущие летчики».

Набережная

Не подлежит сомнению и тот факт, что в эти годы на стратостаты делали ставку не только ученые, но и военные. Возможность использования подобных воздухоплавательных аппаратов в боевых действиях изучалась в конструкторских бюро. К сожалению, стратостаты не обладали должной силой и мощностью и, разумеется, никак не могли соперничать с военными самолетами, чтобы дать достойный отпор врагу. Фактически художники запечатлели на медальоне мечту Страны Советов.

Не менее трагическая судьба постигла прототипы кораблей, изображенных на медальонах восточного входа Северного речного вокзала. Я говорю о работах скульптора Таисии Кучкиной и художника Ивана Ризнича «Теплоход «Абхазия»» и «Парусник «Товарищ»» Казимира Рыжова и того же Ивана Ризнича.

Красивый черноморский пейзаж, белый лайнер, о борт которого бьется упругая синяя волна, – эпизод недолгой мирной жизни. И такая картинка здесь присутствует также неслучайно.

Конец 1920-х – начало 1930-х годов ознаменовалось для Черноморского пароходства расширением флотилии, причем ставку делали как раз на пассажирские суда. В те годы вступили в эксплуатацию шесть пассажирских пароходов данной серии: «Абхазия», «Аджария», «Украина», «Армения» – их создали кораблестроители из Ленинграда, два других – «Грузия» и «Крым» – были построены на заводах Германии. Жители южных городов любили эти суда и ласково называли «крымчаками», поскольку те курсировали по Крымско-Кавказской экспрессной линии, а проще говоря, от Одессы до Батуми.

Судьба всех этих теплоходов печальна – из них пять были уничтожены в первый год войны, ненадолго пережил своих собратьев и теплоход «Абхазия».

Уже в июне «Абхазия» вошла в состав Черноморского флота как санитарный транспорт. Под бомбежками и перекрестным огнем вражеской авиации не единожды прорывалась

«Абхазия» в осажденную Одессу, оставляла продовольствие, а на обратном пути забирала раненых. Вскоре начались и боевые рейды в Крым. Они были связаны с проведением Керченской операции и высадкой советского десанта на полуострове.

Только за весну 1942 года «Абхазия» совершила шестнадцать (!) боевых рейдов в сражающийся Севастополь. И это притом, что теплоход имел большую осадку и не мог маневрировать так, как боевой корабль. Из-за этого ему не всегда удавалось войти в узкую бухту и приходилось оставаться под вражеским огнем как с берега, так и с воздуха.

Погибла «Абхазия» в июне 1942 года в Севастополе, у Сухарной балки. Экипаж сражался до последнего, но спасти судно от затопления и пожара уже не смогли – девять пробоин от вражеских бомб превратили некогда мирный лайнер в груды железа.

Примерить на себя боевой бушлат пришлось и учебному барку «Товарищ» – самому крупному парусному учебному судну СССР. Английское судно «Лористон» было подарено советскому правительству в 1921 году. Ранее, в период Первой мировой войны «Лористон» был приобретен для нужд Российской империи, но после революции вернулся в порт приписки.

В начале 1920-х годов «Лористон» был переоборудован, переименован в «Товарищ» и приписан к Ленинградскому морскому техникуму. В годы Великой Отечественной войны в ходе сдачи города Мариуполя был захвачен и «Товарищ». Плененное судно долго оставалось на плаву и использовалось гитлеровцами как казарма для Хорватского легиона.

В ходе Донбасской наступательной операции в 1943 году барк был разгромлен советской авиацией и долгое время находился в порту в полузатопленном состоянии.

У каждого медальона своя история, радостная или печальная. Не менее удивительны и судьбы скульпторов, художников принимавших участие в оформлении Северного речного вокзала. Многие имена стали известны только сейчас.

Разные судьбы

Если биография главного архитектора Северного речного вокзала Алексея Михайловича Рухлядева не нуждается в обстоятельном исследовании, то его бессменный соратник Владимир Федорович Кринский как раз заслуживает того, чтобы о нем рассказать подробнее.

Как я уже отмечала выше, в связи с реконструкцией вокзала искусствоведам и реставраторам стали доступны чертежи и наброски будущего здания. Исследователи не нашли на них подписей Кринского, что позволило им сделать вывод, что Рухлядев работал над домом-кораблем в одиночку, а авторство Кринского приписали за компанию. Более нелепое утверждение и представить сложно, поскольку, как показывает практика, достаточно подписи начальника проекта. Думается, что такое косвенное обвинение не бросит тень на человека, которому мы обязаны строительством не только жилого дома работников Наркомвода в составе комплекса зданий и сооружений Северного речного вокзала и шлюзов № 7 и № 8 Канала имени Москвы, но и жилого городка художников на Верхней Масловке.

И Рухлядев, и Кринский ушли в преклонном возрасте, но никогда не говорили о том, кто из них больше труда вложил в строительство главного здания проекта «Москва – Волга».

Незавидной была судьба у художников – заключенных Дмитлага Глеба Куна и Константина Соболевского. О них стоит сказать хотя бы потому, что именно их рисунки были

Северный речной вокзал. Осень

использованы в прессе тех лет, в частности в журнале «Техника молодежи», № 11-12 за 1936 год, освещавшем грандиозную сталинскую стройку на севере Москвы.

Для Глеба Сергеевича Куна строительство канала Москва – Волга стало вторым после Беломорканала. Дворянского происхождения и посещения частных художественных курсов было достаточно, чтобы его обвинили в контрреволюционной деятельности. В Дмитлаге Кун работал над наглядной агитацией, писал статьи для передовых журналов того времени. По возможности помогал создавать более-менее нормальные условия для работы художественно-одаренным людям.

После завершения строительства канала Москва – Волга вновь был обвинен как участник контрреволюционной организации в Дмитлаге и в июне 1937 года был расстрелян вместе с женой. Через месяц Глебу Куну исполнилось бы 27 лет...

Константин Станиславович Соболевский, еще один художник из Дмитлага, чьи работы использовались в качестве иллюстраций стройки. Студент-первокурсник Московского полиграфического института, сын известного геофизика Петра-Станислава Соболевского, вместе с товарищами был обвинен в антисоветской агитации и сослан в лагерь под Москвой. Профессор Соболевский неоднократно обращался к вождю с просьбами освободить сына, но его письма оставались без ответа. Как сложилась судьба талантливого двадцатипятилетнего художника неизвестно – из Дмитлага он так и не вернулся.

Также стоит рассказать о художниках и скульпторах, чьи работы были использованы в оформлении парка, прилегающего к зданию вокзала.

Сегодня имя скульптора Ромуальда Ромуальдовича Иодко известно разве что специалистам. А между тем именно Иодко создал для здания вокзала скульптуры краснофлотца, красноармейца, рабочего и колхозницы, изображавших Труд и Оборону советской страны. Также на берегу ближе к водной станции «Динамо» стояла скульптура «Девушка с веслом» (не путать с аналогичным творением Ивана Шадра), в парке, в отрезке Хорошевского спрямления сохранилась скульптурная группа «Спорт», для которой позировали студенты физкультурного техникума.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

В годы войны Ромуальд Иодко отказался покидать столицу и стал консультантом по маскировке Москвы при штабе ПВО, участвовал в создании маскировочной карты города, позволившей максимально сохранить исторический центр от разрушений.

Не пережила ленинградскую блокаду художник-керамист Наталья Яковлевна Данько-Алексеевко. В конце зимы 1942 года она вместе с сестрой и матерью была эвакуирована в Свердловскую область. Вскоре после приезда в Ирбит Наталья Яковлевна скончалась.

Почти все керамические медальоны на морскую тему расписаны художником Иваном Ризничем. Ивану Ивановичу Ризничу – сыну известного русского подводника и самому служившему на флоте, морская тематика стала по-настоящему близкой.

Будь то сигнальные флажки, адмиральский якорь или линкор «Марат» и крейсер «Аврора» – все выписано до мельчайших подробностей. Всю вою жизнь художник посвятил родному Ломоносовскому фарфоровому заводу.

Удивительный факт: в 1990-е, будучи в очень преклонном возрасте, Иван Иванович перевернулся на лодке на Ладожском озере, но, помня военный опыт, не запаниковал, а несколько часов плыл к берегу, толкая лодку впереди себя.

Одной из интересных скульптур канала по праву считается фигура девушки, олицетворяющая водный путь. Их две: первая установлена у шлюза № 5, вторая же встречает пассажиров при входе в парк со стороны Ленинградского шоссе. И хотя многие архитекторы тех лет считали дублирование не совсем удачным решением, но сегодня представить на этом месте нечто иное уже невозможно.

Автором скульптурной композиции «Водный путь» является Юлия Кун, родная сестра историка Николая Альбертовича Куна, известного каждому школьнику благодаря его труду «Легенды и мифы Древней Греции». Юлия Альбертовна была ученицей Степана Эрзи, отличительной манерой ее творчества была работа с красным деревом и разнородными материалами. Эту свою манеру она использовала при создании композиции «Водный путь» – кораблик, который девушка подняла над головой, выполнен из нержавеющей стали.

На фоне зелени и облаков скульптура особенно впечатляет своей стройной композицией и динамикой.

Заканчивая краткий обзор синтеза искусств в описании ансамбля Северного речного вокзала, необходимо отметить не только его архитектурную уникальность, но и историческую. Невозможно не заметить, как стремились его создатели запечатлеть радость жизни и любовь к родине, как пытались найти лучшие средства для воплощения замысла и действительно доказали, что здание практического назначения можно сделать не только красивым и приятным взгляду, но и содержательным, что и утилитарность может быть изящной.

Ю. Кун. Скульптура «Водный путь»

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?

С августом что-то не так.

Месяц, конечно, на зависть – игольчато-звездный, бархатно-теплый, вибрирующий цикадами и тугими ударами падающих на землю яблок. Лето еще не закончилось, но ранним утром воздух горчит предчувствием осени и едва уловимой угрозой зимней бесконечности. Остановить бы, заполучить в безраздельное пользование, исчерпать до доньшка, чтобы никому больше не достался дурман разогретого разнотравья, упругий бархат белого гриба, теплое молоко вечернего воздуха, спелость лета и самой жизни.

Заметили? Червоточинку заметили? Светло и лирично в начале, а потом вдруг раз – и закрутилась спираль эгоизма с легким оттенком человеконенавистничества.

В августе созревает всё. Плодоношение – кульминация жизни, и люди, как часть природы, подчиняются ее законам. Разные идеи зреют в голове человека в любое время года, но почему-то именно август чреват выплесками агрессии.

Оставим в стороне историю о «Малыше» и «Толстяке», не оставивших даже праха от восьмидесяти тысяч жителей Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года. Возьмем недавние – близкие к нам десятилетия: путч в августе 1991 года, «черный понедельник» в августе 98-го, «урожайный» август 2000 года: 13 погибших и 60 раненых после взрыва в переходе под Пушкинской площадью и 118 тех, для кого не хватило воздуха на подводной лодке «Курск». А что сейчас творится в соседней Беларуси после августовских президентских выборов?

Что же не так с этим месяцем? Может быть, дело в имени?

Имя этого летнего месяца – подарок. Римский сенат в 8 году до н. э. крепко задумался: как бы уважить своего президента и первого римского императора Октавиана. Для начала, добавили еще одно имя – Август, буквально – «возвеличенный богами». Этого показалось мало. Предложили: выбери себе какой-нибудь месяц и мы назовем его твоим именем. Только июль не трогай: он уже занят твоим двоюродным дедом – Юлием Цезарем. Октавиан выбирал недолго. Счастливым для себя месяцем он считал летний «секстилий» (от латинского *Sextilis* – шестой), потому что это был месяц его самых славных, самых громких военных побед. Особенно гордился Октавиан Август победой в Египте. Было чем похвастаться: борьба за римскую власть между Октавианом и Антонием, с переменным успехом отравлявшая жизнь обоим, закончилась победой Октавиана именно в египетском походе. Когда его войска подошли к Александрии, легионеры Антония предали своего полководца, потерявшего контроль над ситуацией в объятиях Клеопатры, и переметнулись на сторону Октавиана. Лучшим для себя выходом Антоний счел самоубийство. Через неделю после него покончила с собой Клеопатра. Счастливым месяцем для Октавиана – трудно возразить.

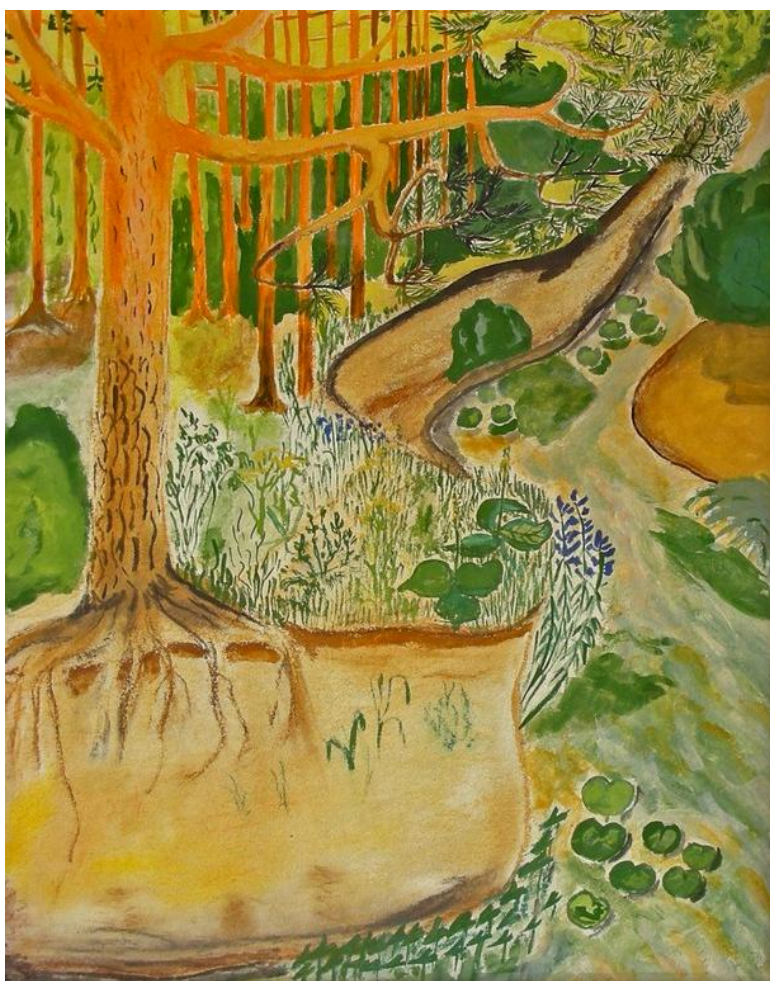
Свою посильную лепту в раскрутку, выражаясь современным языком, августа внес средневековый математик и астроном Иоанн Сакробоско. Авторитетный преподаватель Сорбонны, автор нескольких научных трактатов, по которым изучалась астрономия во всех европейских университетах в течение четырех столетий, запустил в мир исторический

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

анекдот, согласно которому по приказу Октавиана к имевшимся в августе 30 дням был добавлен еще один за счет февраля, чтобы он стал равен июлю по количеству дней. Не хотел, мол, Октавиан отставать от своего именитого родственника – Юлия Цезаря. И все поверили, потому что мотивация вполне понятна – зависть обыкновенная. В наши дни появились сомневающиеся. Покопались в истории и выяснили, что легенда не соответствует действительности: например, 31-дневный секстилий был записан в египетском папирусе еще в 24 г. до н. э., задолго до предполагаемого самоуправства Октавиана. Римский ученый-энциклопедист и писатель I века до н. э. Марк Теренций Варрон в своей «Системе сезонов» также пишет о том, что в этом месяце 31 день.

Так кто ж виновник августовских бед – воинственный римский император, подаривший месяцу свое имя? Или все-таки мы все – миллионы и миллиарды мыслящих индивидов, которые позволяют себе всё больше и чаще выплескивать гнев, недовольство, злобу, нелюбовь? Отрицательный энергетический выброс одного человека – капля в океане мироздания, но если все капли сольются...

Кстати, Священная Римская империя прекратила свое существование в 1806 году именно в августе.

К. Галеева. Устройство мира. 1985 г. Картон, темпера, пастель

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

Наталья Пунина-Орлова

(МОССАЛИТ, Москва)

ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА

Пьеса в семи действиях

Действующие лица

Мараджана, юная девушка восточной внешности с темными длинными волосами, заплетенными в две косы

Купец, отец Мараджаны, добродушный дородный мужчина средних лет

Дочери купца, две ничем не примечательные девушки

Факир, он же визирь, загадочный старик с белой бородой, одетый в чалму, широкий халат и шаровары (возможно, с белой бородой)

Падишах (султан), суровый мужчина средних лет с окладистой темной бородой, одет в роскошные восточные одежды (малиновые или золотистые)

Рыбак 3 (главный герой), простой парень в русской рубашке и штанах с сетью на плече

Рыбак 1, в рыбацкой одежде, седой, с длинной бородой

Рыбак 2, ничем не примечателен

Стражник

Колдунья

Монах тибетский, в оранжевом халате или рубашке и шароварах

Монах-привратник

Сирены, 3-4 девушки, одетые в греческие туники

Слуги во дворце

Автор (голос за сценой)

Действие первое

*На сцене светлая комната в тереме (палаты белокаменные).
В разных концах сцены сидят две дочери купца (вышивают, поют).
Девушки одеты в русские сарафаны.*

Голос автора.

Расскажу Вам небылицу
Про красавицу-девицу,
Про факира и купца,
Удалого молодца,
Про колдунью, падишаха
И Тибетского Монаха -

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Собирайтесь скоро в круг
И внимайте все вокруг.

Девушки начинают петь громче. Звучит протяжная русская песня.

Голос автора.

Не в далеком государстве
В древнерусском нашем царстве
Жил давно один купец –
Дочерям троим отец:
Дочка старшая была...

*Поднимается старшая дочь, проходит через сцену к сестре
и что-то ей шепчет на ухо. Обе смеются.*

Голос автора.

...Ни умна, ни весела,
Ни стройна, ни черноброва,
Слава богу, хоть здорова.
Дочка средняя его...

Девушки начинают прохаживаться по сцене, смеясь и перешептываясь.

Голос автора.

...Вроде даже ничего,
Но сказать о ней особо
Не могу я даже слова.
Только третья девица...

*Входит Мараджана. Она несколько отличается одеждой и манерами от сестер.
Начинает задумчиво расхаживать по сцене, ни на ком особо не останавливая внимания.*

Голос автора.

...Уродилась соколица:
Лучезарна, ясноока,
Белолица и высока.

*Мараджана замирает посередине сцены. Одна сестра ее окликает,
и все три начинают шутливо перебрасывать друг другу рукоделие.*

Голос автора.

Слушай дальше: наш купец
Был заботливый отец –
Дочерей любил всех равно,
В церковь их водил исправно,
А как стали подрастать –
Стал им суженых искать.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

*Входит купец. Он сосредоточен и порывист в движениях.
Подходит к старшей дочери и приобнимает ее.*

Голос автора.

Первой дочери супруга
Своего же выбрал круга:
Выдал дочку за купца –
Чем не радость для отца?

Страшая дочь уходит со сцены, благославляемая купцом.

Голос автора.

Для второй же подыскал
Из военных: мужем стал
Для любимой дочки средней
Генерал страны соседней.

*Купец целует в обе щеки среднюю дочь. Оба уходят со сцены.
Мараджана остается одна. Она садится за вышивку, оставленную старшей сестрой.*

Голос автора.

Пришло время подыскати
Себе третьего уж зятя...
Только что-то наш отец
Третью дочку под венец
Отдавать не торопился,
Но в краях тех появился...

Купец возвращается, подходит к Мараджане, что-то говорит ей вполголоса.

Голос автора.

...Коль хотите дальше слушать –
Дайте, братцы, мне покушать.
Да и дочка, между прочим,
Покидать отца не хочет.
Разве плохо ей, ребята,
В белокаменных палатах?

Мараджана встает и показывает свою работу купцу. Он одобрительно кивает.

Голос автора.

Так осталась б в старых девах,
Только вот какое дело:
Появился в тех местах
Из страны восточной маг.
Путешествовал тайком
Из далеких стран пешком.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Шла молва о нем, что он
В мире больше всех учен.

Играет восточная мелодия. Купец начинает что-то говорить Мараджане, активно жестикулируя. Мараджана взволнованна. Купец покидает сцену.

Голос автора.

Дочка младшая купца
Весть о старце от отца
Неожиданно узнала
И задумчивою стала.

Мараджана начинает в спешке собираться.

Голос автора.

Тайно из палат бегом,
Да к факиру напрямиком.

Действие второе

На сцене небольшая комната (в гостинице). На полу на коврике сидит факир.

Играет тихая медитативная восточная музыка.

Порывисто вбегает Мараджана и застывает невдалеке от факира.

Голос автора.

Только тот ее узрел –
Право слово, онемел,

*Факир вскакивает, семенит к девушке, берет ее за обе руки
и начинает со всех сторон оглядывать.*

Голос автора.

Стал о ней разузнавать,
Кто отец ее, кто мать.
Рассказала все, что знала,
Ни о чем не умолчала.
Молвит маг тогда:
Факир (скрипучим таинственным голосом).
Купец –
Не родной тебе отец.
Дочь ты грозного султана,
Твое имя, Мараджана.
Как похитили тебя,
Шах, болея и скорбя,
Разослал вдогон факиров,
Во все концы и страны мира...
Вот уж скоро десять лет

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Как простыл твой даже след.
Ты домой-ка возвращайся,
Да с купцом-то попрощайся,
Собирайся как-нибудь,
И поедem в дальний путь.

*На протяжении речи факира Мараджана выказывает изумление,
а в конце его речи, словно смиряясь с услышанным, опускает голову.*

Голос автора.

Говорил ей так факир...
А у ней в очах весь мир
Будто разом обернулся,
Вверх ногами повернулся.

Мараджана с опущенной головой задумчиво покидает сцену.

Голос автора.

Побрела она обратно,
А на сердце неприятно:
Получается, купец
Вовсе ей и не отец...
Да и две сестры с отцом
На нее никак лицом
Непохожи, как ни глядь...
Так что сильно удивлять
Ее новость-то не стала,
Видно, смутно вспоминала:
Десять лет тому назад
Что-то было невпопад...

*Снова мы видим комнаты из Первого действия. Посередине в кресле сидит купец,
опустив голову на руку. Входит Мараджана. Падает ему в ноги.*

Голос автора.

Возвратилась в палаты,
Будто в чем-то виновата,
В ноги к бабушке упала
И к душе его воззвала.
Говорит ему:

Мараджана (с мольбой в голосе).

Отец!
Скажи правду, наконец!
Как попала я сюда?
Что за напасть, за беда
Приключилась со мною,

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Что свою голову
Ничего почти не знаю?

Голос автора.

Отвечал он ей, вздыхая:

Купец (вставая):

Видно, доченька, пришла
Эта скорбная пора
Все сказать тебе как есть:
Лет так было тебе... шесть,
Как нашел тебя в лесу.
К толстой ветке за косу
Тебя кто-то привязал –
Видно, смерти твоей ждал...
Я тебя принес домой,
Мы по совести с женой
Окружили тебя лаской,
А открыла как ты глазки,
Говорила ей все «мам» –
Так и стала дочкой нам.
Как жены моей не стало,
То меня не покидало
Чувство странное одно,
Что с тобою суждено
Скоро будет нам проститься,
Потому и торопиться
Я с замужеством твоим
Не хотел и все таил
От тебя я эту тайну.
Видеть же тебя печальной
Не желаю ни минуты:
Оттого и потому-то
Прикажу седлать коней,
Чтоб за тридевять земель
Проводить тебя с факиром
Добрым словом, с богом, с миром!
На меня зла не держи,
Да и больно не тужи
По названому отцу...

*Крестит и обнимает дочь. Начинает негромко звучать грустная
музыка с постепенно нарастающей громкостью.*

Голос автора.

Мараджана тут купцу
В ноги низко поклонилась,

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Обняла и прослезилась.
 И к утру уже в дорогу
 С упованием на Бога
 Было все у них готово.
 Что ж, и мы сейчас немного,
 Чтоб пуститься с ними в путь,
 Собираемся вздремнуть...

Музыка стихает.

Действие третье

Занавес опущен. Звучит негромкая музыка (загадочная восточная).

Голос автора.

Вот уже который год
 Продолжается поход.
 Едут полем, едут кручей,
 Миновали лес дремучий,
 Плыли морем много дней,
 Поменяли сто коней.
 Появился наконец
 Впереди большой дворец.

Занавес открывается. На сцене дворец в восточном стиле. Стоят факир и Мараджана в дорожной одежде и смотрят вперед, о чем-то негромко переговариваясь.

Голос автора.

Говорит тут ей факир:

Факир (поворачиваясь к девушке).

Мы с тобою целый мир
 Поперек пересекли
 И уже совсем пришли,
 Только очень долго я
 Не бывал в родных краях...
 Так что сразу во дворец
 Не пойдем – вдруг, не отец
 Твой сейчас на том престоле:
 Отведем коней мы в стойло,
 Подвяжи повыше косы,

*Мараджана поправляет на голове накидку (шапку или чалму),
 убирая волосы под головной убор.*

И, как два монаха босы
 Будем сведенья собирать,

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

А как будем точно знать,
 Что с султаном все в порядке,
 Перестанем сразу в прятки
 Мы играть с тобой тогда
 И пожалуем туда,
 Где уже давно напрасно
 Ждет тебя отец несчастный.

Факир берет Мараждану за руку и направляются в сторону дворца.

Голос автора.

Подшли они к воротам...

На сцену выходит стражник и неспешно подходит к путникам.

Голос автора.

Стражник спрашивает:

Стражник.

Кто там?

Голос автора.

Двое дервишей в ответ:

Факир (заунывно-заискивающе).

Обошли мы божий свет,
 Из таких явились далей,
 Что мы только не видали!
 Нам ворота отоприте
 И к султану проводите.

Стражник хватает обоих за шиворот и уволакивает за кулисы. Гаснет свет. Звучит тихая музыка. Когда свет зажигается, на сцене появляется богатый зал с коврами и восточными вазами. В центре на троне восседает султан (в богато расшитом халате и щедро разукрашенной чалме) в задумчивой позе. Рядом стоит охранник с опахалом. Вокруг люди в разномастной одежде. Появляется стражник с двумя странниками.

Голос автора.

Отвели их к падишаху,
 Чтоб не дать случайно маху.
 Видят путники: на троне
 Восседает при короне
 Не большой и грозный хан,
 А расстроенный султан.
 Грустно лико, тусклы очи,
 Жалок вид его – нет мочи.
 Молвит тихо...

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Султан (*медленно, с тихим вздохом*).

Проходите,
 Что видали, расскажите.
 Может быть, послушав вас
 Без затей и без прикрас,
 Легче станет на душе –
 Десять лет на ней уже
 Тяжким грузом есть печаль,
 Если ж нет, то, право, жаль...
(Продолжает с сарказмом.)
 Может быть, я вас казню,
 Может, просто, прогоню.

Голос автора.

Начал тут факир рассказ...

Факир (*неспешно загадочно*).

Вот однажды как-то раз
 Я забрел в одну страну,
 Где ведет народ войну,
 На войне той кровь не льется,
 А ведут торги...

*Стоящие вокруг люди начинают негромко переговариваться,
 посмеиваясь и толкая друг друга.*

Голос автора.

Смеется
 Его слову весь народ –
 Шах и бровью не ведет.

Факир (*воодушевляясь*).

Раз я видел.

Голос автора.

Продолжает он.

Факир.

Как поле расцветает,
 Под торжественной луной
 Красотою неземной!
 Люди начинают громко шуметь и перемещаться по сцене.

Голос автора.

Все дивятся тому сказу
 Не моргнет султан и глазом.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Факир (*повышая голос почти до пронзительного*).

А в одном краю далеком
Яснолико-чернооку
Встретил девушку мечты
Несравненной красоты!

Султан приподнимает голову и окидывает собравшихся рассеянным взглядом.

Голос автора.

Падишах чуть встрепенулся,
Присмотрелся, подтянулся.

Факир (*снова понижая голос*).

А живет она с купцом
И зовет его отцом,
Только ей он не отец,
Но, однако, молодец:
Подобрал ее он в ночь
И растил, как свою дочь!
Султан вскакивает и начинает в удивлении озираться.

Голос автора.

Закричал султан, вставая.

Султан.

Где она, а? Кто такая?!

К трону подходит Мараджана, снимает головной убор и кланяется с пояса отцу.

Голос автора.

Вперед вышла Мараджана
И предстала пред султаном:
Опустила очи дол,
Распустила косы в пол.

Султан срывается с трона, отталкивает стражника, опрокидывает человека с опахалом, бросившегося к нему. Кидается к дочери и заключает ее в объятия.

Голос автора.

Тут встряхнул шах головой
И на радости такой
Приказал устроить пиру,
Да пожаловал факиру
Чалму первого визиря.
Воцарилось ханство в мире!

*Звучит мажорная музыка. Падишах подзывает факира к себе и что-то ему вручает.
Все начинают активно перемещаться по сцене, поздравляя факира.
Все выражают бурную радость. Бравурная музыка.*

Голос автора.

Не окончена тут сказка –
То была всего завязка...

Действие четвертое

Голос автора.

Во дворце, забот не зная,
Мараджана молодая
Поживает, припевая
И не ведая печали,
Лишь скучает о купце –
Названом своем отце.
Да не знает наперед,
Что за напасть ее ждет...

*Поднимается занавес. Звучит загадочная музыка. На сцене полутьма.
В центре круг (или выделенный светом, или каким-то реквизитом).
По кругу ходит зловещая фигура во всем черном (колдунья), приплясывая.*

Голос автора.

А тем временем у хана,
У пресветлого султана
Проживала во дворце
С злобной миной на лице
Одна давняя прислуга –
Одинокая старуха.
И никто не знал в округе,
Что она ночами в круге
Пентаграммы рисовала
Да такое прознавала,
Что другим знать было рано,
Только ведьма для султана
Ворожила оттого,
Что любила лишь его...

*Музыка наращивает темп и силу, Колдунья танцует активнее, что-то громко припевая.
Свет гаснет. Музыка резко обрывается. Другая декорация. Сад. Открытое окно.
Светит луна. Свет приглушенный. Звучит тихая приятная музыка.*

Голос автора.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Вот однажды ночью лунной
 С Мараджаной нашей юной
 Приключился случай злой,
 Снится сон ей вот какой,
 Молвит будто ей купец: *(можно использовать призрачный силуэт купца)*
 – Хоть тебе я не отец,
 Но люблю тебя, как дочь!
 И прошу, чтоб в эту ночь
 Ты ушла прочь из дворца,
 Не спросивши у отца
 Разрешенья-позволенья.
 И без ханского вельенья.

Мараджана выбирается через окно в сад.

Голос автора.

Мараджана поднялась,
 Потихоньку собралась,
 Быстро выбралась в окно,
 Схоронилась, где темно.
 Тихо спряталась в саду:
 Караулила беду.

Мараджана оглядывается и прячется за куст. Музыка звучит тревожно.

Голос автора.

Только филин прокричал –
 Слышит: ветер покрепчал,
 И в раскрытое окошко...

Свет начинает словно метаться по сцене, потом заскакивает в окно, оттуда раздается громкий хлопок. Мараджана вскрикивает, вскакивает. Видно, как за окном разгорается зарево. Музыка играет тревожно и громко.

Голос автора.

...Что-то темное, как кошка,
 Заскочило в один миг...
 Тотчас же пожар возник.
 Мараджана ни жива –
 Затаилась – ни мертва:
 Что ей делать, быть ей как?
 Страх застыл в ее очах...

Мараджана мечется по сцене.

Голос автора.

Где заступника найти?

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Страх кому свой донести?
Тут про мага вспоминает...

*Мараджана замирает. И через несколько секунд опрометью бежит
по направлению к кулисам и насккивает на Факира.*

Голос автора.

...Со всех ног к нему вбегают
И, дрожа, ему на грудь
Кинулась она всплакнуть...

*Видя кто это, девушка вскрикивает и обнимает своего спасителя.
Рыдает у него на груди, вздрагивая всем телом.*

Голос автора.

Слыша девушки рыдания,
Говорит ей маг печально:

Факир (*мягко, глядя по голове Мараджану*).

Не кручинься, дочь моя,
Это карма не твоя:
То султановы секреты,
Скоро ты узнаешь это.
Спать сейчас ложись скорей –
Утро вечера мудрей!
Оба удаляются со сцены.

Голос автора.

Да и мы пойдем поспать,
Чтоб наутро продолжать...

Тот же сад. Светло. Утро.

Неспешно по сцене ходят факир с Мараджаной, переговариваясь.

Голос автора.

Наступило утро ясно,
Мараджана же несчастна,
Проведя без сна всю ночь,
Просит мага ей помочь.
Отвечает ей визир:

Факир (*грустно*).

Обошли с тобой мы мир!
Обойдя вокруг полсвета,
Одолеем мы и это.
К шаху я сейчас пойду
И разведу беду.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Ты сейчас же схоронись,
Выждидай – не торопись.

Факир покидает сцену. Девушка снова начинает метаться, заламывая руки.

Голос автора.

И ушел он из владенья.
Ей – набраться бы терпенья...
Но дожидаться не смогла
И во след за ним пошла.

*Девушка вдруг, словно на что-то решившись,
бежит в ту сторону, куда удалился факир.*

Голос автора.

Только дева – за порог,
Как поднялся сильный смог:
С головой ее накрыл
Да... со света бела скрыл.

Хлопок. Столб дыма. Мараджана исчезает. Вбегает обратно факир, начинает бегать по сцене, ищет, зовет Мараджану. Потом, потрясая кулаками, спешно удаляется.

Голос автора.

Побежал факир к султану
В беспокойстве за Марджану.

*Снова тронный зал во дворце. На троне сидит султан.
Больше никого нет. Торопливо входит Визирь.*

Голос автора.

Но недвижим шах сидит –
На визиря не глядит.
Опустив печально очи,
Молвит:

Султан (медленно, в задумчивости).

Как-то темной ночью
Нагадала мне прислуга:
Моя верная подруга,
Что пробьет мой смертный час,
Если дочь отдам зараз
В жены именно тому,
Кто по совести, уму
И красе ей будет равен,
Только знатностью не славен...
И хотела слово взять,

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Что я в жены дочь отдать
 Обещаю лишь вельможе –
 На нее это похоже...
 Я ей слова не давал
 И принцессу потерял...
 В первый раз, как дочь пропала,
 То судачить челядь стала,
 Что повинна в этом злая
 Ведьма старая седая...
 Я значенья не придал –
 Вот и снова потерял
(громче, словно приняв какое-то важное решение)
 Дочь, но только в этот раз
 Дам жестокий я наказ,
 Чтоб на площади костер
 Запалили выше гор:
 Пусть на утренней заре
 Жгут колдунью на костре...
 Коли козни ты плетешь –
 Сам в те сети попадешь!

Голос автора.

Что же делать тут факиру,
 Не подлить в огонь чтоб жиру?
 Как сказать теперь султану,
 Что сумел укрыть Марджану?
 И жива она осталась,
 Только снова потерялась...

Звучит тревожная музыка.

Действие пятое

На сцене горы в тумане. На фоне гор тибетский монастырь. У ворот сидит монах-привратник, перебирает четки и что-то бормочет. Напротив стоит Мараджана и удивленно оглядывается. Звучит тихая релаксационная музыка.

Голос автора.

Это в сказке все несложно,
 Нам же надо осторожно
 С вами двигаться вперед,
 Ведь покоя не дает
 Мысль о том, где Мараджана.

Музыка звучит громче.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Голос автора.

Очутилась дочь султана,
 Как рассеялся туман,
 Среди гор далеких стран.
 Озирается тревожно,
 Понемногу-осторожно
 Вдаль глядит: вдали сверкает,
 Ярко золотом играет
 Крыша в солнечных лучах –
 У ворот сидит монах.
 Ни о чем не вопрошая,
 Деву внутрь приглашает.

*Монах-привратник встает, с достоинством отвешивает поклон Мараджане
 и делает приглашающий жест в сторону ворот.*

Голос автора.

И пошла за ним она,
 Словно под гипнозом сна...

*Становится чуть темнее, словно они вошли внутрь.
 Посередине на подушках сидит Главный Монах и покачивает головой.
 Видя Мараджану, поднимает голову. Вспыхивает яркий свет.*

Голос автора.

Провели ее в огромный
 Тихий зал, но слишком темный.
 Видит – вдалеке сидит
 Старец и с ней говорит,
 Только молвит не речами,
 А бездонными очами.
 Замерев, она внимает
 Его мыслям, и сверкает
 Озареньем ее ум:
 Стало ясно все – без дум!

Мараджана резко вскидывает руку, как бы загораясь, вскрикивает и падает. Темнота.

Голос автора.

Отвлечемся на немного
 И отправимся в дорогу
 Снова в дальний-дальний путь,
 На султана чтоб взглянуть.

*Снова тронный зал во дворце. Посередине на троне султан.
 Он встревожен. Все время вскакивает с места. Возле него суетится визирь.
 К султану по очереди подбегают слуги, что-то ему говоря. Он отталкивает каждого.*

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Голос автора.

Рассказал визирь султану,
 Что украли Мараджану,
 Тот, узнав, что дочь жива,
 Возвестить велел слова.

Султан вскакивает на трон и провозглашает громко.

Султан.

С тем я поделюсь казной,
 Дочку кто вернет домой!

Все начинают в суматохе носиться по сцене, сбивая друг друга с ног.

Голос автора (насмешливо).

Тут такое началось,
 Завертелось, поднялось:
 Собрались в путь горожане,
 Престарелые дворяне,
 За принцессой молодой
 И султановой казной.
 Кто, конечно, помоложе,
 Собираются в путь тоже –
 Мараджану отыскать
 И казны чуть-чуть урвать.

Звучит бравурный марш и гаснет свет.

Голос автора (загадочно).

Вот однажды у реки
 Завели спор рыбаки.

*Мягко загорается свет. На заднем плане река.
 На сцене сидят вокруг костра три рыбака и разбирают сети.*

Голос автора.

Говорит один, седой,
 С длинной редкой бородой.

Встает Рыбак 1.

Рыбак 1 (приосаниваясь).

Я отправлюсь за Марджаной,
 Привезу ее султану,
 Ей в дороге приглянусь

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

И тотчас на ней женюсь!

Остальные покатываются со смеху.

Рыбак 2.

Не смеси ты нас, ей-ей,
 Что ты делать будешь с ней?
 Дочь султана молода,
 У тебя ж – глава седа.

Рыбак 2 (вставая и подбочениваясь).

Вам скажу, ребята, так:
 Я по совести, бедняк,
 Но принцессу отыщу
 И султану отомщу
 Я за всех больных-убогих,
 Нищих, старых, колченогих –
 Выкуп за нее возьму
 Всю султанову казну.

Рыбаки выказывают крайнюю степень неодобрения.

Голос автора.

Зароптали рыбаки.

Рыбак 1 (возмущенно жестикулируя).

Говорить так не с руки:
 Наш султан не так уж плох,
 Может быть, немного строг...
 Только разве мы видали
 Жизнь без горя и печали?
 Так что будет пусть наш хан,
 Счастлив: он ведь не тиран.

Встает Рыбак 3.

Голос автора.

Третий тут рыбак встает
 И такую речь ведет.

Рыбак 3.

Я на поиски Марджаны
 Не отправлюсь – быть с султаном
 В тесно-свойственном родстве
 Не повадно как-то мне,
 Золотой казны от хана

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Мне не надо (как ни странно).
 Хорошо живется мне
 В чистом поле при луне!
 Сладко дышится и вольно,
 На душе моей раздольно!
 Я судьбой своей доволен
 И, по совести, спокоен.
(Подходит ближе к зрителям. Проникновенно.)
 Но, конечно, тут же я
 Двинул в дальние края,
 Если б девы лик туманный
 В сердце мне оставил рану.
 Я б отправился за ней
 Хоть за край земных путей!

Звучит протяжная музыка, на сцену спускается туман.

Голос автора.

Только молвил это он –
 Зазвучал протяжный стон,
 Рябью вздернулась река,
 Набежали облака...
 Глядь, из этого морока
 Тень явилась издалека,
 Перед ними уплотнилась
 И в монаха обратилась.

*Туман рассеивается и появляется фигура тибетского Монаха.
 Все рыбаки вскакивают и выражают изумление.*

Голос автора.

Он глядит на них очами,
 А от них двумя лучами
 Свет исходит неземной.
 Говорит...

Монах *(пока он говорит, свет становится ярче, а музыка затихает).*
 Иди за мной.

Голос автора.

...Молодому человеку
 И шагает прямо в реку...
 На плечо тот сеть закинул
 И за старцем в реку двинул.
 Расступилась река,
 Старца скрыв и рыбака.

Монах оборачивается и уходит за задник. Рыбак 3 берет свою сеть, забрасывает ее на плечо и покидает сцену вслед за монахом. Оставшиеся застывают в немом изумлении. Звучит загадочная музыка.

Действие шестое

На заднем плане горы с выступающим утесом. На фоне гор родник, лес (любая пасторальная картинка). Тихо звучит приятная музыка (в стиле Сиртаки). Сирены медленно и грациозно танцуют.

Голос автора.

Что, ребятки, загалдели?
 Слушать дальше расхотели?
 Коли нет – сидите тихо:
 Будет дальше еще лихо...
 Оказался наш рыбак
 В Елисеевых полях,
 Что в народе так зовутся:
 Вина там рекою льются,
 И поют Сирены нежно,

На сцену вступает Рыбак 3. Он удивлен, в недоумении оглядывается. Сирены начинают танцевать зазывнее, руками машут ему, зовут. Темп музыки нарастает.

Голос автора.

Сладкозвучно, безмятежно.
 Здесь зовут остаться вечно,
 Обещают бесконечно
 Море счастья и вина.
 Будет жизнь твоя полна,
 Говорят ему они.

Темп музыки становится максимальным. Рыбак хватается за голову, затем резко опускает руки вниз. Музыка обрывается. Сирены замирают на полушаге.

Рыбак.

Но к чему такие дни,
 Где безволен и бесправен
 Буду я, хоть вам и равен?
 Рая вашего не надо,
 Убирайтесь прочь, наяды!
 Я вина почти не пью,
 Сладких песен не люблю...

Сирены под резковато звучащую музыку заламывают руки в резких движениях, и их словно сдувает со сцены ветром (можно со стоном).

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Голос автора.

Только это произнес –
 Видит пред собой утес,
 А на том утесе диком
 Плачет дева с нежным ликом.

*Вдалеке появляется фигурка Мараджаны. Она стоит на коленях в позе молящейся
 (или закрыв руками глаза). Раздается романтическая музыка с грустной ноткой.
 Рыбак замирает, подняв взгляд на девушку.*

Голос автора.

Он увидел на мгновенье
 Лишь ее, но упоенье
 В его сердце поднялось
 Болью сладкой отдалось,
 Все внутри перевернулось
 И вокруг вдруг всколыхнулось,
 Голова пошла кругом...

Раздается грохот и гаснет свет.

Голос автора.

И с утеса кувырком
 Он сорвался сам собой,
 Да о землю головой
 Со всего ударил маха
 И... узрел опять монаха...

*Когда снова загорается свет, Мараджаны уже нет на утесе. Рыбак сидит
 в растерянности в центре сцены, перед ним стоит монах в торжествующей позе.*

Монах (немного насмешливо).

Что, сильна на сердце рана?
 То была, друг, Мараджана!
 Знай, она – судьба твоя.
 Что про дальние края
 Ты намедни говорил?
 Я не очень уловил...

Голос автора.

Строго молвит, но таит
 Смех на краешках ланит.

Рыбак (вскакивая, с воодушевлением).

Я готов идти за ней,
 За любимую моей,

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Признаюсь я в этом честно.

Монах.

Отправляйся за невестой.
Пока будешь ты идти,
Тебе многое в пути
Может странным показаться,
Главное, не поддаваться...

*На последних словах монаха начинает играть тихая музыка (наподобие колыбельной),
медленно гаснет свет, Рыбак клонит голову на грудь.*

Голос автора.

Так напутствовал монах,
Пока в сон впадал рыбак.
Что ж, и мы передохнем,
Завтра сказывать начнем.

*На сцене снова медленно зажигается свет (утро). Рыбак бодро шагает,
что-то насвистывая.*

Голос автора.

Встало солнце в небесах –
Парень был уж на ногах:
Весел, бодр и полон сил,
Лишь жалел, что не спросил
Старца, перед тем как спать,
Где судьбу свою искать?
Но, вверяя душу богу,
Он отправился в дорогу
За Марджаной молодой –
Своей родственной Душой.

*Здесь могут на встречу рыбаку попадаться разные люди (слуги из дворца султана),
одетые по-другому. С кем-то он раскланивается, кого-то пропускает,
кому-то кивает, кому-то машет рукой.*

Голос автора.

Все идет рыбак по свету:
Мараджаны нет как нету.
Вот заходит в лес густой.

Свет чуть меркнет. Начинает играть тревожная музыка.

Голос автора.

Там деревья головой

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Подпирают свод небесный –
Парню странно и чудесно...
Вдруг он видит, под ногами...

Сполохи красного цвета у ног Рыбака. Музыка наращивает темп.

Голос автора.

...Пламя взвилось языками:
Оказалось все в дыму –
Испугаться бы ему.

Рыбак уворачивается от огня (танцует под музыку или совершая акробатические трюки).

Голос автора.

Только тут-то наш рыбак
Изловчился кое-как,
Между веток извернулся,
На руках перевернулся:
Силу, ловкость проявил
И в костер не угодил!

*Музыка переходит в приятное негромкое звучание.
Рыбак останавливается перевести дух и видит шатер,
из которого появляется фигура, одетая как Мараджана, но не она.*

Голос автора.

Только лишь глаза протер,
Что же видит он – шатер
Вдруг возник из ничего,
Будто кто-то враз его
Перенес в другое место.
Смотрит – там его невеста.

*Звучит призывная музыка (та же, под которую танцевали сирены),
фигура лже-Мараджаны жестами рук заманивает Рыбака в шатер.*

Голос автора.

Но глядит немного странно,
Улыбаясь непрестанно,
Сладким голосом манит,
Только лед в очах таит.

Рыбак отталкивает ее и отшатывается.

Рыбак.

Что за проклятое место?
Прочь, ты не моя невеста!

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Голос автора.

Закричал на весь он лес.
Тут же морок и исчез...

Свет приглушается. Шатер исчезает. Издалека нарастает тревожный звук.

Голос автора.

Только снова в путь рыбак,
Видит: что-то вновь не так.
Вязко стало под ногами
И земля пошла кругами,
Невозможно устоять:
Надо падать, иль бежать.

*Рыбак будто начинает терять равновесие, раскидывает руки, пошатывается.
Музыка напоминает звук тревоги.*

Голос автора.

Только парень не был прост:
Из сети раскинул мост,
За деревья зацепился
И по воздуху пустился.
По сети между стволов,
Да из леса был таков...

*Рыбак распускает и раскидывает широко сеть, цепляется за нее и ползет на четвереньках.
В его движениях появляется уверенность. Музыка переходит в спокойный темп.*

Голос автора.

К ночи подошел он к морю,
Видит: ох, какое горе –
Плачет у воды старуха,
А вокруг нее разруха.
Погорел в пожаре дом
Со всем скарбом и добром.

*Рыбак подходит к старушке (это переодетый монах),
которая, ссутулившись, сидит у (палатки/кучи тряпья/корыта).*

Рыбак (увлеченно).

Это горе мы поправим:
Новый дом тебе поставим.

Голос автора.

Молвит женщине рыбак,
Только смотрит вдруг – монах

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Вместо бабушки стоит,
Улыбаясь, говорит.

*Облаченный в тряпье монах сбрасывает накидку и предстает перед Рыбаком
в своем истинном образе под торжественный гимн.*

Монах.

Ты прошел все испытанья,
Проявив свое старанье,
Смелость, верность, доброту
И смекалки быстроту!
Ждет тебя твоя Марджана,
Завтра встанешь очень рано,
Отдохни, да к ней – с рассветом:
Заслужил ты, парень, это!

Голос автора.

Ну и мы совсем устали,
Ведь давно уже не спали,
Надо, братцы, отдохнуть,
А с рассветом – снова в путь.

Действие седьмое (финал)

*На заднем плане сцены Тибетский монастырь на фоне гор (как в 5-м действии).
Рыбак бодро шагает в его направлении.*

Голос автора.

Едва солнца первый луч
Вырвался из плена туч,
Был рыбак уже в пути,
Чтоб любовь свою найти.
Не прошло и пары дней,
Как попал он прямо к ней:
С небольшой горы спустился
И пред нею очутился.

*С дальнего конца сцены появляется Мараджана под нежную музыку.
Рыбак делает к ней шаг. Оба замирают.*

Голос автора.

Только он ее узнал,
Понял, что навек пропал,
Ей любовь свою вверяя,
Смысл жизни обретая.
Мараджана тоже ждет,
Хоть и бровью не ведет,
Только сердцу больно биться:

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Рвется из груди, как птица.

На сцену выходит монах, берет за руки Мараджану и Рыбака и соединяет их.

Голос автора.

Их монахи обручили,
Мудрым словом научили,
Как любовь свою хранить
И от глаз чужих таить:
Напоказ не выносить,
Чтобы долго в счастье жить!

*Начинает играть музыка (какая обычно звучит в конце сказок),
но на последующих словах автора резко обрывается.*

Голос автора.

Вот почти уже конец,
Только как там наш купец?
Что, ребятки, приуныли?
Мы совсем о нем забыли...

Мараджана и Рыбак выражают растерянность.

Голос автора (таинственно).

В ту злопамятную ночь,
Когда от пожара дочь,
Он во сне советом спас,
Не открыл уж больше глаз.
Он наутро не проснулся,
Но не умер, а замкнулся...
Он не ел, не пил, не спал:
Словно в полусне дремал.
Вечер, утро, день и ночь
Думал, дочке как помочь.

Снова начинает звучать «хэппиендовская» сказочная музыка.

Мараджана и Рыбак опять крепко берутся за руки и уверенно проходят через всю сцену.

Голос автора.

Молодая Мараджана
Знала все и про султана,
Как прозрела от лучей
Старца ласковых очей.
Понимала, что султану
Не судьба погибнуть рано,
Не проведает пока,
Что женою рыбака

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Его дочь в итоге стала
 И о нем тужила мало.
 Также знала о купце –
 Названом своем отце,
 Что с постели не вставал
 И в бреду ее все звал.

С дальней стороны (невидной героям) появляется кровать. На ней лежит купец.

Голос автора.

С монастырского порога
 С мужем потому в дорогу
 Не к султанскому дворцу,
 А к названому отцу
 Направлялась Мараджана.
 Поздно добрались ли, рано?
 Неизвестно про то свету,
 Да и разве важно это?

*Герои подходят к купцу. Мараджана наклоняется и обнимает его.
 Купец медленно встает, потягивается и, увидев Мараджану, бросается ее обнимать.
 Она представляет ему мужа. Купец радостно обнимает и его.*

Голос автора.

Лишь купец ее узрел –
 Сразу ликом просветлел:
 Встал с постели бодр и рад,
 Что вернулась дочь назад!
 Закатили они пир
 И кормили с год весь мир!
 Тут конец, конечно, сказу –
 Не соврал я вам ни разу!

На последних словах все участники выходят на сцену и собираются возле купца.
 Звучат поздравления и здравицы. Играет радостная музыка.

Общий поклон.
 Занавес.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД С БОЛЬШОЙ ИСТОРИЕЙ. МЕЛЬК

«16 августа 1968 года я приобрел книгу под названием “Записки отца Адсона из Мелька, переведенные на французский язык по изданию отца Ж. Мабийона” (Париж, типография Ласурсского аббатства, 1842). Автором перевода значился некий аббат Балле. В довольно бедном историческом комментарии сообщалось, что переводчик дословно следовал изданию рукописи XIV в., разысканной в библиотеке Мелькского монастыря знаменитым ученым семнадцатого столетия, столь много сделавшим для историографии ордена бенедиктинцев», – так начинается роман Умберто Эко «Имя розы».

Аббатство Мельк существует и поныне, и прекрасная библиотека, где некий аббат Балле разыскал «Записки», также не фантазия писателя. Она на самом деле существует и является одной из красивейших барочных библиотек мира. Ее фонд насчитывает около 100 тысяч изданий, включающих 1888 рукописей, 798 инкунабул, 1700 изданий XVI века, 4500 изданий XVII века, 1800 – XVIII века, а также исторические труды XIX века, размещенные в малом зале. Именно в этой библиотеке до 1926 года находился первый отпечаток Библии Гутенберга, проданный из-за нехватки денег. Сегодня на аукционах один лист такой книги стоит 80 тысяч долларов.

К библиотеке мы еще вернемся, а наше путешествие начнем с города, который разместился у подножия скалы, где и стоит аббатство. Именно из этого города молодой послушник-бенедиктинец мелькского монастыря Адсон, чьи «Записки» и разыскал Балле, в 1327 году отправился

в Италию, чтобы сопровождать монаха-бенедиктинца Вильгельма Баскервильского в один из итальянских монастырей, где средневековые Шерлок Холмс и доктор Ватсон распутают клубок невероятных событий.

Город Мельк расположен на правом берегу Дуная, в земле Нижняя Австрия, в знаменитой долине Вахау. Первые упоминания о городе относятся к 831 году, в «Песни о Нибелунгах»³ Мельк упоминается под именем Меделике, а в 976-м маркграф Леопольд I делает его своей резиденцией. Бенедиктинцам крепость Мельк досталась от Леопольда II в 1089 году, с тех пор и до настоящего времени монастырь является бенедиктинской обителью. В это же время появляется и библиотека, где было собрано огромное для того времени число рукописей. Именно это сделало монастырь широко известным.

К сожалению, в 1297 году после сильного пожара была уничтожена почти вся коллекция рукописей, а также большая часть строений. Сильно поврежденный монастырь все же решили восстановить, но восстановительные работы постоянно откладывались из-за чумы, церковного раскола, войны с Турцией, неурожая. В 1564 году монастырь оказался на грани закрытия, в нем обитало меньше десяти человек. Однако новый аббат Урбан Пентаз не только отстоял монастырь, но и возродил обитель, и с 1566 года начинается его расцвет. Так что Адсон проживал в обители не в самый лучший ее период.

Город Мельк к этому периоду истории уже был вполне развитым городком, получившим в 1227 году *Marktrecht*⁴, то есть торговое право. Тем не менее Мельк всегда оставался лишь поселением при обители и лишь в 1898 году получил статус города. В истории Мелька есть

³ «Песнь о Нибелунгах» средневековая германская эпическая поэма, написанная неизвестным автором в конце XII – начале XIII века.

⁴ *Marktrecht* – торговое право, регламентирующее в средневековой Европе проведение народных праздников, ярмарок, выставок, а также различных торговых мероприятий, в частности еженедельных и специальных рынков. Имело большое значение для развития торговли в Европе.

печальные страницы. Так, 14 декабря 1805 года в северной бастее монастыря произошел пожар. В это время там находились 300 солдат русской армии, плененных французами при Аустерлице. Все они погибли. В память об этом в 1891 году по высочайшему повелению российского императора Александра II на месте массового захоронения воинов установили мемориал из черного мрамора, на котором написано: «Вечная память 300 русским воинам, погибшим на чужбине в 1805 году в Мельке и здесь погребенным».

Вид города

С 21 апреля 1944 года и до 15 апреля 1945 года в Мельке был концентрационный лагерь, филиал Маутхаузена⁵. Территория лагеря была обнесена двойным забором из колючей проволоки и цепью сторожевых башен, в лагере имелся собственный крематорий. Заключение в основном занимались в шахтах добычей кварцевых пород. Через лагерь прошло 14390 заключенных, треть из которых были евреи. Около 5000 погибло, многие в газовых камерах или при попытке к бегству. Особенно тяжело приходилось детям и подросткам, поскольку работы в шахтах требовали большой физической силы и выносливости. Перед наступлением войск союзников заключенных перевели в Маутхаузен и Эбензее⁶, слабых и больных умертвили при помощи укола с ядом. Первоначально заключенных планировалось взорвать в штольне, однако это план не был осуществлен. 8 мая 1945 года войска Красной Армии вошли в пустой лагерь. Сейчас на месте лагеря находится мемориал, а в центре города в 2008 году установили телефонную будку, в телефонную книгу вписаны имена всех выживших, и можно послушать их истории.

Сегодня Мельк – это чудесный городок на берегу Дуная. Среди основных достопримечательностей здание старого Почтамта, небезосновательно признанного самым красивым зданием почты в Австрии. Здание построил в 1792 году венский архитектор Франц Випплингер, это яркий образец перехода от позднего барокко к раннему классицизму.

В самом центре города на пересечении двух улиц стоит старая хлебная лавка, которая так и называется Alter Brotladen⁷. Когда-то в этом доме XVII века со старинной крышей из деревянной дранки три мелькских пекаря продавали хлеб. На центральной площади находится фонтан с фигурой святого Коломана, мощи которого хранятся в аббатстве.

⁵ Маутхаузен (KZ Mauthausen) – немецкий концлагерь около города Маутхаузен в 1938–1945 годах. Представлял собой систему, состоящую из центрального лагеря и 49 филиалов, разбросанных по всей территории бывшей Австрии.

⁶ Эбензее (KZ Ebensee) – филиал Маутхаузена в местечке Эбензее в Верхней Австрии.

⁷ Alter Brotladen – старая хлебная лавка (нем.).

Здание Почтамта

Святой Коломан считается покровителем Австрии, а также покровителем путешественников и повешенных. Он был сыном ирландского правителя, во время паломничества в Иерусалим его приняли за чешского шпиона и после мученических пыток повесили на сухой бузине между двух убийц, а тело, как тогда было принято поступать с преступниками, не похоронили.

Хлебная лавка

Фонтан с фигурой святого Коломана

Однако тело не разлагалось, и вскоре стали происходить чудеса. Тогда святого перезахоронили в Штокерау, чудеса продолжились, а вскрытие могилы показало, что мощи по-прежнему нетленны. Сейчас мощи святого Коломана хранятся в аббатстве Мельк. Но вернемся к фонтану. Этот фонтан в 1722 году подарил аббат Бертольд Битмайер, поскольку фонтан не вписывался в барочную концепцию монастыря.

Еще одной достопримечательностью Мелька является приходская церковь Успения Пресвятой Богородицы (Mariä-Himmelfahrt Stadtkirche). Строгая готическая церковь появилась на месте старого храма святого Стефана в 1481 году. В 1847 году после сильного пожара церковь была перестроена и сегодня является ярчайшим примером неоготики второй половины XIX века. Внутреннее убранство стандартно для готического храма: сетчатый ребристый свод, на стенах отсутствуют фрески, их заменяют огромные окна с цветными витражами, изготовленными в мюнхенской мастерской Остермана и Хартвейна по проектам Якоба Брадля в 1897–1898 гг. Примечательность этих окон в том, что каждое окно в разное время суток светится по-особому. После реставрационных работ в 1987 году окнам вернули первоначальную интенсивность цвета. Высокий алтарь богато украшен деревянной резьбой. На внешней стороне церкви стоит отметить множество надгробных памятников, особое место среди них занимает сцена на Масличной горе.

Приходская церковь

Она расположена в нише за решеткой на южной стороне церкви. Все фигуры выполнены почти в натуральную величину предположительно в мастерской известного скульптора Крихбаума в 1502–1503 гг. и являются примером австрийской дунайской школы. В центре композиции Христос стоит на коленях перед Ангелом; пока Петр и двое учеников спят, с заднего плана появляется Иуда с приспешниками.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Еще одной достопримечательностью Мелька является городская аптека XVI века. В 1910 году в старое здание, где когда-то находился отель «К золотому солнцу», затем торговое предприятие и жилая лавка, въехал аптекарь Франц Ксавер Линде – младший. Его отец в свое время основал городской музей города Мелька, и часть экспонатов переместилась в аптеку, поскольку в музее уже не было места. Таким образом, во дворе аптеки можно увидеть римские надгробия, привезенные из окрестных селений.

Если пройти до конца Штернгассе и подняться по узкому пути наверх, то дорога приведет к самому старому сохранившемуся в оригинале зданию города – Дому на камне (Haus am Stein). Дом был построен в конце XV века из бутового камня. По всему фронтому дома тянется виноградная лоза, ей уже больше ста лет, и она является памятником природы. Лоза напоминает о времени, когда за воротами дома начинались процветающие когда-то виноградники, просуществовавшие до 1900 года. В целом в Мельке находится около 70 зданий, находящихся под защитой государства. Но все же самой главной достопримечательностью Мелька, привлекающей миллионы туристов каждый год, является Бенедиктинский монастырь (Stift Melk).

На городской улице

МОНАСТЫРЬ

Монастырь виден издали, как с автобана А1, соединяющего Вену и Зальцбург, так и с Дуная. Он размещен на скале и возвышается над Мельком. С монастырских стен город, с его черепичными крышами, кажется кукольной декорацией.

Вид на город

История монастыря начинается 21 марта 1089 года, когда в только что выстроенную обитель въехали монахи-бенедиктинцы во главе с аббатом Зигiboldом. В 1122 году монастырю была дарована Экземция⁸ и монастырь перешел в прямое подчинение папе Римскому. Также монастырю маркграфом были дарованы земельные владения. В монастыре имелся собственный скрипторий⁹ и библиотека, известная далеко за его пределами. 14 августа 1297 года случился страшный пожар, уничтоживший библиотеку, церковь и большинство монастырских строений. По монастырю был нанесен страшный удар, от которого он долго не мог оправиться и даже был на грани закрытия, когда в нем оставалось не более десяти самых стойких монахов. Новый аббат Ульрих II (1306–1324) всеми силами пытался восстановить монастырь, но этому препятствовали различные экономические и политические потрясения, такие как чума, неурожай, церковный раскол.

21
Аббат Зигibold

Монастырь оправился лишь к XIV веку. В 1362 году герцог Рудольф IV, подарил бенедиктинцам ценнейшую христианскую реликвию – предполагаемый осколок от креста, на котором был распят Иисус Христос, – Мелькский крест (das Melker Kreuz). Он также перестроил гробницу святого Коломона. В XV веке в мелькском монастыре, как и в других, происходят волнения и многочисленные конфликты. Все это приводит к реформе бенедиктинских монастырей, и центром реформирования становится монастырь в Мельке. В это время аббатом становится бывший ректор Венского университета Николаус Зейрингер¹⁰. Его назначение привело не только к наведению порядка в монастырских стенах, но и длительному сотрудничеству с Венским университетом, что поспособствовало созданию духовного центра, где было написано огромное количество научных и богословских трудов, дошедших до наших дней.

⁸ Экземция (Exemption) – в католическом церковном праве выделение отдельных учреждений из церковной юрисдикции и прямое подчинение папе Римскому. Особое значение экземция имела для орденов и монастырей, которые благодаря этому статусу могли получить определенную юридическую самостоятельность по отношению к соответствующим местным и областным церковным должностным лицам, в основном к соответствующему епархиальному архиерею.

⁹ Скрипторий (scriptorium) – возникшие в поздней античности (в основном в монастырях) мастерские по переписке сакральных рукописей.

¹⁰ Николаус Зейрингер (Nikolaus Seyringer) (1360–1425) – бенедиктинский монах и мистик, ректор Венского университета, аббат монастырей Субиако (Subiaco, Италия) и Мелька, инициатор Мелькской реформы.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Турецкие войны принесли в монастырь очередные беды. Было утрачено большое количество земельных владений, знатные владельцы соседних замков обратились к реформации, неурожаи расшатали экономические основы монастыря, и в 1566 году

Мраморный зал

монастырь в очередной раз оказался на грани закрытия, его персонал состоял всего из трех патеров, трех клириков и двух братьев-мирян. От фактического закрытия монастырь спас аббат Урбан Пернтац. И именно с него начинается возрождение и расцвет монастыря. Сюда потянулись монахи из Южной Германии, монастырь расплатился с долгами и даже выкупил имущество, в обители возобновляется научная и литературная деятельность, а в XVII веке, уже с приходом аббата Бертольда Дитмаейра, начинается перестройка монастыря в стиле барокко. Для этого были приглашены известные специалисты в области строительства того времени.

Выход из мраморного зала на террасу с видом на город и горы

Монастырская библиотека

Строительством до самой смерти руководил известный зодчий Якоб Прандтауэр, а затем его племянник Йозеф Мунгенаст. Внутренней отделкой занимался венский инженер, театральный архитектор и оформитель Антонио Бедуцци (Педуцци), лепными работами руководил Иоганн Пёк, потолочные фрески расписывали Йоханн-Михаэль Роттмайр и Пауль Трогер и другие приглашенные художники, декоративной позолотой занимался Кристиан Давид. В 1739 году монастырь был достроен, но вновь произошел пожар. На этот раз восстановить монастырь удалось уже к 1746 году. В этот период в стенах монастыря осуществлялась большая культурная и научная деятельность. Монастырь посещали многие поэты, композиторы, среди которых были композитор Йозеф Гайдн, профессора Венского университета.

В дальнейшем монастырь ждали немалые потрясения: и реформы Иосифа II в стиле эпохи Просвещения, и пожар в северной бастее, о котором упоминалось выше, и большие финансовые затруднения. Однако монастырь выстоял. В XX веке он был полностью модернизирован, а в 1990 году окончательно отреставрирован. Сегодня это одно из наиболее посещаемых мест в Австрии. Туристы со всего мира съезжаются в монастырь, чтобы побродить по его прекрасным залам, посетить библиотеку и церковь, прогуляться по монастырскому саду.

Пройдя через ворота, туристы попадают в Привратный двор. По обеим сторонам ворот стоят башни, те самые бастеи, где и произошел когда-то пожар, унесший жизни 300 солдат русской армии, а также статуи святого Коломана и святого Леопольда. Ходить по монастырю можно бесконечно, разглядывая барочные фрески, фонтан, на месте которого стоял когда-то фонтан со статуей святого Коломана, изумительную барочную лепнину. Экскурсия начинается с музея, в котором можно увидеть древнейшее деревянное распятие XII века, большой деревянный алтарь, выполненный Йоргом Бреем Старшим, одним из основателей так называемой дунайской школы живописи. Именно художники этого направления вводили в алтарные композиции живопись. В одном из залов посетители могут увидеть огромный сундук, в котором хранилась казна.

О важности сундука говорит сложнейший механизм-запор с не менее впечатляющим ключом. Открыть такой сундук было не просто. И, конечно, Мелькский крест – одна из основных реликвий монастыря.

После осмотра музейных экспонатов туристы попадают в Мраморный зал. Он был предназначен для проведения балов и важных встреч, здесь встречали именитых гостей и членов императорской семьи. Для строительства зала был использован розовый мрамор из зальцбургских каменоломен. Зал поражает красотой и богатством. Огромные окна разделены колоннами и украшены позолоченной лепниной, на потолке роспись по античным мотивам,

Большой зал библиотеки

выполненная Паулем Трогером. Над дверями можно прочесть латинские изречения из устава св. Бенедикта: «Hospites tamquam Christus suscipiantur» («Гостей надлежит встречать, как самого Христа») и «Et omnibus congruus honor exhibeatur» («И всем следует оказывать соответствующие почести»).

Выход из мраморного зала ведет на террасу с видом на город и горы. А дальше посетители попадают в монастырскую библиотеку. Это одна из красивейших библиотек мира. Ее экспонаты уникальны. Например, «Песнь о Нибелунгах» около 1300 года издания, рукописная копия стихов Вергилия X–XI вв. Библиотека расположена на двух этажах. На верхнем располагаются читальные залы, и публику туда не допускают, на нижнем этаже два зала, большой и малый. В малом зале собраны издания преимущественно XIX века. Потолок украшают фрески, созданные Паулем Трогером. На фреске в центре большого зала символическое изображение Веры – женщина, держащая книгу за семью печатями; женщину окружают четыре группы ангелов – аллегорическое изображение четырех добродетелей: Мудрость, Смелость, Благоразумие, Справедливость. По бокам от дверей стоят четыре деревянные фигуры – изображение четырех факультетов: теологии, философии, медицины и юриспруденции.

Винтовая лестница

Позолоченный алтарь

Алтарные скульптуры

Далее по винтовой лестнице, достойной отдельного рассмотрения, посетители попадают в церковь. Церковь Петра и Павла по праву считается одной из самых красивых барочных церквей Австрии. Роскошный интерьер, обильно украшенный сусальным золотом, лепниной и мрамором, выдержан в оттенках золота, охры, оранжевого, зеленого и серого. Проект был предложен Антонио Бедуцци и воплощен приглашенными художниками. Центральная тема позолоченного алтаря – прощание апостолов Петра и Павла друг с другом. По преданию, их в тот же день вывели из Мамертинской темницы на казнь. Огромная золотая корона над двумя позолоченными фигурами предвещает мученичество святых, а в христианском смысле – победу. Два апостола окружены скульптурами ветхозаветных пророков. Над всем возвышается Бог Отец под еще одним знаком победы – крестом. Великолепные потолочные фрески Иоганна Михаэля Роттмайера продолжают мотивы всепобеждающей церкви, под куполом мы видим «Небесный Иерусалим», на потолке основного собора – святой Бенедикт на небесах. Алтарные скульптуры представляют святых Коломана и Бенедикта. В левом алтаре в саркофаге хранятся кости святого Коломана.

Оказавшись на улице, посетители могут прогуляться по монастырскому парку и осмыслить ощущения. Парк создавался в 1746–1747 гг. и дошел до нас практически оригинальным. В небольшом парковом павильоне можно перекусить и выпить кофе. Павильон был разработан Францем Мунггенастом в барочном стиле, а в росписи, выполненной Иоганном Баптистом Вацлававом Берглем, использованы экзотические мотивы. Павильон производит светлое и легкое впечатление, летом здесь проводятся концерты. Далее можно прогуляться по большому парку. Он занимает достаточно большое пространство и расположен на нескольких уровнях. Здесь есть беседка в японском стиле, чудесный пруд с небольшим островом-клумбой, вокруг пруда растут двухсотпятидесятилетние липы. На одном из уровней разбит огород, на небольших грядках различные травы, овощи, а также

Монастырский парк

черная и красная смородина. Это Райский садик (Paradiesgärtlein). Поднявшись чуть выше, оказываешься на своеобразной поляне, где в строго определенное время, связанное с религиозными обрядами, разводят костер. На месте для костра возвышается металлическая конструкция с фигурой Нечистого. Вдоль древней кирпичной стены на металлических шестах сидят металлические вороны работы Ингрид Краловец (Ingrid Kralovec). Вороны символизируют монахов монастыря.

Пруд с двухсотпятидесятилетними липами

Фигура Нечистого

Мельк

Городок Мельк и его окрестности – чудесное место для прогулки. Это лишь начало долины Вахау, протянувшейся вдоль Дуная. По берегам на склонах гор раскинулись виноградники, где производят известные на всю страну вина. Здесь множество старинных замков, некоторые прекрасно сохранились, от других остались лишь руины. Вас встретят чудесные маленькие городки с узкими улочками, старинными домиками и уютными ресторанчиками. За каждым из них стоит история.

Так, в небольшом городке Дюрнштайн в одном из замков держали плененного Ричарда Львиное Сердце, а на одной из дорог стоит монумент русским, французским и австрийским солдатам. В 1805 году войска под командованием Наполеона двигались на Вену, и именно здесь были остановлены русскими и австрийскими войсками.

Весной в долине цветут абрикосы, а в городе Кремс делают знаменитый на весь мир абрикосовый ликер Vailoni. В любой пекарне вы купите ароматнейшие и вкуснейшие булочки, которые так и называются – вахауэр. Долина Вахау это прекрасное место для путешествий и отдыха. Каждый обязательно найдет здесь что-то для себя интересное. И город Мельк один из таких туристических маршрутов.

В монастырском парке

В скриптории холодно, палец у меня ноет. Оставляю
эти письма, уже не знаю кому, уже не знаю о чем.

Stat rosa pristina nomine, nomina nuda tenemus...

Умберто Эко. Имя розы

Московский салон литераторов (МОССАЛИТ)

www.moscowbazar.com

mari.veglinska@mail.ru

© МОССАЛИТ, 2020